

68
 Δ 2093
N 1.23

1958
24448

9 (1)

24448

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

468
2093
1,2,3

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

РАСЦВѢТЪ И УВЯДАНІЕ ВЪ ЖИЗНИ НАРОДОВЪ.

ВЪ 3-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

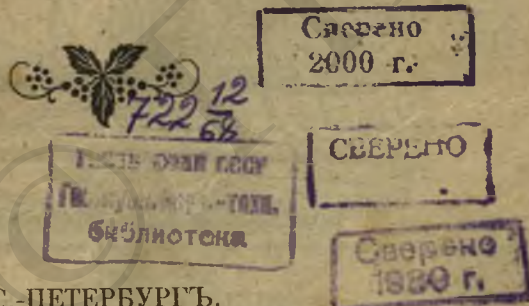
Въ основу положена исторія культуры А. Швейгеръ-Лерхенфельда. Дополненія сдѣланы по Липперту, Кольбу, Боклю, Милюкову и др.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕРЕВОДЪ И ДОПОЛНЕНІЯ М. Н. Т.,

подъ редакціей В. В. БИТНЕРА.

со многими рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе «Вѣстника Знанія» (В. В. Битнера).
1906.

Исторія культуры.

Расцвѣтъ и увяданіе въ жизни народовъ.

ЧАСТЬ I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новое сочиненіе нѣмецкаго ученаго Швейгеръ-Лерхенфельда, легшее въ основу предлагаемой «Исторіи Культуры», возникло подъ вліяніемъ объединяющихъ весь міръ международныхъ вопросовъ, благодаря которымъ взоры всѣхъ обращаются даже на самые отдаленные уголки земного шара. Но понять свое время и правильно оцѣнить событія въ жизни народовъ можетъ лишь тотъ, кто прослѣдилъ въ подробности весь *ходъ развитія человечества* во всѣхъ его фазахъ и этническихъ взаимодействияхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ эволюція и наследственность указали въ области естествознанія то направленіе, которое должны принять способы изслѣдованія, съ этого времени и въ области исторіи культуры изслѣдователь долженъ былъ встать на новый путь. Самая сущность культуры природы не столько въ причинныхъ явленіяхъ въ смыслѣ законовъ природы, сколько во временномъ *дѣйствіи идей*, которыя—измѣняясь съ теченіемъ времени—вліяютъ на возникновеніе и исчезновеніе цѣлыхъ народовъ. Къ тому же безъ свободы дѣйствій не можетъ спокойно совершаться никакое развитіе. Затѣмъ мы должны обратить вниманіе на то, что антропология въ наше время приняла совсѣмъ своеобразную окраску, главнымъ образомъ, благодаря новой концепціи «расоваго понятія», которое она беретъ въ основу своего метода изслѣдованія и которую считаетъ вѣрной точкой опоры историческаго изслѣдованія культуры. Эта «расово-антропологическая» точка зрѣнія имѣетъ, безъ сомнѣнія, большую привлекательность, если мы будемъ держаться того мнѣнія, что расцвѣтъ и гибель народовъ совершаются не подъ вліяніемъ какого-то фаталистическаго принципа, а зависятъ отъ присущей какой-либо расѣ силы или же отъ происходящаго влѣдствіе вырожденія, обезсиленія ея.

Вопросъ заключается, однако, въ томъ, до какой степени антропологическая точка зрѣнія на развитіе культуры выдерживаетъ критику противъ несомнѣннаго вліянія дифференціаціи влѣдствіе измѣненныхъ усло-

вій физической жизни. Извѣстную точку опоры даетъ въ этомъ отношеніи многосторонній и своеобразный ходъ развитія народовъ индоевропейской расы. Почва, климатъ и вліяніе другихъ народовъ не только послужили причиной возникновенія совершенно различныхъ формъ культуры между отдѣльными членами когда-то единой семьи народовъ; но мѣстами такъ сгладили прежнюю связь, что даже своеобразныя черты характера совершенно исчезли.

Работающій въ этомъ направленіи изслѣдователь въ настоящее время находитъ въ наилучшихъ условіяхъ: въ послѣдніе годы древняя почва *Вавилоніи* и *Халдеи* доставила громадныя матеріалы фактовъ, значительно расширившія наши понятія о древнѣйшей культурѣ Востока.

Съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе многое новое и замѣчательное, обнаруженное въ послѣднее время и относящееся къ эпохѣ древне-американскихъ цивилизацій. И, наконецъ, совершающіяся на нашихъ глазахъ событія включили въ сферу европейскаго интереса также и *культурные народы восточной Азии*. Поэтому историкъ культуры и ихъ долженъ привлечь въ кругъ своего изслѣдованія. Такимъ образомъ, трудъ его дѣлается все болѣе и болѣе разнообразнымъ и многостороннимъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Что такое культура? Знаменитый англійскій ученый Бокль, авторъ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» высказалъ слѣдующую глубокую мысль: «Единственный, имѣющій дѣйствительное значеніе прогрессъ, зависитъ не отъ богатства природы, а отъ дѣятельной энергіи человѣка». Другой не менѣе знаменитый соотечественникъ его, Маколей, сказалъ, что «ни плодородіе почвы, ни благодатный теплый климатъ не подвинутъ челоѣчество впередъ, если этому будетъ препятствовать его умственное и нравственное вырожденіе». И это совершенно вѣрно.

Вообще, прогрессъ культуры зиждется на совершенно иныхъ основахъ, чѣмъ теорія Дарвина, и законъ *приспособляемости* въ естественно-историческомъ смыслѣ не примѣнимъ къ свободному, одаренному импульсомъ самостоятельности челоѣку. Естественному закону приспособляемости въ челоѣческомъ обществѣ соответствуетъ, пожалуй, *традиція*, преемственность. Языкъ и письмо служатъ средствами передачи ея. Безъ помощи традиціи погибли бы, не говоря уже о духовныхъ благахъ, все сдѣланныя изобрѣтенія. Традиція есть могучее подспорье культуры: она одна только и принимается въ расчетъ въ исторіи развитія культуры и цивилизаціи. При случайномъ пробѣлѣ въ традиціи естественно-историческое возрѣніе восполнить его не можетъ, и главнымъ закономъ для челоѣчества является то, что судьба его зависитъ не отъ слѣпого дѣйствія естественнаго закона или отъ какого-либо предопредѣленія, а отъ проявленія собственной силы, отъ его способностей, отъ выраженія его непосредственной воли. Дарвинизму, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ мѣста. Естественный подборъ уничтожаетъ въ борьбѣ за существованіе неприспособленныхъ индивидовъ—это жестокость, діаметрально противоположная первостепенному культурному фактору—*гуманности*. Природа истребляетъ слабого—нравственный законъ охраняетъ его. «Нравственность, говоритъ извѣстный юристъ Герингъ, не есть даръ природы, который она даетъ челоѣку, когда онъ появляется на свѣтъ, а есть продуктъ исторіи. Исторія превращаетъ естественнаго челоѣка въ историческаго, т. е., общественнаго или нравственнаго».

Въ началѣ 1902 года въ раскопкахъ Сузы найдена была глыба діорита, на которой начертано 49 колоннъ предписаній закона, издавнаго царемъ *Хаммураби*, основателемъ древняго Вавилонскаго царства, слѣдовательно, 4,000 лѣтъ тому назадъ. Какъ эти законы, такъ и на полтысяче-

лѣтія позднѣйшіе законы Моисея, говорятъ уже объ общемъ первобытномъ законѣ, котораго авторъ и время неизвѣстны... Это законъ, существовавшій уже въ глубочайшей древности, когда при самомъ началѣ социальнаго строя чувствовалась потребность противопоставить обыкновенному закону мести законъ «Таліона», т. е., ту форму возмездія, которая въ законѣ Моисея выражена такъ: «Кто проливаетъ челоѣческую кровь, тотъ самъ долженъ погибнуть отъ руки челоѣка». Однако, этому закону самопомощи и кровавой мести противопоставляется другой, болѣе могучій законъ. Слова котораго огненными знаками, написаны на скрижаляхъ Завета: «Не убій!»

Тѣмъ не менѣе общественное благо требуетъ много. Такъ какъ это благо представляетъ собой цѣль государства, то государственная власть мобилизуетъ армію, когда необходимымъ для общественнаго блага условіямъ угрожаетъ опасность или гибель извнѣ. И въ такомъ случаѣ война—сторонники мира, вѣроятно, ужаснутся этимъ словамъ—не только находитъ свое оправданіе, какъ послѣднее средство спасенія въ борьбѣ челоѣческихъ интересовъ; но является даже очищающей грозой, которая встряхиваетъ погруженные въ нездоровую спячку народы. Самыя кровавыя страницы исторіи показываютъ намъ, что на войну слѣдуетъ иногда смотрѣть, какъ на вышательство высшаго мірового порядка, и что въ этомъ случаѣ болѣе сильный народъ есть тотъ «молотъ провиднѣнія», который разбиваетъ негодный механизмъ, чтобы замѣнить его новымъ, болѣе совершеннымъ. Но на этомъ и кончается въ наше время роль войны, тогда какъ въ древнія времена война имѣла совершенно иное значеніе: она служила могучимъ орудіемъ культуры. Разумѣется, тамъ, гдѣ скрещиваютъ свое оружіе народы, стоящіе на одинаковой степени развитія, культура ничего не выигрываетъ, но когда, напримѣръ, Александръ Великій ведетъ свои фаланги противъ азіатскаго деспотизма, и мечъ его пролагаетъ путь цивилизаціи, достигшей своего прекраснѣйшаго расцвѣта, вопросъ принимаетъ другой оборотъ. Въ такомъ случаѣ за разрушительной работой оружія, всюду слѣдуетъ созидательная работа труда, и дремлющія силы пробуждаются къ новой жизни. *Трудъ и воспитаніе*—вотъ въ чемъ на самомъ дѣлѣ сокрыта тайна культурнаго развитія. Трудъ даетъ возможность использовать естественныя богатства, онъ же развиваетъ художественныя стремленія, путемъ изобрѣтеній добываетъ новыя вспомогательныя средства; торговля и промышленность расцвѣтаютъ на ряду съ искусствами и науками. Могучимъ агентомъ культуры служитъ *религія*, которая въ древности создала грандіозныя творенія архитектуры. Въ гигантскихъ храмахъ Египта, въ причудливыхъ святилищахъ Индіи и въ уродливыхъ идолахъ и въ другихъ памятникахъ культа древности мы находимъ слѣды духовной жизни давно исчезнувшихъ съ лица земли народовъ. Ту же услугу оказываютъ надписи на памятникахъ, художественныя произведенія, каменные доски, черепки съ древними письменами, находимые подъ развалинами, занесенными прахомъ тысячелѣтій и т. д.

Но и за предѣлами традиціи, намъ попадаются слѣды прошедшей жизни, позволяющіе исторіку культуры установить нѣкоторые факты изъ темной глубины доисторическихъ временъ. У всѣхъ культурныхъ народовъ существуютъ мифическія сказанія о герояхъ-полубогахъ, о богатыряхъ, которые не только въ умственномъ и нравственномъ, но и въ физическомъ отношеніи стояли выше послѣдующихъ поколѣній. При помощи мифологій эти сказочныя существа переходятъ даже въ первые вѣка историческихъ временъ. Греческій герой-полубогъ, *Оріонъ*, переступаетъ черезъ морскіе проливы; въ Хевронѣ живутъ колоссы «сыны Энака», происходящіе отъ гиганта *Ога*, спасагося отъ всемірнаго потопа слѣдующимъ об-

разомъ: Огъ былъ такъ громаденъ, что Ной не могъ взять его въ свой ковчегъ; тогда гигантъ легъ на крышу ковчега, и сострадательный Ной кормилъ его черезъ слуховое окно. Древнѣйшіе письменные памятники говорятъ о, якобы колоссальномъ, ростѣ первыхъ людей и патриарховъ.

Кромѣ того, вѣра въ погибшія поколѣнія гигантовъ подтверждается и другими матеріальными признаками. Это сооруженные человѣческой рукой памятники изъ эрратическихъ глыбъ или другихъ монолитовъ, рас-

Древнѣйшія доисторическія поселенія въ Зап. Европѣ и сѣв. Африкѣ.

пространенные по сѣверной Европѣ, по всей Африкѣ и по большей части Азии — это, такъ называемые, *мегалитическіе памятники* — остатки доисторическихъ временъ. Однако, эти гигантскія сооруженія сдѣланы не гигантами, ибо кости, найденныя въ землѣ и давшія древнимъ писателямъ поводъ къ такому предположенію, оказались, по изслѣдованію гениальнаго Кювье, остатками колоссальныхъ допотопныхъ животныхъ. Теперь вопросъ о передвиженіи громадныхъ каменныхъ глыбъ уже больше не возбуждаетъ недоумѣній. На прилагаемомъ рисункѣ наглядно представленъ способъ доставки на мѣсто большой каменной глыбы, при постройкѣ Стонегенджа, въ Англіи, въ доисторическія времена (Объ этомъ будетъ говорено ниже).

Особенную заслугу изслѣдованія доисторической эпохи составляетъ тотъ индуктивный методъ, посредствомъ котораго мы до извѣстной степени уясняемъ себѣ послѣдовательный ходъ культуры, начиная съ первобытной эпохи.

Мы знаемъ, что доисторическое изслѣдованіе устанавливаетъ въ эволюціонномъ смыслѣ нѣсколько совершенно определенныхъ эпохъ, которыя индуктивнымъ путемъ передаютъ намъ ходъ развитія всего того, что связано съ понятіемъ о человѣческой культурѣ. Основу этого метода составляетъ тотъ принципъ, что всѣ успѣхи культуры объясняются посте-

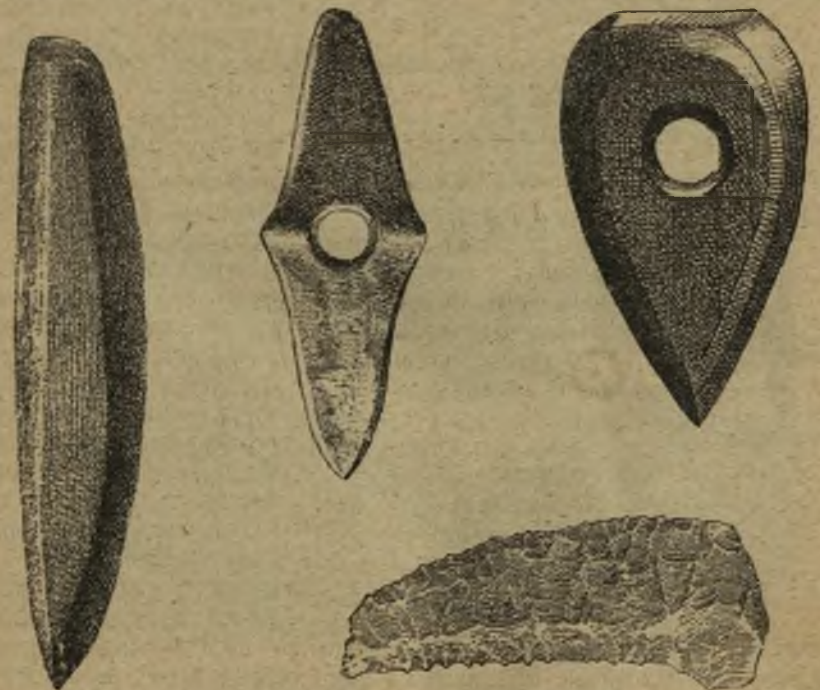
пеннымъ распространеніемъ господства человѣка надъ природой, что средства къ этому господству развиваются мало-по-малу, вслѣдствіе присущей первобытному человѣку способности преемственно наслѣдовать прибрѣтенное, улучшать и разрабатывать его, однимъ словомъ, создавать при помощи опыта то, что способствуетъ улучшенію условій его жизни.

Въ доисторическомъ періодѣ различаются слѣдующія ступени культуры первобытнаго человѣка: 1) *палеолитическій*, или *древнѣйшій каменный періодъ*, называемый также «эпохой не шлифованныхъ каменныхъ орудій»; 2) *неолитическій*, *позднѣйшій каменный періодъ* — «эпоха шлифованныхъ или отточенныхъ каменныхъ орудій»; 3) *эпоха появленія металловъ* (мѣдный и бронзовый вѣкъ), и 4) періодъ, связанный съ употребленіемъ *железа*, составляющій переходную ступень къ основанной на преданіи исторіи народовъ.

Издѣлія перваго періода такъ грубы и такъ мало обработаны, что почти не заслуживаютъ названія орудія или оружія, тогда

Постройка Стонегенджа

Неолитическія каменные орудія (1/2 естеств. велич.).
какъ каменные издѣлія неолитическаго періода полированы и отточены.

Въ этомъ же періодъ появляются сформированные и обожженные сосуды изъ глины. Кромѣ камня, люди пользуются для издѣлій также костями или рогами животныхъ. Связывающимъ матеріаломъ является смола. Раковины, зубы хищныхъ звѣрей и слоновья бивни служатъ для украшенія тѣла.

Люди древнѣйшаго каменнаго періода были исключительно охотниками или рыбаками. Главнымъ предметомъ охоты былъ *сѣверный олень*, какъ въ ледниковую, такъ и послѣледниковую эпохи, а потому этотъ періодъ называютъ иногда просто вѣкомъ сѣвернаго оленя или также «пещернымъ вѣкомъ», вслѣдствіе характерной тогдашней формы жилищъ.

Если мы примемъ во вниманіе, что конецъ ледниковой эпохи отодвигаютъ на 80.000 лѣтъ назадъ, тогда какъ *позднѣйшій каменный періодъ* предшествуетъ началу исторической эпохи только на полдюжины тысячелѣтій и даже переходитъ отчасти въ историческій періодъ, то мы будемъ имѣть приблизительную мѣру безконечной продолжительности развитія человѣческой культуры. При этомъ бросается въ глаза одинъ знаменательный фактъ: между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ каменнымъ періодомъ мы не видимъ никакихъ признаковъ переходныхъ формъ. Чтобы объяснить этотъ пробѣлъ, принято думать, что послѣ ухода дилювіальныхъ жителей въ сѣверныя страны, куда они послѣдовали за перекочевавшимъ сѣвернымъ оленемъ, прошелъ извѣстный промежутокъ времени прежде, чѣмъ опустѣвшія мѣста снова заселились.

Здѣсь начинается *позднѣйшій каменный періодъ*. Новые поселенцы готовятъ орудія изъ обдѣланнаго и шлифованнаго камня, сѣютъ хлѣбъ, растенія, для изготовленія тканей производятъ сосуды изъ глины, разводятъ домашнихъ животныхъ и т. д. Эти народы пришли изъ Азіи, послужившей, очевидно, колыбелью человѣчества въ такой періодъ, когда наша планета еще не прошла черезъ всѣ свои преобразованія въ геофизическомъ отношеніи. Эти народы постепенно переносили свое культурное достояніе черезъ большія пространства.

Къ этому періоду относятся и *свайныя постройки*, эта типичная форма первобытнаго жилища, которая во многихъ мѣстахъ знаменуетъ собой переходъ отъ каменнаго вѣка къ эпохѣ металловъ. Для изслѣдованія исторіи первобытной культуры особенный интересъ представляетъ собой тотъ фактъ, что свайныя постройки и въ наше время являются еще типичной формой жилища у многихъ народовъ тропической области. Свайныя

Свайныя постройки въ Швейцаріи.

представляютъ имѣть для насъ то преимущество передъ доисторическими могилами, что находясь въ связи съ ними остатки даютъ болѣе полное понятіе объ образѣ жизни этихъ первобытныхъ людей, нежели то, что находили въ могилахъ.

Огромное значеніе для историческаго изслѣдованія культуры имѣютъ переселенія монгольскихъ или верхне-азиатскихъ племенъ, а также народовъ средиземныхъ странъ. Первобытные жители *Халдеи* были переселив-

Малайскія свайныя постройки, близъ Сингапура.

шесся изъ средней Азіи племя монгольскаго происхожденія. Оттуда же пришли *халиты* и заняли всю переднюю Азію, но были вытѣснены въ

Пещерныя жилища первобытнаго челоѣка.

Африку *семитами*. И, наконецъ, двинулись, такъ называемые, *индоевропейцы*

или *арійцы*. Сначала, какъ говорятъ, отделились отъ своей первобытной почвы ерако-илирійцы, затѣмъ италы и греки, затѣмъ, позднѣе, германцы, славяне и литовцы. Позднѣе всѣхъ оставили свои первобытныя жилища иранцы и арійцы.

Пастушеское племя арійцевъ проникаетъ въ сѣверную Индію; съ высокихъ плоскогорій Азіи китайцы перекачиваются въ страну, которой впослѣдствіи они даютъ свое имя; хамиты, населяющіе Мессопотамію, вытѣсняются въ Египетъ. Наконецъ, арійскія племена заполняютъ Малую Азію и земли средиземнаго побережья и несутъ съ собою сѣмена культуры все далѣе и далѣе на западъ.

(Такъ смотрѣли и многіе до сихъ поръ смотреть на исторію заселенія разныхъ странъ Старого Свѣта. Но эта исторія очень темна, и послѣднее время явилось много данныхъ въ пользу предположенія, что родиною арійцевъ являются не Азія, а Европа, и этотъ взглядъ постепенно завоевываетъ въ наукѣ первенствующее мѣсто).

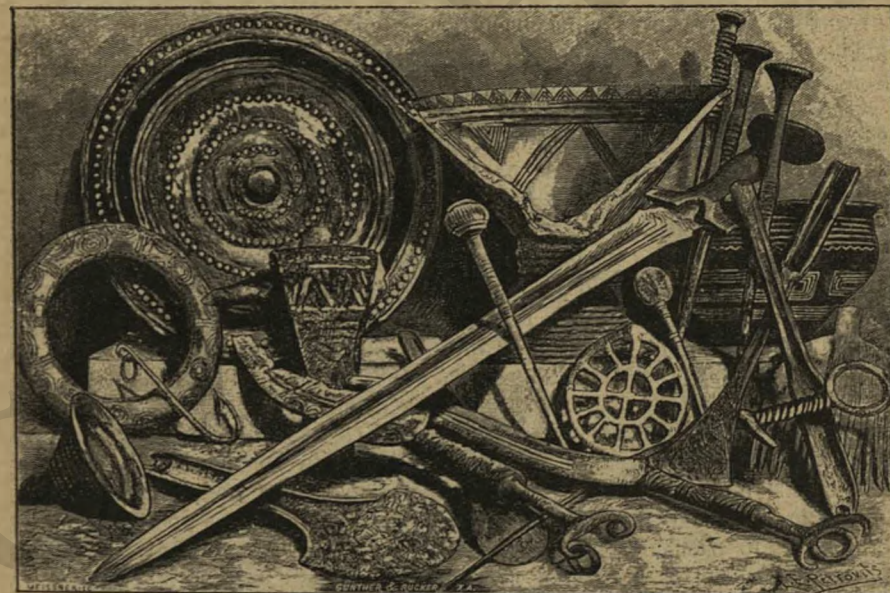
Путешествіе арійцевъ.

Первой причиной первобытнаго передвиженія кочевыхъ пастушескихъ народовъ Средней Азіи былъ недостатокъ въ пастбищныхъ пространствахъ: впослѣдствіи главнымъ импульсомъ передвиженія были неурожай и споры о границахъ владѣній.

Особую проблему представляютъ собой *американскіе культурные народы* въ Мексико, Центральной Америкѣ и Перу. Массивность ихъ архитектуры и причудливость орнаментацій наводятъ на мысль, что не только эта культура происходитъ изъ Азіи, но что и самъ народъ восточно-азиатскаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ китайскихъ источникахъ говорится о «восточной странѣ» Фузангъ, въ которой многіе ученые видѣли Новый Свѣтъ.

Однако, все это только гипотезы. Сплетеніе антропологическихъ вопросовъ съ вопросами культурно-историческаго развитія часто можетъ ввести въ заблужденіе, какъ это и случилось съ многими учеными, относительно мѣста происхожденія народовъ и ихъ культуры.

Слѣдующая за бронзовымъ вѣкомъ ступень культуры есть *железный вѣкъ*.

Предметы эпохи бронзы въ швейцарскихъ сайнхъ поселеніяхъ *вѣкъ*, который составляетъ, такъ сказать, начало историческаго періода. Переходъ отъ бронзы къ железу называется «галльштатскимъ періодомъ», представляющимъ много точекъ соприкосновенія съ Востокомъ. Этотъ періодъ времени характеризуется пристрастіемъ къ блеску и великолѣпію. На порогѣ желѣзнаго періода стоитъ, принимая во вниманіе сдѣланныя въ ней раскопки, *Олимпія*, тогда какъ переходъ отъ доисторическаго періода къ историческому представляетъ собой *Трон*, которая, по эллинскому преданію, была разрушена предками эллиновъ, ахейцами, заселившими всю Трояду еракійцами.

Выше мы указали, какъ на главные факторы всей исторіи развитія человѣчества, на *трудъ* и *воспитаніе*. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ необходимость была поводомъ къ первымъ открытіямъ, то въ сопротивленіи природы мы должны признать важный факторъ прогресса культуры. Безъ дѣятельности нѣтъ жизни; дѣятельность же есть трудъ, и въ матеріальномъ трудѣ лежитъ зародышъ самовоспитанія. Однако, безъ духовнаго побужденія дѣятельность не могла бы подняться выше безсознательнаго импульса. Здѣсь потребовалось внимательство *воспитанія*. Первыми учителями являются жрецы, и въ религіи сосредоточивается въ теченіе многихъ вѣковъ духовная жизнь народовъ. Лишь гораздо позже отдѣляются другъ отъ друга понятія—вѣра и знаніе. Въ то же время изъ непосредственнаго чувства природы развивается искусство, которое, впрочемъ, служитъ вначалѣ преимущественно цѣлямъ религіи.

Если мы теперь зададимъ себѣ вопросъ: откуда происходятъ тѣ импульсы, которые двигаютъ культуру впередъ, то мы должны будемъ дать на него такой отвѣтъ: только выдающимся личностямъ дано рѣдкое преимущество сообщать извѣстное направленіе жизни народовъ на болѣе или

менте продолжительный періодъ времени. Одаренные особенной проницательностью, умы предвидятъ то, что должно совершиться, но не могутъ въ данную минуту примѣнить свое знаніе на пользу современниковъ. И здѣсь мы видимъ не просто совершающійся фактъ, а борьбу — борьбу съ предразсудками и другими препятствіями. Изъ этого мы заключаемъ, что не работа массъ двигаетъ культуру и даетъ ей опредѣленный отпечатокъ, а дѣятельность исключительно одаренныхъ личностей, мысль, вышедшая изъ гениальной головы, появленіе генія, приводящаго въ движеніе всѣ имѣющіеся въ наличности элементы дѣятельности.

(Однако, вопросъ о надлежащемъ освѣщеніи фактовъ исторіи культуры различныхъ странъ древняго и новаго міра и выясненіи причины «расцвѣта и увяданія въ жизни народовъ» далеко не столь простъ, какъ думаютъ нѣкоторые авторы, склонные, подобно Швейгеръ-Лерхенфельду, придавать преимущественное значеніе вліянію исключительныхъ личностей. Очень распространенъ совершенно противоположный взглядъ, согласно которому личность въ исторіи не играетъ никакой роли, все — дѣло общихъ экономическихъ условий, безъ которыхъ ничего совершиться не можетъ. Линпертъ смотритъ на исторію культуры человѣчества, вообще, какъ на «исторію того труда, который поднятъ человѣчествомъ изъ низменнаго и бѣдственнаго состоянія на занимаемую имъ теперь высоту». Въ значительной степени человѣкъ обязанъ этимъ развитіемъ своимъ природнымъ способностямъ. Силы человѣчества, въ сравненіи съ силами животнаго царства, незначительны и ограничены, но зато способности его могутъ развиваться безконечно, и мы до сихъ поръ еще не знаемъ, до какого предѣла можетъ достигнуть это развитіе. При различныхъ геологическихъ перемѣнахъ животныя не выносили измѣненій въ условіяхъ своей жизни — измѣненій въ климатѣ и пищѣ — и погибали. Но человѣкъ не погибалъ. Мысль его всегда одерживала верхъ надъ враждебными силами природы. Побужденія къ человѣческой дѣятельности безконечно разнообразны, но всѣ они сводятся къ заботѣ о поддержаніи жизни. «Эта забота, говоритъ Линпертъ, заставляетъ человѣка придумывать способы добыванія и приготовленія пищи, изобрѣтать орудія и инструменты, она приводитъ его къ общественной организаціи, побуждаетъ къ развитію языка, просвѣтляетъ этимъ его духъ, создаетъ для его мысли опредѣленные и строгія формы».

Родъ человѣческой былъ свидѣтелемъ многихъ геологическихъ переворотовъ, которые, однако, совершались настолько медленно, что отдѣльные поколѣнія людей не могли ихъ замѣтить и постепенно приспособлялись къ измѣненіямъ жизненныхъ условій. Мало-по-малу, человѣкъ отыскивалъ новыя средства для поддержанія своего существованія и, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ подвигался впередъ. Однако, эта способность приспособляемости развивается только упражненіемъ, и потому ею обладаютъ только тѣ, которые, живя на рубежѣ плодородныхъ странъ, только при приложеніи значительныхъ усилій и труда могли добывать средства къ существованію. Но и помимо измѣненія геологическихъ условій, одни только слѣдствія размноженія заставляли людей расселяться дальше, искать новыхъ мѣстъ и уходить за черту плодородной земли. При этомъ мы всюду видимъ, что самое худшее условіе для жизни, самое трудное препятствіе для борьбы за существованіе — это скученность населенія, и что человѣкъ всегда предпочиталъ бороться съ природой, чѣмъ съ избыткомъ населенія. Исторія указываетъ въ этомъ отношеніи на безчисленное множество фактовъ. Приведемъ одинъ изъ многихъ, ему подобныхъ. На западномъ берегу Норвегіи условія для жизни гораздо болѣе благоприятны, чѣмъ въ безлѣсной Исландіи; однако, туда уже съ конца IX в. начинается переселеніе норвежцевъ. Уже испытанные въ борьбѣ съ суровой природой, они предпочли трудность борьбы

съ еще болѣе негостеприимными и тяжелыми условіями климата и природы, чѣмъ выносить послѣдствія скученности населенія. Вообще, люди любятъ просторъ и переселяются, главнымъ образомъ, потому, что имъ тѣсно жить. Потомки этихъ исландскихъ норвежцевъ пошли еще дальше и проникли на восточный ледяной берегъ Гренландіи, климатическія условія котораго чутъ ли не самыя худшія изъ всѣхъ обитаемыхъ странъ на земномъ шарѣ.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что большая сумма навыковъ и предприимчивости для поддержанія жизни должна была явиться результатомъ не простыхъ и благоприятныхъ, а именно усложняющихся и неблагоприятныхъ жизненныхъ условій. Менѣе щедро одаренные природой новыя мѣста жительства служили хорошей школой для развитія способностей и накопленія опыта.

Итакъ, всюду въ жизни народовъ мы видимъ одинъ и тотъ же могущественный рычагъ, двигающій ихъ впередъ, — нужду и побуждающій ее благотворный трудъ.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, относится къ причинамъ развитія первобытной культуры; рассмотримъ теперь, отъ чего зависитъ развитіе цивилизаціи народовъ въ томъ или другомъ направленіи. «Если мы станемъ разсматривать, — говоритъ Бокль, — какіе фактическіе дѣтели имѣютъ самое могущественное вліяніе на родъ человѣскій, то найдемъ, что ихъ можно подвести подъ четыре главные разряда, а именно: вліяніе климата, пищи, почвы и общаго вида природы». Изъ всѣхъ послѣдствій, происходящихъ для какаго-либо народа отъ климата, пищи и почвы, самое первое и во многихъ отношеніяхъ самое важное есть накопленіе богатства. Безъ богатства при самомъ зарожденіи общества не можетъ быть положено начало знанія. До тѣхъ поръ, пока каждый человѣкъ какаго-либо народа занятъ снисканіемъ того, что необходимо для его существованія, у него не можетъ быть ни охоты, ни времени для приобрѣтенія знаній, для занятія возвышенными предметами, слѣдовательно, не можетъ создаться никакая наука. Итакъ, безъ накопленія богатства не можетъ быть и накопленія знанія, отъ котораго зависятъ успѣхи цивилизаціи. Разсматривая же исторію богатства на его первыхъ ступеняхъ, мы видимъ совершенную зависимость его отъ почвы и климата; почвой обуславливается вознагражденіе, получаемое за данный итогъ труда, а климатомъ — энергія и постоянство самаго труда. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на прошлое, чтобы убѣдиться въ громадной важности этихъ двухъ условій. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы кака-либо страна цивилизовалась собственными средствами безъ особенно благоприятнаго вліянія по крайней мѣрѣ одного изъ этихъ условій. Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась тѣмъ обширнымъ пространствомъ, гдѣ плодородная наносная почва обезпечивала ту степень богатства, безъ которой не можетъ начаться умственное развитіе. За чертой плодородной земли, тамъ, гдѣ тянутся громадные безплодные пространства, жили дикія кочующія племена, всегда остававшіяся въ бѣдности, вслѣдствіе безплодія почвы, и не выходившія изъ своего нецивилизованнаго состоянія во все время пребыванія въ этихъ мѣстностяхъ. Что это развитіе обуславливалось именно физическими условіями страны, а не расой, мы видимъ изъ того, что тѣ же самыя кочующія татарскія и монгольскія орды, оставивъ свой кочевой образъ жизни и поселившись осѣдло въ Китаѣ, Индіи и Персіи, основывали въ разное время великія монархіи и достигали цивилизаціи, не уступавшей цивилизаціи самыхъ цвѣтущихъ изъ древнихъ государствъ.

Изъ этого мы видимъ, что самымъ могучимъ факторомъ цивилизаціи въ древнемъ мірѣ было плодородіе почвы. Въ европейской же цивилизаціи наибольшую силу дѣйствія обнаружила другая важная причина — климатъ.

Вліяніе умѣренного климата, дающаго человѣку богатство посредствомъ возбужденія его къ труду, болѣе благоприятно для дальнѣйшаго развитія человѣка, чѣмъ вліяніе почвы, которая тоже даетъ ему богатство, но дѣлаетъ это не посредствомъ возбужденія въ немъ энергіи, а въ силу чисто физическаго отношенія между свойствами почвы и количествомъ или качествомъ плода, который она производитъ почти сама собой.

Потребляемая человекомъ пища производитъ два дѣйствія, необходимыя для его существованія. Во-первыхъ, она снабжаетъ его той животной теплотой, безъ которой остановились бы жизненные отправленія, а во-вторыхъ, выполняетъ происходящую убыль въ тканяхъ его тѣла. Для каждой изъ этихъ цѣлей служить особая пища. Температура нашего тѣла поддерживается веществами, которыя не содержатъ въ себѣ азота и называются безазотистыми; убыль же, безпрестанно происходящая въ нашемъ организмѣ, пополняется веществами, извѣстными подъ именемъ азотистыхъ, т. е., содержащими азотъ. Въ первомъ случаѣ углеродъ безазотистой пищи, соединяясь съ вдыхаемымъ нами кислородомъ, производитъ въ внутреннее сгораніе, отъ котораго возобновляется наша животная теплота. Во второмъ же случаѣ азотистая пища, не подвергаясь сгоранію, выполняетъ потери организма и восстанавливаетъ ткани. Въ холодныхъ странахъ люди не только должны ѣсть больше, чѣмъ въ жаркихъ, потому что они нуждаются въ большемъ количествѣ матеріала для поддержанія теплоты тѣла и потому, что ткани ихъ тѣла при примѣненіи большаго количества энергіи скорѣе изнашиваются,—но и сама животная пища ихъ стоитъ дороже растительной, которая чрезвычайно дешева и имѣется въ большомъ запасѣ въ южныхъ странахъ. Чѣмъ холоднѣе страна, тѣмъ болѣе должна содержать углеводовъ употребляемая въ ней пища. Въ то же время пища, содержащая углеводы, извлекаемая, главнымъ образомъ, изъ міра животного, достается труднѣе, чѣмъ пища, получаемая изъ міра растительнаго. Вотъ почему у жителей тѣхъ странъ, гдѣ холодный климатъ дѣлаетъ необходимымъ употребленіе пищи съ значительнымъ содержаніемъ углеводовъ, развивался большей частью даже въ младенчествѣ общества болѣе смѣлый и предприимчивый характеръ, чѣмъ у тѣхъ народовъ, обыкновенная пища которыхъ доставалась почти безъ труда. Это различіе пищи вліяетъ на пропорцію, въ которой распределяется богатство между различными классами общества. Кромѣ того, пища, необходимая для поддержанія жизни, въ холодныхъ странахъ находится въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ жаркихъ, и это вліяетъ на приростъ народонаселенія, которое въ холодныхъ странахъ увеличивается менѣе, чѣмъ въ жаркихъ, именно въ той части населенія, изъ которой наполняется рынокъ труда. Вслѣдствіе этого плата за трудъ въ жаркихъ странахъ склонна въ пониженію, а въ холодныхъ къ повышенію, а слѣдовательно, и распределеніе богатства болѣе равномерно въ въ холодныхъ странахъ, нежели въ жаркихъ. Въ Азии, въ Африкѣ, и въ Америкѣ всѣ древнія цивилизаціи сосредоточивались въ жаркихъ странахъ, гдѣ плата за трудъ была очень низка и гдѣ поэтому рабочіе классы находились въ сильно угнетенномъ состояніи, богатство было распределено неравномерно, и нормальное среднее отношеніе между высшими классами и низшими стояло въ тѣсной связи съ особенностями природы. Вдумываясь въ эти отношенія, мы поймемъ тѣ причины, по которымъ столько многія древнія цивилизаціи, достигнувъ извѣстной степени развитія, падали, не будучи въ силахъ противостоять давленію природы или со- владать съ тѣми внѣшними препятствіями, которыя задерживали ихъ развитіе.

Въ Индіи, на примѣръ, плата за трудъ вслѣдствіе громадности населенія всегда была низка, и народъ вынужденъ былъ работать за такую

плату, которая едва покрывала его жизненные потребности. Къ этому послѣдствію привела косвеннымъ образомъ дешевизна общепотребительной пищи—риса, который родится тамъ, при очень небольшомъ приложеніи труда, по меньшей мѣрѣ самъ 60. Въ Индіи,—какъ и въ другихъ, впрочемъ, странахъ,—бѣдность навлекала презрѣніе, а богатство всюду и всегда даетъ силу и вліяніе: а такъ какъ нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы какой-нибудь классъ, обладая силой, не злоупотреблялъ ею, то весьма естественно, что народъ въ Индіи, осужденный на бѣдность физическими законами климата, впалъ въ униженіе, изъ котораго никогда уже не могъ подняться.

Эти разсужденія объ Индіи примѣнимы также къ Египту, Мексикѣ и Перу. И нѣтъ примѣра, чтобы въ какой-нибудь тропической странѣ, при значительномъ накопленіи богатства, народъ избѣгнулъ такой судьбы; нѣтъ примѣра, чтобы вслѣдствіе жаркаго климата не было избытка пищи, а вслѣдствіе избытка пищи—неравномернаго распределенія сначала богатства, а за нимъ и политическаго и общественнаго вліянія. Народъ, подчиненный этимъ условіямъ, не имѣлъ никакого голоса въ управленіи, никакого контроля надъ богатствомъ, плодомъ его же труда. Онъ долженъ былъ только трудиться и повиноваться. И въ лѣтописяхъ такихъ странъ не было даже никогда ни одной попытки освободиться отъ гнета. Только съ зарожденіемъ цивилизаціи въ Европѣ стали дѣйствовать другіе законы, а, слѣдовательно, получились и другіе результаты. Только въ Европѣ возникло все то, что достойно имени цивилизаціи, такъ какъ только тамъ сдѣланы были попытки удержать или восстановить равновѣсіе между классами и упорядочить распределеніе богатствъ. Только тамъ образовалось общество по плану, хотя еще не особенно обширному, но все-таки настолько широкому, чтобы вмѣстить въ различные классы, изъ которыхъ оно составляется, и чтобы, давая, такимъ образомъ, просторъ развитію частей, обезпечить прочность и прогрессъ цѣлаго.

Читая исторію и исторію культуры, мы видимъ, какъ царства возникаютъ и угасаютъ, какъ народы достигаютъ высшаго расцвѣта и затѣмъ, не имѣя внутренней, животворной силы въ самихъ себѣ, закончили въ рабствѣ, или вымираютъ, какъ раса, поработенная болѣе сильными народами, или впадаютъ жалкое существованіе. Но потери, причиняемыя опустошеніемъ земель, войнами, восполняются, дѣла міра возвращаются къ своему прежнему уровню. Таковы приливъ и отливъ исторіи, постоянныя теченія, которымъ мы подвергаемся по законамъ природы.

«Надъ всѣмъ этимъ,—говоритъ Бокль,—движется міръ неслыханно высшій и въ то время, какъ совершается его поступательное движеніе, при непрерывныхъ колебаніяхъ то назадъ, то впередъ, одно только никогда не погибаетъ. Дѣйствіе дурныхъ людей производитъ зло только временное, дѣйствіе хорошихъ — добро только временное; и зло и добро уходятъ въ бездну, всплываютъ потомъ, при послѣдующихъ поколѣніяхъ, и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ въ безпрерывномъ движеніи дальнѣйшихъ вѣковъ. Но открытія великихъ людей никогда не покидаютъ насъ — они безсмертны; они заключаютъ въ себѣ тѣ вѣчныя истины, которыя переживаютъ паденія царствъ, переживаютъ борьбу враждующихъ религіозныхъ партій и остаются непоколебимыми, между тѣмъ, какъ приходятъ въ упадокъ и самыя религіи. Каждая религія измѣняется своей мѣрой, подчиняется своимъ правиламъ; для одного вѣка годятся одни убѣжденія, для другого—другія. Они исчезаютъ, какъ сонъ; это—созданія воображенія, отъ которыхъ не остается и слабаго очертанія. Только открытія гениевъ сохраняются; имъ однимъ обязаны мы всѣмъ, что имѣемъ; они для всѣхъ вѣковъ—имъ нѣтъ конца, нося въ себѣ зародыши своей жизни, они не бываютъ ни молоды, ни

стары; они текутъ вѣчнымъ, неизсякаемымъ потокомъ; они по существу своему чрезвычайно плодотворны, давая сами изъ себя отростки для тѣхъ приращеній, которыя дѣлаются современемъ; они вліяютъ, такимъ образомъ, на самое отдаленное потомство и по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ проявляютъ еще большую силу, чѣмъ въ самый моментъ возникновенія». Благодаря имъ человѣчество шагъ за шагомъ идетъ неустанно далѣе по пути прогресса все впередъ и впередъ.

Карта древняго Египта.

Глава первая.—Египетъ,

При словѣ Египетъ намъ чудится страна, окруженная сіяющимъ изъ глубины временъ таинственнымъ ореоломъ, намъ представляется древнѣйшій въ исторіи человѣчества народъ, вокругъ котораго, по выраженію Гете,

царятъ «священные сумерки». И мы начинаемъ думать, искать и допытываться, пока не разстется туманная завѣса и не явится передъ нашими глазами яркая картина полной силы и дѣятельности жизненной.

Издавна уже страна эта, какъ «міровая загадка», привлекала къ себѣ пытливые умы эллиновъ, и послѣ Пифагора ее посѣтили многіе другіе ученые Греціи. Но изученіе Египта какъ прежде, такъ и теперь, еще представляетъ собой какой-то лабиринтъ: какъ только вамъ покажется, что вы нашли новый путь, ведущій къ новой, еще невиданной цѣли, вы внезапно

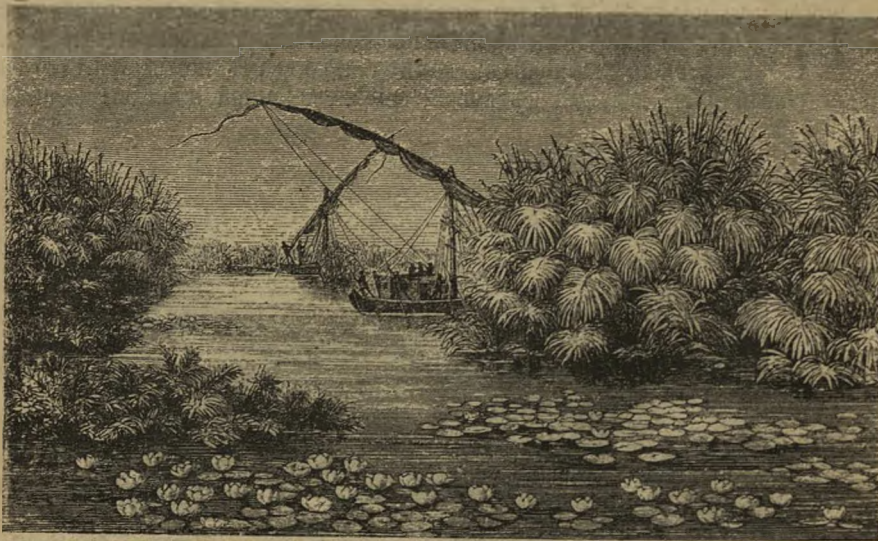
Берега Нила въ настоящее время.

замѣчаете, что очутились у тѣхъ же знакомыхъ воротъ, откуда вошли. Дальше извѣстнаго предѣла проникнуть, повидимому, невозможно¹⁾. Однако и то уже можетъ до нѣкоторой степени служить удовлетвореніемъ, что свѣдѣнія наши доходятъ до царя Мены, или Менеса, жившаго за 4,400 лѣтъ до Р. Х., свергнувшаго владычество жрецовъ и занявшаго египетскій престолъ. Этотъ царь основалъ древнѣйшій міровой городъ, Мемфисъ. И вотъ передъ нами открытый путь,—при помощи написанныхъ на папирусахъ и высеченныхъ на камнѣ иероглифовъ и изображеній на памятникахъ, при помощи всего того, что дали раскопки Египта,—воскресаетъ воочию вся жизнь древней египетской столицы, хотя это будетъ картина Мемфиса не при основаніи его, а гораздо позднѣе, приблизительно 39 столѣтій спустя, т. е. того Мемфиса, какимъ видѣлъ его Плиниусъ. Мемфисъ, громадный городъ, судьбы котораго—его возникновеніе, жизнь, расцвѣтъ, упадокъ и новый расцвѣтъ,—простираются на *четыре тысячелѣтія*—это нѣчто такое сказочно-невыбоянное, чему не встрѣчается ничего подобнаго во всей исторіи человѣчества, кромѣ какъ въ этой удивительной странѣ чудесъ—Египтѣ.

Но мы можемъ проникнуть и въ гораздо болѣе глубокую древность и представить себѣ гигантскій городъ за 3000 лѣтъ до Р. Х. такимъ,

¹⁾ Всѣмъ знаніемъ исторіи и культуры Египта мы обязаны одному великому открытію разгадки *иероглифовъ*. Въ 1799 г. была найдена одна надпись—такъ называемый «Розетскій камень», на которомъ рядомъ съ иероглифической надписью помѣщались два перевода: демотическій и греческій. На основаніи этихъ параллельныхъ текстовъ англичанинъ *Томъ* (Young) удалось прочесть первые иероглифы (т. е. священные начертанія). Затѣмъ французъ *Шампльонъ* продолжилъ его работу и установилъ всю древнеегипетскую систему, т. е., нашелъ былъ ключъ ко всѣмъ зарытымъ полъ вѣковъ мусоромъ памятникамъ письменности и разоблачилась вся исторія этой едва-ли не древнѣйшей изъ всѣхъ странъ.

какимъ онъ былъ во времена царей *Тета* и *Пети I*, *Менеры* и *Носфер-кари*. Последний—коронованный патріархъ царствовалъ 100 лѣтъ! Такія явленія встрѣчаются только въ древнемъ Египтѣ. Итакъ представимъ себѣ

Нилъ въ тропикахъ.

Мемфисъ его времени. Гигантскій городъ занимаетъ такое пространство, что для того, чтобы объѣхать вокругъ него, требуется не менѣе семи часовъ, онъ имѣетъ обширныя каменные набережныя по берегу Нила.

Пороти на г. Нилѣ.

Высокіе дома возвышаются по сторонамъ узкихъ улицъ, въ которыхъ толпится народъ и кипитъ дѣятельность многосторонней промышленной жизни. Хотя мы живемъ на шесть тысячелѣтій позже и имѣемъ весьма высокое мнѣніе о нашей художественной промышленности, но и самый пресыщенный изъ нашихъ всемірныхъ скитальцевъ съ интересомъ взглянулъ бы на то, что представляется здѣсь нашему взору. Вонъ тамъ между двумя сидящими колоссальными статуями фараоновъ, головы которыхъ

какъ будто опираются въ лазоревый сводъ неба, словно въ воздушномъ пространствѣ висятъ сквозныя полки, уставленныя чудными вазами изъ алебастра и бронзы, изъ фарфора, разноцвѣтное стекло ¹⁾ богатѣйшихъ

Горжестенный выказъ фараона.

¹⁾ При раскопкахъ въ Абидосѣ, предпринятыхъ *Флиндерсомъ Петри* въ новѣйшее время (1903 г.) въ одномъ и томъ же мѣстѣ найдены остатки нѣсколькихъ слѣдующихъ одинъ за другимъ періодовъ, обнимающихъ приблизительно 4500 лѣтъ, и восходящихъ по времени до 5000 лѣтъ до Р. X. При этомъ обнаружилась, ко всеобщему изумленію, высокая степень развитія художественной промышленности въ древнѣйшія времена. Техника глазированной издѣлій, которую считали приобрѣтеніемъ познѣйшаго времени восходить до 1-й династіи, т. е. до династіи царя Мены. Издѣлія изъ слоновой кости выказываютъ поразительное совершенство, никогда не достигавшее въ послѣдствіи на берегахъ Нила. Въ человѣческихъ фигурахъ поражаетъ выраженіе лицъ. Найденныя здѣсь черныя гончарныя издѣлія не египетскаго, а скорѣе критскаго происхожденія познѣйшаго неолитическаго періода, указываютъ на то, что за 2000 лѣтъ до Р. X. между обѣими странами существовали торговые сношенія.

рисунковъ, маленькіе сосуды съ той черной краской, которой древніе египтянки усиливали огонь своихъ глазъ. Далѣе—лавка со всевозможными туалетными принадлежностями, париками, золотыми украшениями, со священнымъ скарабеемъ, круглыя металлическія зеркала, съ рѣзной фигурой вмѣсто ручки, золотыя корзиночки, ларчики изъ слоновой кости и чернаго дерева, великолѣпныя стулья съ яркими подушками и кровати въ видѣ львовъ и шакаловъ.

Изображенія въ гробницахъ и храмахъ представляютъ намъ всю египетскую жизнь въ малѣйшихъ ея чертахъ. Тамъ, гдѣ все мертво и безмолвно вокругъ насъ, наше воображеніе должно воскресить былую жизнь... Вотъ мы идемъ по отдаленнымъ улицамъ города: продавецъ дичи развѣшиваетъ опианныхъ гусей въ своей лавкѣ, а рядомъ висящая кожа служитъ вывѣской башмачнику. На ближайшей площади мальчишки забавляются игрой, похожей на неаполитанскую игру пальцевъ «морра». Далѣе громадное пространство, на которомъ возвышается царскій дворецъ, представляющій со своими постройками цѣлый городъ. Тутъ же древнѣйшее святилище государства—храмъ великаго бога *Ита*—лабиринтъ воротъ, дворовъ, залъ и коридоровъ, полный сидящихъ и стоящихъ каменныхъ колоссовъ. Внезапно по собравшейся на площади густой толпѣ пробѣгаетъ какой-то рокотъ ожиданія... И вотъ показалось шествіе: звучатъ трубы, гремятъ литавры, рѣзко взвизгиваютъ какія-то дудки и грохочутъ трещетки. Народъ падаетъ ницъ. На тронѣ высоко надъ толпой несутъ царя; впереди идутъ жрецы съ зажженными курильницами *оиміама*, позади него благообразный писецъ со свиткомъ папируса, воины и тѣлохранители окружаютъ его и несутъ тронъ... Идемъ далѣе, поспѣшимъ до заката добратся до набережной. Тамъ толпятся у пристани грузовыя суда, легкія лодочки, здѣсь и тамъ яркимъ пятномъ сіяютъ балдахины роскошныхъ ладей. Въ одинокомъ, величавомъ спокойствіи стоитъ великолѣпная, сверкающая золотомъ ладья съ подобраннымъ пурпурнымъ парусомъ. Очевидно, она ожидаетъ царя. Въ густой толпѣ растеряться не трудно, не мудрено и быть раздавленнымъ. Поэтому обратимся къ какому-нибудь словоохотливому и, очевидно, праздному сосѣду и попросимъ его проводить насъ черезъ лабиринтъ гигантскаго города къ знаменитому озеру, окаймленному вѣнкомъ изъ пальмовыхъ и мимозовыхъ рощъ и садовъ, въ тѣни которыхъ прячутся роскошныя виллы. Заглянемъ въ открытыя ворота одного изъ садовъ и мы увидимъ бесѣдку изъ виноградныхъ

Египетская вилла.

лозъ и цѣлую аллею обвитыхъ виноградными побѣгами колоннъ. На зеркальномъ прудѣ плаваютъ цвѣты лотоса. Вокругъ радостное оживленіе. Вѣроятно это семейное торжество. Нарядныя женщины въ полупрозрачныхъ одеждахъ играютъ на арфахъ и ударяютъ въ бубны; другія поютъ и хлопаютъ въ ладоши. Гости умящаютъ благовонными маслами и надѣваютъ имъ на шею вѣнки

изъ цвѣтовъ лотоса. На западѣ горитъ закатъ и на его огненномъ фонѣ, какъ призраки подымаются темныя массы пирамидъ.

Полные думъ смотримъ мы на пылающій горизонтъ. Вдругъ странное явленіе раздается съ высокой террасы, надъ которой склоняются верхушки нѣсколькихъ пальмъ. Это пѣніе—молитва, восторженно-благоговѣйное обращеніе къ Предвѣчному... «Господь всепремудрый, Господь всемилостивый и милосердный, любовь котораго безпредѣльна, Властитель жизни, здоровья и силы! Ты—единный тотъ, который питаетъ птицу въ пустынь, которымъ держится все. Будь благословенъ за всѣ эти благодѣянія, ты, всегда бдящій въ то время, какъ всѣ люди спятъ, и ты отыскиваешь лучшихъ изъ твоихъ твореній. Мы поклоняемся тебѣ за то, что ты создалъ насъ. Творецъ всего сущаго, мы поклоняемся духу твоему. Ты единственный и несравненный, единый царь!»¹⁾

Теперь, когда мы, словно въ сонномъ видѣніи показали картину обыденной жизни народа, не имѣющаго съ нами ни единой точки соприкосновенія, мы постараемся внести систему въ наше знакомство съ древними обитателями береговъ Нила.

Къ какому племени принадлежали древніе египтяне? Съ незапамятныхъ временъ ихъ причисляли къ *хамитамъ*, той группѣ народовъ, къ которой принадлежали *берберы* сѣверной Африки и *кушиты* верхняго Нила. Если хититы (или хитты) пришедшіе изъ Азіи, нашли подходящую для себя почву на наносной землѣ Нильской дельты, то ихъ прежней родиной могла быть только Халдея. Только народъ, привыкшій къ наносной землѣ, могъ освоиться съ природой нильской дельты. Здѣсь на этихъ болотахъ росли и растутъ и теперь лотосъ и папирусъ, корни и клубни которыхъ составляли пищу народа. Обиліе водяной птицы и рыбы обезпечивало вполне его пропитаніе.

Египтяне, заселявшіе «черную землю» дельты (въ противоположность «желтой землѣ» пустыни) называли себя «рету» и считали себя первобытными жителями страны. О томъ, когда они пришли сюда—не говорятъ и самыя древнія преданія.

Историческій періодъ начинается съ царя *Мены*, который, свергнувъ могучую теократію (влачество жрецовъ), соединилъ подъ своимъ скипетромъ мелкіе народы и основалъ одно обширное царство.

Но *Ленциегъ* относитъ это событіе къ 3893, а Бругшъ къ 4455 г. до Р. Х. На основаніи записей верховнаго жреца въ Иліополисѣ, *Мамею*, установлено существованіе 26 династій египетскихъ фараоновъ. Четырнадцать изъ этихъ династій царствовали въ эпоху такъ наз. «древняго царства», затѣмъ съ завоеванія Египта *икситами* начинается «новое царство».

Относительно доисторической эпохи въ Египтѣ почти ничего нельзя сказать, и *Вирховъ* утверждаетъ, что ни у одного изъ народовъ земли не проведена столь рѣзкая черта между историческимъ и доисторическимъ періодами. У всѣхъ культурныхъ народовъ: египтянъ, персовъ, индусовъ—всѣ древнѣйшія воспоминанія переходятъ въ представленія о божественномъ существѣ древнѣйшихъ вождей народа и часто въ мифахъ и богахъ слѣдуетъ видѣть не что иное, какъ исторію какого-либо доисторическаго царственнаго дома. (См. объ этомъ изд. нами кн. Грантъ-Аллена, «Эволюція идеи божества»).

Древнѣйшіе памятники письменности указываютъ безспорно на монотеистическое ученіе (единобожіе). Всюду въ нихъ говорится о «богѣ», а не о «богахъ». Такія изреченія какъ: «Воспитывай твоего сына такъ, чтобы онъ любилъ Бога», «Богъ существуетъ самимъ собою, какъ Богъ», «Созда-

¹⁾ Гимнъ въ музеѣ Гизы (прежде Булабскій).

тель всего сущаго» и т. п. указываютъ на монотеизмъ. Но рядомъ съ этимъ вамъ попадаются такія фразы: «Творецъ неба и земли, боговъ и людей»; «Вначалѣ было три бога: Аммонъ, Ра и Пта». Но за этимъ слѣдуетъ объясненіе. «Какъ невидимый Богъ есть Аммонъ, какъ вѣчный и безконечный, онъ Пта, какъ строитель городовъ — онъ Ра». Само это раздѣленіе указываетъ на единство. Что здѣсь три божества происходятъ отъ одного и снова сливаются во-едино доказывается тѣмъ, что Аммонъ и Ра сливаются въ Фивскаго бога Аммонъ-Ра. Здѣсь одно духовное единство, которому въ разныхъ мѣстахъ поклоняются подъ различными названіями, почитая различныя качества и свойства его! Ра, какъ «творецъ людей и животныхъ», имѣетъ свое святилище въ Онъ (Геліописѣ), богу Пта, какъ «вѣчно производящей силѣ», поклонялись въ Мемфисѣ, а Аммону — «невидимому, скрытому» въ Фивахъ; очевидно, три составляютъ божественную тріаду, которой придаютъ мѣстные оттѣнки по отношенію къ культу.

Изида.

Однако, рядомъ съ этимъ тріединнымъ божествомъ существуютъ, путая эту установленную систему монотеизма, и другіе боги: Озирисъ, Сетъ, Горъ, Тумъ и Менгу, а также богини Изиды и Нутъ. Всѣ эти божества смѣшиваются съ главными и Озирисъ иногда отождествляется съ Ра и, наконецъ, «Книга умершихъ» еще усугубляетъ мракъ, когда говоритъ: «Ану есть жительство бога Тумъ — Ра, судьи Озириса, девяти космическихъ боговъ». Великому богу Ра предшествуетъ еще «девятерица боговъ» (Эннеада), возникшая изъ первобытной влажной матеріи — «Нунъ». Склонная къ вымысламъ фантазія народа присоединила къ древнѣйшему единому Богу и къ другимъ древнѣйшимъ богамъ безчисленное множество боговъ и демоновъ, при чемъ культъ природы смѣшался съ символической аллегоріей.

Доказательствомъ того служитъ «Книга умершихъ», въ которой насчитывается болѣе сотни боговъ. Книга эта представляетъ собой собраніе всѣхъ космическихъ идей египетскаго религіознаго развитія, скопившихся въ теченіе вѣковъ. Эту книгу составилъ, по преданію, не кто иной, какъ богъ Тотъ, «писецъ боговъ», и полное изданіе ея содержитъ въ себѣ 190 главъ. Эту «Книгу мертвыхъ» клали въ гробъ умершему или подвѣшивали ее въ склепѣ, такъ какъ она служила не столько для мертвыхъ, сколько для живыхъ, давая имъ указанія относительно обрядовъ, которые слѣдуетъ исполнять при погребеніи умершихъ. Главнѣйшую же часть книги составляетъ описаніе суда надъ умершимъ и ихъ покаяніе передъ трономъ Озириса.

По мнѣнію Лепсіуса, «Книга умершихъ» есть «самое обширное послѣдовательное литературное произведеніе, сохранившееся отъ древнихъ египтянъ». Во всякомъ случаѣ эта книга, кромѣ религіознаго, имѣетъ бесспорно огромное значеніе для истории культуры народовъ, и изъ нея мы видимъ, что изъ древнихъ народовъ Востока египтяне имѣли самое чистое благородное ученіе нравственности, и жизнь египтянъ отличалась своей гуманностью и своимъ миролюбіемъ во всемъ древнемъ мірѣ. Какъ государственная, такъ и частная мораль имѣли одну основу, покорность: покорность богу, покорность государю и главѣ семейства, и затѣмъ разумѣется и послушаніе относительно жрецовъ и чиновниковъ.

Рядомъ съ послушаніемъ главную роль въ египетскомъ нравственномъ кодексѣ играетъ миролюбіе; любовь къ ближнему есть высшій

нравственный долгъ, правдивость — высшая добродѣтель и справедливость — лучшее украшеніе человѣка. Глубокая религіозность египтянъ и культъ умершихъ, съ его постояннымъ напоминаніемъ о бренности всего земного, указывали путь къ нравственно чистой жизни, высоко поднимающій египетскую мораль надъ нравственнымъ ученіемъ всѣхъ извѣстныхъ намъ языческихъ народовъ древности и приближающій ее болѣе всѣхъ другихъ къ христіанской морали.

Правда, съ теченіемъ времени ученіе это измѣнилось и утратило свою чистоту, тѣмъ не менѣе, духовная культура египтянъ была настолько высока, что могла передать самому просвѣщенному народу древняго міра, эллинамъ, тѣ элементы, которые способствовали обновленію ихъ космогоническихъ и теогоническихъ представлений.

Когда вы вступаете на священную почву Фивъ, то среди этихъ колоссальныхъ построекъ вамъ становится жутко. На югъ отъ главнаго храма, близъ «священнаго озера», на голубой водѣ котораго покачивалась

нѣкогда золоченая ладья Аммона, и далѣе къ аллеѣ съ изуродованными сфинксами, ведущей къ аллеѣ Аменофиса III, находится путь къ святилищу богини съ львиной головой, — Пахтъ, черныя гранитныя статуи которой еще сохранились мѣстами. Нѣкоторые изъ этихъ разбитыхъ колоссовъ производятъ отталкивающее впечатлѣніе! Ихъ черныя тѣла отражаются въ голубой водѣ и, когда теплое весеннее солнце горитъ на черномъ гранитѣ, эти статуи не страшны, но зато когда взойдетъ луна, вамъ кажется, что васъ окружаютъ черныя демоны и отраженія ихъ колеблются на зыбкой поверхности воды. Кругомъ царитъ могильное безмолвіе, только изрѣдка шуршитъ что-то между причудливыми формами темныхъ колоссовъ, и намъ кажется, что каменные губы идоловъ шевелятся... это шуршитъ ищущій добычи шакалъ и какъ кошка мягко и тихо пробирается среди камней.

Развалины храма Аммона въ оазисѣ того же имени.

Развалины храма Аммона въ оазисѣ того же имени. Эти статуи не страшны, но зато когда взойдетъ луна, вамъ кажется, что васъ окружаютъ черныя демоны и отраженія ихъ колеблются на зыбкой поверхности воды. Кругомъ царитъ могильное безмолвіе, только изрѣдка шуршитъ что-то между причудливыми формами темныхъ колоссовъ, и намъ кажется, что каменные губы идоловъ шевелятся... это шуршитъ ищущій добычи шакалъ и какъ кошка мягко и тихо пробирается среди камней.

Но богиня Пахтъ для насъ не интересна. Мы устремляемъ взоры къ колоссальному храму Аммона, представляющему собой такой образецъ царственнаго великолѣпія въ архитектурѣ, какого мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ произведеніи зодчества на землѣ. Цѣлый лѣсъ колоннъ такихъ размѣровъ, какъ еще нигдѣ никогда не встрѣчалось, производитъ какое-то необычайно-торжественное и глубокое впечатлѣніе.

Величайшій царь, властвовавшій надъ Фивами, былъ Рамзесъ II. Дѣянія его въ Сири составляютъ сюжетъ единственнаго египетскаго эпоса «Пѣсни о Рамзесѣ», авторъ котораго неизвѣстенъ. Сохранившійся отрывокъ поэмы свидѣтельствуетъ о силѣ вліянія религіи на жизнь царей и народа, и въ то же время служитъ доказательствомъ слѣпой, граничившей

съ поклоненіемъ, подчиненности главѣ государства, «сыну солнца», представителю Бога на землѣ. Величіе египетскихъ фараоновъ выражается въ ихъ необычайной роскоши и обилии золотыхъ украшеній и позолоты.

Храмъ высѣченный въ скалѣ. (Абу-Симбальскій).

Даже изъ глубины могилъ свѣтитъ золото масокъ на лицахъ умершихъ, золотомъ сіяютъ панцыри вельможъ, подобно золотисто-пурпурному лебедю скользятъ царская ладья по священной рѣкѣ.

Значеніе всего этого великолѣпія выяснила сдѣланная въ 1887 г. недалеко отъ Каира находка: это 350 глиняныхъ дощечекъ, находившихся въ одной изъ усыпальницъ. На нихъ имѣются вавилоно-ассирійскія клинообразныя письма, единственные, какія найдены на египетской почвѣ, представляющія собой переписку нѣсколькихъ вѣдѣтелей передней Азіи, одного ассирійскаго и нѣсколькихъ вавилонскихъ царей. Интересно читать эти письма, написанныя 23 столѣтія назадъ. Во многихъ изъ нихъ выражается удивительное пристрастіе азіатскихъ царей къ египетскому золоту. Такъ напр. царь Тушрата пишетъ царю Аменофису IV: «Ты прислалъ моему отцу много золота. Груды золота—какъ если бы это была мѣдь—ты пришлешь мнѣ... Пусть братъ мой пришлетъ мнѣ больше золота, чѣмъ онъ прислалъ

моему отцу». Изъ писемъ же мы знаемъ о бракахъ египетскихъ фараоновъ съ азіатскими принцессами. Тутмосъ III взялъ себѣ въ жены сирійскую принцессу, а Рамзесъ II—хетитку и т. д. Все это доказываетъ имѣющія весьма важное значеніе международныя отношенія. При этомъ мы узнаемъ многія условія общественной жизни, узнаемъ, какіе подарки дѣлались по случаю свадьбы и какое приданое давалось невѣстамъ, а слѣдовательно знакомимся съ художественной промышленностью различныхъ, приходящихъ въ сношенія странъ. Мы узнаемъ, какія давали въ приданое золотыя и серебряныя украшения и утварь, предметы изъ позолоченной бронзы, драгоценныя камни, великолѣпныя матеріи, и т. д.

Въ Египтѣ особенно высоко цѣнилось образованіе, а поэтому и жереческое сословіе, которое было хранителемъ науки и представляло собой въ то же время сословіе ученыхъ. За ними шло родовое дворянство—сословіе, въ рукахъ котораго сосредоточивалось управленіе провинціями. Администрація находилась въ вѣдѣніи чиновниковъ. Это была съ большой педантичностью исполняющая свои обязанности бюрократія.

Но такимъ трудолюбивымъ, кроткимъ народомъ управлять было легко не прибѣгая къ деспотическому давленію.

Женщина пользовалась у египтянъ большимъ уваженіемъ, какъ охранительница семейнаго очага. Между супругами нерѣдко господствовала самая преданная любовь, дѣти воспитывались въ любви и повиновеніи къ родителямъ; такъ что семейное счастье существовало именно такъ, какъ его понимаютъ современные народы. Въ характерѣ египтянъ не было ничего грубаго или рѣзкаго. Несмотря на глубокую религіозность египтянъ, это былъ веселый и жизнерадостный народъ, который любилъ музыку, танцы, катанья на лодкахъ по Нилу, празднества. Во всѣхъ этихъ удовольствіяхъ принимали участіе и женщины. Онѣ являлись на большихъ религіозныхъ праздникахъ въ роскошныхъ одеждахъ, съ искусственно раскрашенными лицами и подведенными черной тушью глазами и бровями, покрытыя драгоценными украшениями. Вообще, знатныя египтянки такъ же любили наряды, какъ и всѣ дамы привилегированныхъ классовъ у другихъ культурныхъ народовъ позднѣйшихъ временъ.

Несмотря на это, жизнь египетскаго народа отнюдь не была сплошнымъ праздникомъ и нескончаемымъ весельемъ. Въ душѣ народа глубоко

Статуя Харфріи, извлеченная Маріеттою изъ колодезной шахты.

вкоренилось сознание труда, и египтянъ, поэтому, слѣдуетъ считать самымъ трудолюбивымъ изъ всѣхъ народовъ древности.

Пилонъ храма Изиды на о-вѣ Филе.

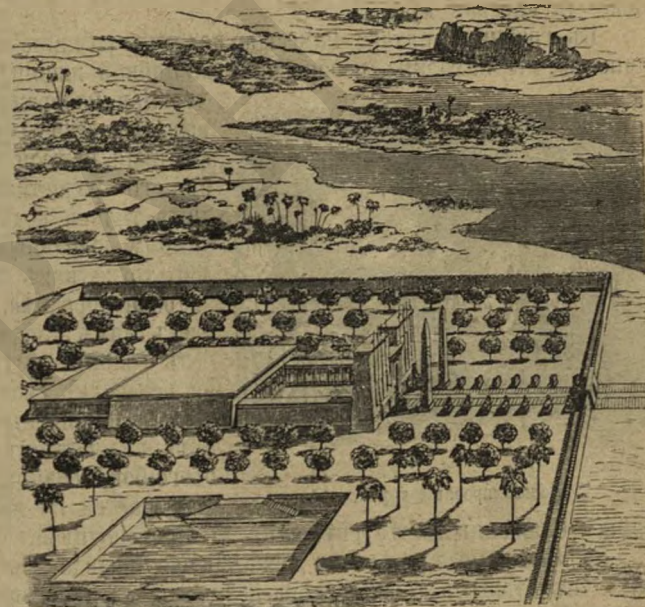

Колоннада храма на о-вѣ Филе.

Благодаря множеству изображений, найденныхъ въ гробницахъ, мы можемъ представить себѣ египетскую жизнь во всѣхъ подробностяхъ. Чѣмъ болѣе отдаленной эпохѣ принадлежать эти произведенія египетскаго искусства, тѣмъ они наивнѣе и непосредственнѣе и тѣмъ ближе стоятъ къ обыденной, матеріальной жизни народа. Ничего мистическаго, теологическаго,

Мумія.

Общій видъ расположенія одного изъ большихъ храмовъ.

Гробница Анхнеснеферибре, въ Мемфисѣ. (На заднемъ планѣ представлено изображеніе ависа, находившееся въ Серапеумѣ, открытотъ Мариеттомъ).

ческаго въ гробницахъ нѣтъ; здѣсь нечего искать никакихъ объясненій или изображеній загробной жизни: все это принадлежитъ къ области храмовъ и къ позднѣйшимъ временамъ. Загробный судъ и наказаніе за грѣхи, рай и адъ и довольно сложный способъ пріобрѣтенія блаженства въ загробной жизни— всѣхъ этихъ мистическихъ спекуляцій вы не найдете въ пирамидахъ. На стѣнахъ гробницъ изображены, напримѣръ: игра на арфѣ, ловля птицъ и рыбъ, сборъ винограда. Вотъ на большой картинѣ въ такъ называемой «Гробницѣ чисель» изображена заросль лотосовъ, гдѣ растянуты стѣи, въ которыхъ ловятся дикіе гуси. Въ стебляхъ камыша висятъ гнѣзда болот-

ныхъ птицъ, и бабочки порхаютъ надъ ними, грѣясь въ золотистыхъ лучахъ. Въ гробницѣ Рамзеса II изображена бойня и хлѣбопекарня, а также и царская кухня.

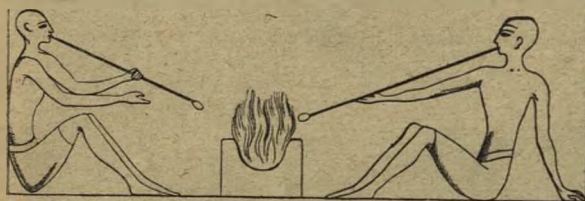
Въ гробницѣ пятого Рамесиды, которую римляне называли «гробницей Мемнона», мы находимъ изображенія загробной жизни, при чемъ замѣчаемъ,

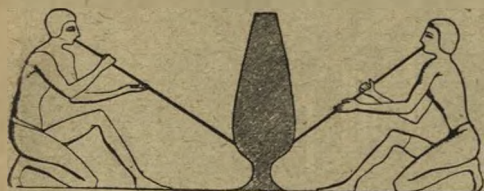
Бальзамированіе трупа.

что при изображеніи ада и его мукъ выказывается гораздо болѣе богатая фантазія, нежели при изображеніи рая съ его радостями. Въ раю мы видимъ только воду и фрукты и видимому довольныхъ своей судьбой людей, тогда какъ картины ада гораздо разнообразнѣе. Художникъ показываетъ намъ людей, которые ходятъ безъ головъ, другіе тащутъ за собой на веревочкѣ свое собственное сердце, третьи повѣшены за ноги или киятъ въ котлахъ. А вокругъ всего этого богъ солнца въ своей ладѣ, то поднимается по волнамъ вверхъ къ жилищу блаженныхъ, то спускается въ преисподнюю.

Въ гробницахъ жрецовъ древнѣйшаго періода, въ Деиръ-эль-Бахри—помимо нѣкоторыхъ торжественно-религіозныхъ обрядовъ—мы снова находимъ изображенія обыденной жизни: художники обтесываютъ гигантскаго сфинкса, вокругъ котораго выстроены четырехъ-этажные лѣса, рабочіе полируютъ кирпичи, при чемъ эти люди выкрашены въ

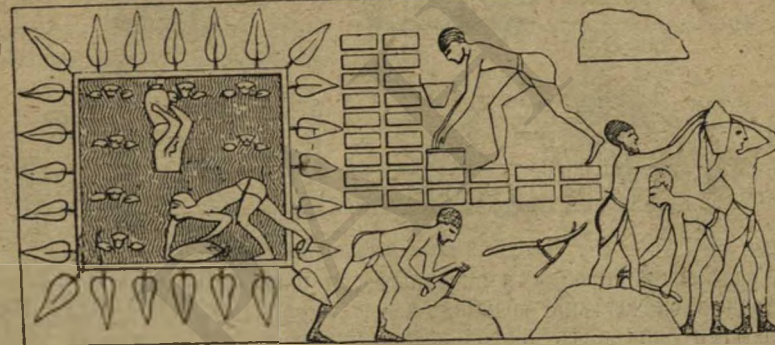
Выдувальщики стекла.

Выдувальщики стекла.

желтый цвѣтъ—обстоятельство, указывающее на то, что эти люди чужого племени, можетъ быть рабы; зато надзирающія за ними красноватаго цвѣта фигуры—несомнѣнно египтяне. Еще одна интересная картина: Какого-то каменнаго колосса тянутъ на гигантскихъ салазкахъ множество людей; на спинѣ колосса стоитъ на колѣняхъ человекъ и въ тактъ ударяетъ въ ладоши; по открытому рту можно догадаться, что это запѣвало, затягивающій ту рабочую пѣсню, которая помогаетъ тянуть тяжелыя салазки, подобно той пѣснѣ, съ которой и теперь еще рабочіе тянутъ по берегу барку вверхъ по теченію Нила *). Теперь полюбуемся на изображеніе торжественной сцены въ громадномъ храмѣ третьяго Рамзеса (близъ Фивъ, въ мѣстечкѣ Мединетъ Абу). Это торжественное *коронованіе*, изображенное условно и по обыкновенію безъ всякой перспективы и безъ ракурсовъ, о которыхъ древніе египтяне не имѣли никакого понятія, но производящее, тѣмъ не менѣе, большое впечатлѣніе. Двѣнадцать принцевъ—сыновья царя—несутъ его на великолѣпномъ тронѣ. Впереди идетъ оркестръ, исполняющій по нашимъ поня-

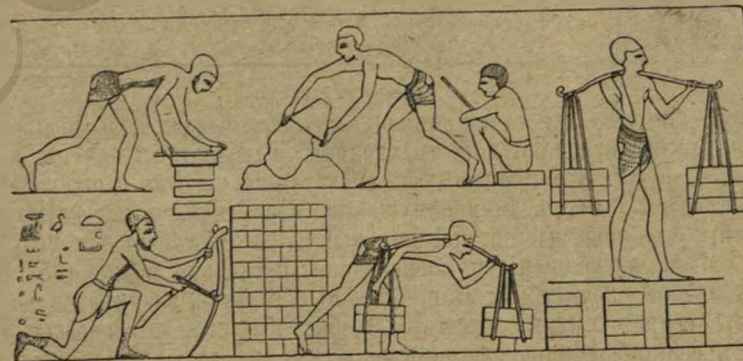
тіямъ, вѣроятно, варварскую музыку, на что указываютъ музыкальные инструменты: трубы и литавры, дудки и трещотки. Впереди трона идутъ

Изготовленіе плѣвниками кирпичей. Первая половина картины.

жрецы съ дымящимися кадильницами. Другіе жрецы несутъ на доскѣ фигуры боговъ—затѣмъ обычная свита.

По живописи въ гробницахъ *Эль-Каба*, принадлежащихъ къ первому періоду новаго царства, мы знакомимся съ сельской жизнью египтянъ: цѣлая стѣна занята сценами посѣва, пахоты, житва, молотбы при помощи

Изготовленіе и переноска плѣвниками кирпичей. Вторая половина картины.

вытаптывающихъ зерно быковъ. Изъ хлѣбныхъ сортовъ изображены пшеница и ячмень, что свидѣтельствуетъ о древности культуры этихъ злаковъ. Въ пирамидахъ Дашура найдены были зерна и даже колосья, запеченныя въ кирпичахъ. Не очень давно въ Бени-Гассанѣ нашли въ пещерныхъ гробницахъ *деревянные модели* разнаго рода. Такъ, напримѣръ, модель большой гребной лодки съ двадцатью гребцами и двумя, сидящими на платформѣ по серединѣ лодки фигурами, которыя отбиваютъ руками тактъ для гребцовъ. Тутъ же стояла модель хлѣбнаго закрома съ шестью отдѣленіями. Фигуры людей стоятъ по колѣна въ настоящемъ зернѣ и насыпаютъ его въ корзины, тогда какъ на крышѣ сидитъ писецъ и ведетъ записи. Двери закрома заперты и запечатаны, а зерно насыпается сверху, черезъ отверстіе въ крышѣ. Другія деревянные группы изображаютъ работы женщинъ: одна печетъ хлѣбъ, другая мѣситъ хлѣбъ, третья раздуваетъ огонь... Въ гробницѣ нѣкоего Мекти-Эмъ-Хата найдено нѣсколько моделей боевыхъ судовъ; матросы работаютъ, распускаютъ паруса. Подъ балдахиномъ сидятъ двѣ мужскія фигуры и играютъ въ шашки. Въ этихъ гробницахъ найдены музыкальные инструменты. Живопись на стѣнахъ дворцовъ изображаетъ интимныя сцены изъ жизни фараоновъ и его домохозяевъ. Но въ картинахъ египтяне не умѣли изображать душевныя движенія и потому

*) Подобно нашей бурлацкой «Дубинушкѣ» на Волгѣ.

изображаемая ими лица совершенно лишены всякаго выраженія; величіе фараона выражается внѣшнимъ признакомъ; онъ изображенъ въ пять или

Пастухи и стада въ древнемъ Египтѣ.

шесть разъ выше простыхъ смертныхъ, и царь среди своихъ подданныхъ производитъ впечатлѣніе великана между карликами; вода всюду изображена нѣсколькими одна надъ другой лежащими волнистыми линиями иногда въ горизонтальномъ, иногда въ вертикальномъ направленіи. Однимъ словомъ,

Сѣвъ у древнихъ египтянъ.

живопись египтянъ сильно напоминаетъ ихъ іероглифы. Рельефныя изображенія на камнѣ отличаются тѣмъ, что они углублены въ камень, а не выступаютъ наружу. Это производитъ впечатлѣніе чего-то неоконченнаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ то преимущество, что углубленные фигуры лучше защищены отъ поврежденій, нежели выпуклыя. Когда-то эти углубленные рельефы были раскрашены и производили, насколько можно себя представить, сказочное впечатлѣніе. Наши законы эстетики разумѣется не примѣнимы къ египетскому искусству. Чтобы получить эстетическое удовольствіе отъ египетскихъ произведеній искусства, мы должны совершенно отрѣшиться отъ нашихъ взглядовъ и стать на египетскую точку зрѣнія. Объекты изображенія вполне натуральны, но способъ изображенія не имѣетъ ничего общаго съ натурой. Напримѣръ, у быка, изображеннаго въ профиль, рога посажены такъ, какъ мы видимъ ихъ спереди; у человѣческой фигуры голова и шагающія ноги изображены въ профиль, а грудь съ обоими плечами en face, лицо глядитъ въ сторону, изображено въ профиль, а глаза посажены прямо и глядятъ на зрителя; фигуры обведены линиями безъ тѣней, а плоскости закрашены краской. фигуры лишены движенія, условны и мертвы.

Зато лица колоссовъ дышатъ жизнью и отличаются художественной моделировкой. Вспомнимъ, напримѣръ, загадочное лицо большого сфинкса въ Гизѣ или неподвижно страшный, повторяющійся всегда неизмѣнно съ однимъ и тѣмъ выраженіемъ ликъ богини Гаторъ на капителяхъ колоннъ въ храмѣ ея, въ Дендерѣ. Только египетское терпѣніе въ связи съ шаблоннымъ искусствомъ могло создать такую удивительную вещь, какъ аллея сфинксовъ между Луксоромъ и Карнакомъ, гдѣ тянутся два ряда по шестьсотъ сфинксовъ съ львинымъ тѣломъ и бараньей головой; это—1200 разъ повторяющаяся монограмма бога Аммона. По этой аллѣй каменныхъ колоссовъ, которые всѣ похожи между собой какъ капли воды, проходили по извѣстнымъ днямъ процессіи. Сорокъ жре-

цовъ, по десяти въ рядъ, несли священную ладью бога Солица, посреди нея возмывался балдахинъ, подъ которымъ, сидѣлъ идолъ его. Надъ нимъ, склонялись несомыя на высокихъ палкахъ опахала. Процессія направляется къ большому Карнакскому храму, громаднѣйшему изъ всѣхъ зданій, когда либо воздвигнутыхъ въ честь божества.

Жатва у древнихъ египтянъ.

Рядомъ съ произведеніями искусства мы имѣемъ еще одного духовнаго фактора, знакомящаго насъ съ жизнью древнихъ египтянъ: это народная литература. Въ сущности все египетское искусство—это іероглифы: воображеніе можетъ ихъ дополнить, но лишь тогда, когда изображаемое достаточно понятно. Письменные памятники—совсѣмъ иное дѣло. Тутъ объяснить нечего и слова говорить за себя сами. Надписи на памятникахъ въ широкихъ чертахъ рассказываютъ намъ историческое развитіе этого государства, воскрешаютъ передъ нами славу цѣлыхъ династій и даютъ понятіе о прочно организованномъ государственномъ строѣ. Но все это еще не можетъ приблизить къ намъ народную душу. Нашимъ знакомствомъ съ народной литературой египтянъ мы обязаны тому, что египтяне повидному очень любили чтеніе и даже умершимъ клали въ гробницы ихъ любимыя сочиненія.

Разумѣется, все это преданія давно прошедшихъ временъ, какъ напр., упомянутая уже нами «Книга умершихъ», знакомящая насъ съ религіозными и моральными воззрѣніями весьма отдаленнаго періода, когда еще болѣе чистая вѣра въ боговъ не выразилась въ культъ природы, отдѣльныя атрибуты божества еще не превратились въ самостоятельныхъ боговъ, и монотеизмъ не превратился въ многобожіе. Съ теченіемъ времени, вѣрованія, все развѣтвляясь и размножаясь, образовали въ концѣ концовъ такія загадки, что сами изучавшіе всѣ эти религіозныя спекуляціи жрецы, не могли разрѣшить ихъ. То философское ученіе, которое заключалось въ глубинѣ этихъ вѣрованій, оставалось недоступнымъ для народа: оно привлекало лишь высокоразвитые умы, какъ, напримѣръ, греческихъ философовъ, стремившихся приподнять завѣсу на статуѣ Изиды въ Саисѣ и заглянуть

Правый конецъ наружной стѣны храма въ Сени-но. Современное состояніе съ остатками древней скульптуры.

въ лицо божества, дающее разгадку всѣмъ тайнамъ жизни и смерти. Народная же религія все болѣе и болѣе запутывалась въ міѡхъ, въ животномъ символизмѣ и все болѣе и болѣе впадала въ идолопоклонство и въ обожаніе животныхъ. Манія волхвованія и суевѣріе сдѣлали остальное.

О томъ, что составляло ядро египетской литературы, мы узнаемъ изъ принадлежащаго къ III вѣку по Р. Х. краткаго обзора александрійскаго писателя *Климентъ*; онъ говоритъ о такъ называемыхъ *герметическихъ книгахъ* (по имени Гермеса, или Тота, «жреца боговъ»). Книгъ этихъ 42. Онѣ содержатъ гимны богамъ, описание обрядовъ жертвоприношенія, религиозныхъ процессій и т. д. Затѣмъ идетъ изложение свѣтскихъ наукъ; географія, космографія, хронографія, астрономія, біографія царей, описанія Нила и наконецъ медицина и анатомія: устройство человѣческаго тѣла, описаніе болѣзней и ихъ лѣченія. Эта сокровищница знанія имѣла въ свое время громадное значеніе и наполнила изумленіемъ такой высоко-образованный народъ, какъ греки.

Несчастная девушка Матаріа на восточномъ берегу Нила со своимъ одиноко стоящимъ среди апельсиновыхъ рощъ обелискомъ царя *Сесурте* зема I (22 вѣка до Р. Х.) стоитъ на мѣстѣ «города солнца» (Гелиополиса), называвшагося *Онгъ* и бывшаго нѣкогда средоточіемъ египетской уче-

Королева Тейс.

зема I (22 вѣка до Р. Х.) стоитъ на мѣстѣ «города солнца» (Гелиополиса), называвшагося *Онгъ* и бывшаго нѣкогда средоточіемъ египетской уче-

Поклоненіе богу Пта въ одномъ изъ мемфисскихъ храмовъ.

ности, той высокой школой, гдѣ учились *Платонъ* и *Евдокъ* и куда тщетно старался попасть *Пифагоръ*. *Фалесъ*, *Демокритъ*, *Эригидъ* и *Диодоръ* совершили путешествіе къ берегамъ Нила, чтобы познакомиться съ египетской мудростью. Математика и астрономія стояли уже на относительно высокой степени развитія.

Египетская астрономія, въ которой, конечно, было еще очень много гадательнаго, послужила, однако, основой къ открытію многихъ истинъ. Уже въ древнѣйшія времена египтяне замѣтили, что появленіе надъ горизонтомъ Сиріуса совпадаетъ съ большими нильскими наводненіями; еще въ тѣ времена, когда одни только пастухи жили въ долинѣ Нила, звѣзда эта предупреждала ихъ о томъ, что они должны угонять стада въ безопасное мѣсто. Поэтому пастухи и называли эту звѣзду «Поомъ». Это былъ сторожъ, предупреждавшій ихъ объ опасности. Съ восхожденіемъ его начинался новый годъ. Рядомъ съ Сиріусомъ должно было обратить на себя вниманіе никогда не заходящее созвѣздіе «Большой Медвѣдицы», указывающее въ то же время на сѣверъ. Для опредѣленія времени служили, кромѣ того, солнце, луна и планеты. Но Сиріусъ служилъ для опредѣленія болѣе продолжительныхъ періодовъ времени. Принято было за правило, что между двумя появленіями Сиріуса надъ горизонтомъ протекаетъ 360 дней. Этотъ періодъ раздѣлили на 12 мѣсяцевъ, по 30 дней въ каждомъ. Однако, вскорѣ замѣтили, что это счисленіе невѣрно. Уже въ 3,280 г. до Р. Х. увидѣли въ этомъ счисленіи ошибку въ пять сутокъ. Тогда произведена была первая *реформа Календаря* при царѣ *Цени*, который повелѣлъ, чтобы впредь къ каждому году прибавлялось 5 дней. Но по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, оказалось, что и это счисленіе невѣрно. Хотя и нашли, что каждый годъ имѣетъ четверть дня лишняго, счисленіе оставили попрежнему, не включая этой четверти дня и потому черезъ 1460 лѣтъ увидѣли, что восходъ Сиріуса совпалъ съ восходомъ солнца первого дня въ году и что слѣдовательно 1460 такихъ астрономическихъ годовъ соответствуютъ 1461 гражданскому году. Такимъ образомъ, возникъ «періодъ Сиріуса», который и былъ торжественно отпразднованъ въ 138 г. до Р. Х.

Въ дендерахскомъ храмѣ богини Хаторъ найдено изображеніе звѣзднаго неба, по которому мы можемъ судить, какое представленіе египтяне имѣли о строеніи небеснаго свода. Это знаменитый «Звѣринный кругъ» (Знаки Зодіака).

Медицинской науки собственно говоря не существовало, хотя по преданію уже сынъ царя Мены—Атотисъ—написалъ сочиненіе объ анатоміи. Но всей вѣроятности въ тѣ времена вскрытіе человѣческихъ труповъ еще не было запрещено. Несмотря на то, что средства лѣченія были весьма ограничены и что лѣченіе больныхъ, въ особенности женщинъ, должно было строго согласоваться съ религиозными предписаніями и что врачъ, примѣнявшій иной методъ лѣченія противъ предписаннаго, рисковалъ быть обвиненнымъ въ убійствѣ, египетскіе врачи пользовались извѣстностью далеко за предѣлами своей родины. Такъ, у персидскихъ царей всегда были египетскіе врачи.

Большой интересъ представляютъ собой сочиненія *дидактическаго* характера, знакомящія насъ съ этикой народа. Такъ, «древнѣйшая книга въ мірѣ» написана *Имаотеномъ*, жившимъ при царѣ *Теткаръ* (5 династии). Этотъ старецъ, дожившій до 110 лѣтняго возраста, пишетъ обо всѣхъ добродѣтеляхъ: о послушаніи, смирненіи, миролюбіи, честности, плѣмудріи и милосердіи почти такъ, какъ писали въ близкія къ намъ времена отцы церкви.

Но египтяне имѣли и другую, болѣе свѣтскую и фривольную литературу. *Гартатафъ*, сынъ строителя пирамидъ, *Менкары*, призываетъ

людей пользоваться «благами жизни по желанію сердца», такъ какъ человекъ живетъ лишь разъ, въ мощну свое достояніе взять съ собой не

Рамзесъ II въ битвѣ съ хиттами при Кадешъ. (Скульптура въ Фивахъ).

можетъ и назадъ не возвратится. Подобныя же мысли выражены въ «Пѣсняхъ арфиста». Попадаются и стихотворенія эротическаго содержанія. Древніе папирусы, найденные въ гробницахъ, обнаружили также и суще-

Сцена изъ сраженія. (Идеализованный рисунокъ).

ствованіе прозаической литературы. Найденные рассказы и романы имѣютъ большое значеніе для нашего знакомства съ интимной жизнью и характеромъ египетскаго народа. Къ древнѣйшимъ изъ такихъ романовъ принадлежатъ: «Приключенія Синугита», «Исторія двухъ братьевъ», «Потерпѣвшій кораблекрушеніе» и «Исторія одного крестьянина».

Исторія о «Потерпѣвшемъ кораблекрушеніе» *), есть рассказъ объ египетскомъ Одиссее, котораго море выбрасываетъ на таинственный островъ

Сцена изъ сраженія. (Идеализованный рисунокъ).

«Ка», гдѣ живутъ души умершихъ. Властительница острова—гигантская змѣя—схватываетъ путешественника своей страшной пастью и относитъ его въ свое гнѣздо, однако, обходитъ съ нимъ весьма милостиво и, за-

Рамзесъ II въ сраженіи съ хиттами. (Примѣненіе дрессированныхъ львовъ). ставивъ его рассказать ей о своихъ приключеніяхъ, съ богатыми дарами отпускаетъ его на проходящемъ кораблѣ на родину, гдѣ онъ, благодаря

*) Папирусъ этотъ хранится въ С.П.Б. Эрмитажѣ и текстъ его переведенъ В. Голенищевымъ (1881).

богатымъ подаркамъ змѣи, пріобрѣтаетъ расположеніе царя и достигаетъ высокихъ почестей.

Ко всѣмъ романическимъ приключеніямъ приплетено такъ много фантастическаго, что всѣ эти романы можно назвать сказками. Циклъ новеллъ «Царь Хуфу и волшебники», содержитъ, помимо фантастическаго элемента, много пикантнаго и легкомысленнаго. Въ «Исторіи Сатни» сцены роскошной, чувственной жизни чередуются съ мрачными картинами царства тѣней.

Всѣ сокровища египетскаго ума находились, такъ сказать, на складѣ въ 400,000 папирусныхъ свиткахъ, хранившихся въ музеѣ. Естественныя науки, а еще болѣе филологія много черпали изъ этого источника всевозможныхъ знаній. Болѣе всѣхъ пользовались имъ греки тогда, когда египетскій геній утратилъ уже силу своихъ крыльевъ и сталъ превращаться въ застывшую мумію. И вѣчно происходитъ все тотъ же процессъ: одна цивилизація умираетъ, другая нарождается; на развалинахъ расцвѣтаетъ новая жизнь. Не прошло и трехсотъ лѣтъ, послѣ того, какъ побывалъ въ Египтѣ Александръ Македонскій, который еще преклонялся передъ Аписомъ, какъ уже появляется въ Египтѣ новый факторъ цивилизаціи—римская имперія. На пепелищѣ старой александрійской бібліотеки, сгорѣвшей во время вторженія Цезаря, возникла новая, содержавшая все-таки еще 200,000 свитковъ бібліотека, которую Маркъ Аврелій подарилъ музею. *Птоломей* чертитъ свою планетную систему, въ Дендерахъ воинственные сыны Марса воздвигаютъ храмъ таинственной Изиды, и императоръ Адріанъ соединяетъ каналомъ Нилъ съ Краснымъ моремъ.

И еще въ третій разъ совершается перемѣна; но не въ стихійной формѣ вражескаго нашествія или переселенія чужеземнаго племени, такъ часто въ древнія времена переворачивавшихъ вверхъ дномъ всю жизнь народа. Нѣтъ, на древней культурной почвѣ пускаетъ ростки новое ученіе, возникаетъ новый, *христіанскій* міръ. Подобно тому, какъ весной луга покрываются нѣжной зеленью, эта духовная весна принесла съ собою обновляющее вѣяніе съ Востока. Однако, слѣды стараго египетскаго міровоззрѣнія, смѣшаннаго съ эллинизмомъ еще оставались. Умирающее язычество завернулось въ тогу неоплатонизма, чтобы принять въ себя новыя идеи, переработать ихъ и сдѣлать ихъ, такимъ образомъ, безвредными. Но это не удалось. Уже въ царствованіе Авреліана музей былъ разрушенъ и затѣмъ божество въ Серапеумѣ свалилось со своего трона. Но духовное наслѣдіе обладало удивительной жизненной силой: египетскую науку смѣнила греческая философія, а на мѣсто послѣдней вступило христіанство. *Евклидъ* и *Климентъ* Александрійскій представляютъ собой два полюса одной и другой.

Изъ этой переходной эпохи открыты за послѣдніе годы (1902) чрезвычайно любопытныя вещи. Французскій археологъ Альбертъ Гайе нашелъ въ неизслѣдованныхъ до сихъ поръ, могилахъ *Ангиноз* муміи христіанской мученицы *Таисы* и «волшебницы» *Миритисы*. Удивительно интересны эти явленія изъ давно прошедшаго міра. На Миритисѣ желтое платье и короткій плащъ изъ пурпурной шерсти. Маленькія босыя ножки, цвѣта старой слоновой кости, выглядываютъ изъ-подъ платья. Волосы падаютъ бахромкой на лобъ, на головѣ вѣнокъ изъ пальмовыхъ вѣтокъ. Въ гробу ея лежали: голова Изиды, папирусъ съ заклинаніями, тамбуринъ изъ кожи газели, собака изъ терракоты—богъ Анубисъ, «владыка тайнъ», статуетка Гермеса и маленькое зеркало, въ которомъ «отражалось присутствіе божества».

Рядомъ съ Миритисой лежала «патриціанка» *Сабина*. Платье на ней розовое, шаль красная—то и другое изъ шерсти. На шали вышивки:

Аполлонъ съ лукомъ Изиды, скрывающаяся въ тѣни священнаго дерева Персен. Но рядомъ съ этими чисто языческими атрибутами попадаются и предметы гностическаго христіанства: слоновой кости «Ихтіосъ»—(рыба),

Новое нашествіе гностовъ.

пять буквъ котораго составляютъ монограмму Христа: (Исусъ Христосъ Сынъ Божій, Спаситель)... Въ нѣкоторыхъ гробницахъ находились статуетки бога Юпитера, Аммона, Митры, Деметры, Изиды и въ то же время кресты—явный признакъ переходной эпохи, смѣшенія старыхъ понятій вѣрованій съ новыми.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Месопотамія.

БАВИЛОНЯНЕ.

Посреди бесплодной равнины возвышается могучій, обожженный солнцемъ столбъ, вѣнчающій груды развалинъ—это знаменитая башня «смѣшенія языковъ»—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ погибшей культуры. Но и вся равнина представляетъ собой громадное, необозримое кладбище. Гдѣ прежде были сады Вавилона, тамъ простирается спаленная зноемъ степь, въ высохшихъ каналахъ скрываются тигры и шакалы. Гдѣ прежде царили страсти, тамъ теперь медленно осыпаются глиняные саркофаги; гдѣ халдейскіе мудрецы-звѣздохеты прислушивались къ «музыкѣ сферъ»,

тамъ въ вѣнчающихъ водахъ болотъ находятъ себѣ раздолье черные буйволы, плаваютъ въ плетеныхъ челнокахъ, сохранившихъ свою форму въ теченіе тысячелѣтій арабы. Они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы путешественники и археологи не таскали находимые въ развалинахъ остатки. Эти разбойничьи шайки бедуиновъ свято хранятъ преданіе о тѣхъ временахъ, когда здѣсь жили полубоги; то, что зарыто въ землѣ, имѣетъ для нихъ силу талисмановъ, и развалины для нихъ кишатъ добрыми и злыми духами.

Здѣсь, по преданію, жилъ первый человекъ—здѣсь былъ Рай. «Господь насадилъ садъ на Востокъ въ Эдемъ и помѣстилъ тамъ человека, котораго сотворилъ. И произрастала Господь Богъ изъ земли всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для

пищи, и дерево жизни посреди сада, и дерево познанія добра и зла».

Вступая на эту почву, мы должны припомнить, что здѣсь возникла культура, представителями и распространителями которой были *семиты*. Родиной ихъ была, повидимому. Высокая Аравія, та страна, которая и те-

перь еще славится своимъ чуднымъ климатомъ и считается самымъ здоровымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ. Отсюда избытокъ населенія распространился на сѣверъ, сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ, смѣшался въ древнѣйшія времена съ первобытными туземными народами и развился съ теченіемъ времени въ тѣ народы, съ рѣзко опредѣленной индивидуальностью, которые подобно египтянамъ, вступаютъ въ исторію уже обладателями довольно высокой культуры.

Замѣтимъ, однако, что мы говоримъ, здѣсь не о семитахъ въ собственномъ смыслѣ, а о *хамито-семитическомъ* племени. Если мы должны съ культурно-исторической точки зрѣнія отдѣлнить хамитовъ отъ семитовъ, то языки ихъ указываютъ на *одинъ* общій корень. Если семиты были приплывомъ населенія въ Месопотамію, то кореннымъ населеніемъ могли быть только хамиты. Финикійцы же такъ совершенно слились съ семитами, что ихъ и по языку, и по культурѣ слѣдуетъ считать чистыми семитами. Хамитами Аравійскаго полуострова мы займемся позднѣе. Семиты раздѣляются на сѣверную и южную семьи. Къ первой причисляются *арамейцы*, раздѣляющіеся, въ свою очередь, по языку на восточную вѣтвь—*халдеевъ* и на западную—*сирійцевъ*. Къ этой сѣверной группѣ принадлежатъ также *ассирійцы* и *авилоняне*, а также *евреи*. Южная семья семитовъ включаетъ въ себя *арабовъ*, раздѣляющихся по языку на двѣ вѣтви: сѣверные арабы (измаилиты) и южные арабы (іоктаниды). Къ послѣдней вѣтви принадлежитъ и древній народъ *сабейцы*.

Семитическому племени человечество обязано основными элементами своей культуры: монотеистическимъ вѣрованіемъ, письмомъ и распространеніемъ первобытныхъ формъ искусства и художественной промышленности.

Древнѣйшими обитателями южной Месопотаміи были *сумерійцы*—народъ не семитическаго племени. Нѣсколько далѣе на сѣверъ, въ области нынѣшняго Багдада, жили *аккадійцы*. Языкъ ихъ не имѣетъ ничего общаго ни съ семитскими, ни съ хамитскими, ни съ арійскими нарѣчійми и новѣйшіе ученые, сближая ихъ языкъ съ урало-алтайской группой, вывели заключеніе о ихъ родствѣ съ нынѣшними туркменами, финнами, венграми и т. д.

Производящіеся за послѣднее время археологическія раскопки даютъ обильный матеріалъ для возстановленія исторіи этихъ странъ; но иногда новыя находки уничтожаютъ то, что было установлено старыми и часто новоприобрѣтенныя знанія, въ свою очередь, теряютъ значеніе, и какъ вода, проскальзываютъ между пальцами.

Однако, всѣ сдѣланныя до сихъ поръ открытія, указываютъ на то, что семиты, проникнувъ въ южную Вавилонію, нашли здѣсь уже народъ съ высокоразвитой культурой, отъ котораго они и заимствовали религію, письмо, литературу и искусство. Письмена эти были *клинообразными*; они столь же древни, какъ и іероглифы, и были въ теченіе тысячелѣтій распространены по всей Передней Азіи. Отъ аккадійцевъ (сумерійцевъ) письмо это перешло къ вавилонянамъ и ассиріянамъ, перекочевало въ Армению и Иранъ, гдѣ стало развиваться въ другія формы. Этими же клинообразными письменами пользовались и *эллиты*.

Они занимали восточную часть вавилонской низины и прилежащее къ ней Иранское плоскогорье. Уже въ самую раннюю эпоху историческаго періода они являются завоевателями и лишь во времена персидскаго владычества теряютъ свою самостоятельность.

Чтеніе клинообразныхъ надписей вызвало изъ забвенія этотъ давно умершій міръ. Сто лѣтъ тому назадъ (1802) Фридрихъ Гротефендъ впервые сдѣлалъ попытку разобрать имѣвшіеся тогда уже клинообразныя пер-

сидскія надписи. Но затѣмъ, лишь гораздо позже (1835), соединеннымъ успіямъ санскритистовъ, *Бюрнуфа* и *Лассена*, удалось разобрать ихъ. Еще десять лѣтъ спустя, тѣ же ученые, на основаніи найденной *Раулинсономъ* на скалѣ и списанной имъ надписи возстановили весь древне-персидскій алфавитъ. Аккадійскія клинообразныя письмена принадлежатъ къ самымъ древнимъ и были идеографическими, т. е., знаки выражали понятія. Эта форма встрѣчается, преимущественно, въ астрономическихъ текстахъ. Въ аккадійскомъ или, такъ называемомъ, *халдейскомъ* письмѣ мы встрѣчаемъ систему чиселъ, которая отсюда перешла въ Египетъ и Индію. Основу системы составляетъ число 3: 3, 6, 30, 60; затѣмъ: $60 \times 10 = 600$, $60 \times 60 = 3600$ и т. д.

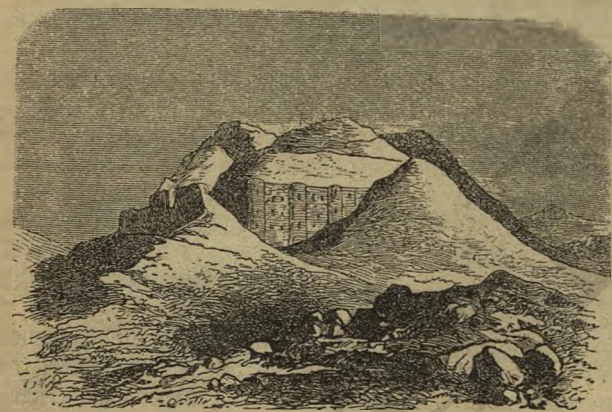
Халдея есть колыбель астрономической науки. Отсюда исходятъ первыя вычисленія небесныхъ явленій. Кое-что изъ этихъ работъ сохранилось. Отрывки знаменитаго астрономическаго сочиненія, написаннаго по приказанію царя *Саргона* (722—705) подъ заглавіемъ: «Наблюденія Бѣла», сохраняются въ Британскомъ музеѣ. Изъ подобныхъ же остатковъ мы узнаемъ, что «ярмо небеснаго свода» (эклиптика) раздѣлено было на 360 градусовъ, тогда какъ экваторъ почему-то дѣлился только на 240.

Халдеи опредѣляли теченіе времени также и по планетамъ въ порядкѣ ихъ разстоянія, при чемъ, согласно Итолеевой системѣ, самая отдаленная

планета—Сатурнъ—начинала собой недѣлю. За нимъ шелъ Юпитеръ, потомъ Марсъ, Солнце, Венера, Меркурій и Луна.

Однако, чѣмъ болѣе увеличивалось число находокъ, тѣмъ труднѣе становилось опредѣлить съ точностью ихъ хронологію. Но и это затрудненіе, при помощи сравнительныхъ указаній различныхъ источниковъ, устранено. Въ раскопкахъ послѣдняго времени, въ Ниферѣ (Ниппурѣ) въ южной Вавилоніи масса мусора, имѣющая около 30 метровъ толщины, содержитъ ни

болѣе, ни менѣе, какъ 21 культурный слой. Руководившій этими раскопками *Хильпрехтъ*, чтобы упростить дѣло, раздѣлилъ весь слой мусора на три большія группы: *эллинско-парфянская* сверху, *семитовавилонская* въ срединѣ и *доисторически-сумерійская* внизу. Вторая группа доходитъ до 4.000 лѣтъ до Р. Х. Въ этомъ слое найдена часть бібліотеки храма Бѣла. Кромѣ Ниппура

Развалины храма Сина въ древнемъ Урѣ.

найдено еще много древнихъ городовъ, бывшихъ столицами мелкихъ государствъ. Династіи царей этихъ маленькихъ государствъ восходятъ

до середины 3-го тысячелѣтія до Р. Х. и даже выше. Все это «самые первые цари», съ очень странными именами, какъ, напр., *Дугалзагизи*, *Дукалкигубиндуду*, *Уруккина*, *Маништусу* и т. д. Но интереснѣе ихъ всѣхъ, судя по важной находкѣ, сдѣланной въ древней эламитской столицѣ, царь *Хаммураби* изъ Сиппара, объединившій подъ своимъ скипетромъ всѣ мелкія государства между рѣками Тигромъ и Евфратомъ въ одно царство со столицей *Вавилономъ*.

Въ древней эламитской столицѣ. *Сумъ*, найденъ былъ древнѣйшій въ мірѣ *сводъ законовъ*. Находка эта была сдѣлана на террасѣ того дворца, гдѣ Агасеръ или Агашверошъ задавалъ свои пиры, дворца съ роскошными пурпурными занавѣсями между мраморными колоннами, съ подушками изъ серебряной и золотой парчи. На самой этой террасѣ Александръ Македонскій въ послѣдствіи праздновалъ фантастически-грандіозное «вѣчаніе Азии съ Европой», когда самъ Александръ и 92 его полководца сыграли свадьбу съ дочерьми знатнѣйшихъ персовъ, красавицами изъ красавицъ. «Когда ты возьмешь Сузу,—сказалъ іоніецъ Аристагоръ спартанскому царю Клеомену,—тогда ты можешь жить, какъ самъ Зевесъ».

Подъ развалинами этого дворца въ 1902 г. начальникомъ французской экспедиціи *Морианомъ* найдена была громадная діоритовая глыба, на которой клинообразными письменами написанъ ни болѣе, ни менѣе, какъ весь *сводъ законовъ* царя *Хаммураби*.

Эта «книга» содержитъ въ себѣ, кромѣ законовъ, еще прологъ и эпилогъ. Въ первомъ значится: «Аму и Бѣлъ призвали Хаммураби, дабы онъ установилъ *справедливость* въ странѣ, дабы онъ уничтожилъ злого и самовольнаго, дабы сильный не вредилъ слабому...» Въ другомъ мѣстѣ самъ Хаммураби говоритъ: «Когда Мардукъ (богъ вавилонскій) повелѣлъ мнѣ править людьми и научить ихъ руководить страной, я установилъ *право* и *справедливость* въ странѣ, я заботился о благосостояніи людей...» Трудно повѣрить, что такъ говоритъ древній восточный деспотъ болѣе, чѣмъ за 4.000 лѣтъ до нашего времени! Есть основаніе предполагать, что основу кодекса составляетъ болѣе древнее право, которое было разработано и приспособлено къ новымъ условіямъ. Сходство этого кодекса съ Моисеевымъ закономъ бросается въ глаза, и такъ какъ по нѣкоторымъ причинамъ, которыя приводятъ здѣсь было бы излишнимъ, они не могли позаимствовать одинъ отъ другого, слѣдуетъ предположить, что оба законодательства черпались изъ одного общаго, болѣе древняго источника.

Но мнѣнію юристовъ, кодексъ Хаммураби есть законодательное произведеніе перваго разряда. Ему, правда, ставятъ въ упрекъ то, что въ немъ не достаетъ системы; тѣмъ не менѣе глубокая древность этого законодательства дѣлаетъ его первостепеннымъ культурнымъ факторомъ—и этого достаточно. Выдающимся пунктомъ законодательства Хаммураби является то, что за *ябедничество*, несправедливое обвиненіе, полагается самое строгое наказаніе—смертная казнь. *Лжесвидѣтели* также наказываются смертию. Эти постановленія выказываютъ высокое понятіе законодателя о справедливости, — качество, которое пріобрѣтаетъ особенную цѣну въ виду того, что ничего подобнаго не встрѣчается въ позднѣйшія и даже совсѣмъ позднія времена у законодателей высокочивилизованныхъ народовъ Запада. Стоитъ только вспомнить тѣ тысячи невинныхъ, которые въ средніе вѣка попадали суду инквизиціи и смерти за простое подозрѣніе въ колдовствѣ. Понятно, что такой строгій судъ удерживалъ отъ несправедливыхъ обвиненій.

Строгое наказаніе постигаетъ виновнаго также и за *воровство*. Уличенный воръ наказывается смертию; кромѣ того, украденное у него отбирается, или онъ долженъ возмѣстить его.

Особенное значеніе имѣютъ постановленія Хаммураби, касающіяся

основъ общественной жизни, прежде всего, брака. *Брачное право* начинается съ параграфа, который самымъ выразительнымъ образомъ предупреждаетъ о томъ, чтобы на женщинъ не клеветали. Вообще, женщина въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ пользуется въ широкомъ смыслѣ защитой закона. Безъ брачнаго контракта бракъ не действителенъ и, кромѣ того, контрактъ предупреждаетъ легкомысленное вступленіе въ бракъ. За нарушеніе супружеской вѣрности оба виновника наказываются смертью черезъ утопленіе. При разводахъ жена должна получить свое приданое обратно. *Законы о разводѣ* чрезвычайно гуманны для столь отдаленнаго времени. Если мужъ разводится съ женой изъ-за ея бездѣтства, то она получаетъ обратно свое приданое и калымъ. Но и жена можетъ требовать развода, если заявить, что мужъ ведетъ развратную жизнь или измѣняетъ ей. Въ такомъ случаѣ, если, впрочемъ, сама она чиста, она безпрепятственно возвращается въ родительскій домъ.

Характерной чертой закона Хаммураби служить тотъ же принципъ возмездія, что и въ законѣ Моисея: «око за око, зубъ за зубъ» — это широкая темная полоса тѣни на законодательствѣ Хаммураби.

Зато самовольное мщеніе, кровавая месть отнюдь не допускались.

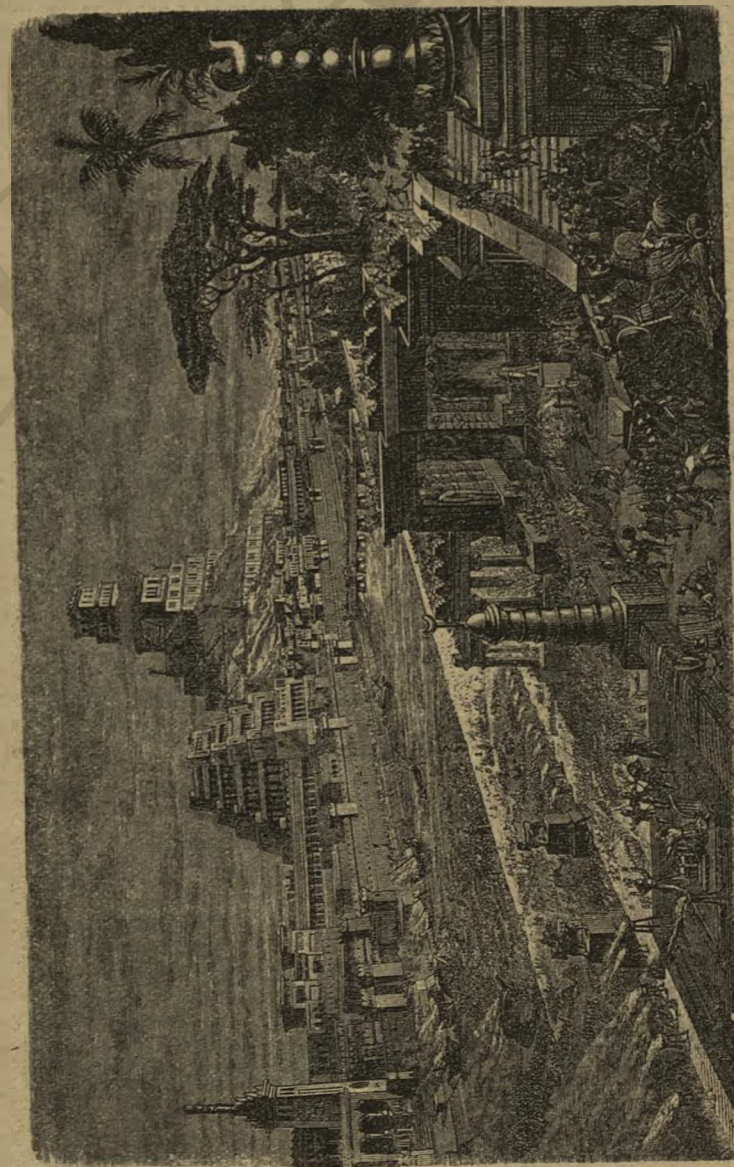
Въ законѣ Хаммураби обозначена была установленная такса на различные профессиональныя работы. Существовали опредѣленные таксы также и на *врачебный гонораръ* и на плату *ветеринарамъ*. По поводу врачебнаго гонорара мы узнаемъ слѣдующую интересную подробность: хирурги употребляли бронзовые инструменты и дѣлали, повидимому, такія операціи, какъ, напр., удаленіе катаракта съ глазъ. Въ законѣ сказано: «Послѣ того, какъ врачъ открылъ глазную впадину человѣка бронзовымъ ножомъ и вынулъ его глазъ, онъ получаетъ десять мѣрокъ серебра».

Хаммураби — основатель *перваго* Вавилонскаго царства, обнимающаго всю южную Месопотамію и окружающую ее страну, сдѣлавъ своей резиденціей Вавилонъ (Бабъ-илу, «Ворота Ілу» — святилище бога). Въ эту отдаленную эпоху городъ былъ, по всей вѣроятности, незначителенъ, нѣсколько разъ подвергался разрушенію и снова отстраивался, и знакомый намъ по историческому преданію великолѣпный городъ Вавилонъ былъ уже столицей *новаго* Вавилонскаго царства, основаннаго въ эпоху паденія Ниневіи (607). *Набонпоссаръ* открываетъ собой рядъ новыхъ владѣтелей. *Навуходоносоръ II*, «Великій», слѣдуетъ за нимъ, и во время его долгаго (605—562) и славнаго царствованія, наполненнаго, главнымъ образомъ, войнами (завоеваніе Египта, осада Тира, разрушеніе Іерусалима и т. д.), Вавилонъ дѣлается тѣмъ сказочнымъ городомъ, о которомъ древніе писа-

Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ халдейскихъ письменъ.

тели рассказываютъ чудеса. Но рассказы эти сильно преувеличены. Такъ, напр., Геродотъ придаетъ городу и окружающимъ его стѣнамъ необычайныя размѣры. По его словамъ, городъ, имѣвшій форму громаднаго четырехъ-угольника, былъ окруженъ гигантской стѣной, каждая изъ четырехъ сторонъ которой имѣла длину пятичасового пути. Мы же, на основаніи новѣйшихъ раскопокъ, видимъ, что Вавилонъ имѣлъ величину европейской столицы средней величины (какъ Мюнхенъ или Дрезденъ). Особенное вниманіе археологовъ привлекали три группы холмовъ и возвышающаяся на отдельномъ холмѣ Боренина башня Бирсъ-Нимрудъ, которая считается библейской

Вавилонъ.

башней смѣшенія языковъ. На этомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ раскопки обнаружили фундаментъ древняго *старого дворца Навуходоносора*, громадный тронный залъ (18 × 52 метра) съ обломками роскошной

красочной орнаментации. Затѣмъ открыто основаніе новаго дворца *Навуходоносора* и на восточной сторонѣ холма Касръ, на которомъ стоитъ этотъ дворецъ, раскопана *аллея процессій къ святилищу бога Мардука*, при чемъ обнаружена великолѣпная орнаментация ея изъ глазированныхъ разноцвѣтныхъ кирпичей, техническое выполненіе которыхъ безукоризненно. Недалеко отъ этой аллеи наткнулись на остатки храма *Э-махъ*, святилища богини-покровительницы родовъ (Нинъ-махъ). Зданіе это состоитъ изъ двора, преддверія и самаго святилища, въ которомъ сохранилась ниша съ изображеніемъ богини. Вокругъ расположены кельи и корридоры. Недалеко отъ храма изъ-подъ груды камней и мусора выступили какія-то громадныя каменные стѣны съ совершенно стертой надписью, въ которой оставалось только одно ясно начертанное названіе: «ворота Истаръ» (богини). Это были ворота знаменитаго храма. Стали копать все глубже и глубже и, наконецъ. (1902) наткнулись на могучіе пилястры, покрытые сверху до низу цвѣтными рельефами быковъ и драконовъ, массивныя башни по обѣимъ сторонамъ воротъ и, наконецъ, всю анфиладу портала со многими пристройками.

Въ 689 г. до Р. Х. ассирійскій царь *Сенахерибъ* разрушилъ Вави-

Осада города Сенахерабомъ.

лонъ; преемникъ его *Асаргадонъ* (680—669) возстановилъ его изъ развалинъ. Еще нѣсколько разъ Вавилонъ былъ разрушенъ и возстановленъ. Вскорѣ послѣ смерти Навуходоносора, которому наслѣдовали еще четыре незначительныхъ государя, Вавилонъ, «Мать городовъ», и все царство подпали подъ власть персидскаго завоевателя *Кира*. Послѣдній царь вавилон-

скій—*Набонидъ*—былъ помилованъ и назначенъ намѣстникомъ одной провинціи. Его сынъ *Бельшазаръ* или *Вальтасаръ* былъ убитъ полководцемъ персидскаго царя, Гобріасомъ.

Извѣстно, что Геродотъ, по поводу паденія Вавилона, рассказываетъ, что Киръ осаждалъ Вавилонъ въ теченіе 20 мѣсяцевъ и, наконецъ, благодаря безпечности стражи, ему удалось отвести русло Евфрата и по сухому руслу его пробраться въ городъ и овладѣть имъ въ то время, пока царь съ придворными весело пировалъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ. Во всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова правды. Въ найденномъ недавно глиняномъ боченкѣ съ черепками оказалась «прокламация» Кира къ вавилонянамъ, доказывающая, что персы безъ борьбы вошли въ Вавилонъ, и что вавилоняне братались съ персидскими войсками. Вскорѣ послѣ этого Киръ вступилъ въ завоеванный безъ кровопролитія городъ, и жители устлали путь его пальмовыми вѣтвями. Все, что Геродотъ рассказываетъ о вторичной осадѣ Вавилона *Даріемъ*, принадлежитъ, какъ остроумно доказалъ ассириологъ Вейсбахъ,—къ области вымысла.

Курганъ Нимруда.

Если мы займемся жизнью вавилонянъ, то — должны начать съ источника духовной жизни народа, съ его религии. Здѣсь, какъ и въ Египтѣ, монотеистическія черты сливаются съ политеистическими дифференціями. Въ древнѣйшихъ вѣрованіяхъ встрѣчаются добрые и злые гении и изъ этой демонологіи современемъ выдѣляются, въ видѣ мѣстныхъ боговъ, отдѣльныя божества, которыя, впрочемъ, современемъ превращаются въ абстрактныя понятія.

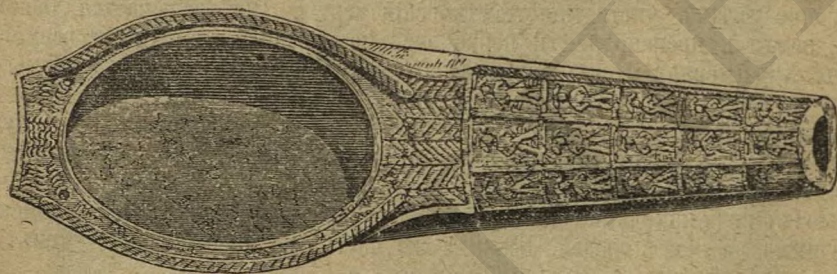
Главный вавилонскій богъ *Мардукъ*, считавшійся во времена Хаммураби верховнымъ божествомъ и творцомъ міра, безъ сомнѣнія былъ прежде не что иное, какъ мѣстное божество Вавилона. Первоначальный Бэлъ Ниппура еще имѣетъ чисто монотеистическія черты. Онъ называется богомъ неба, земли и преисподней и первоначально считался единымъ и всемогущимъ. Характерная форма вавилонскаго храма имѣла видъ поставленныхъ другъ на друга четырехугольниковъ, представляющихъ собой пирамиду со ступенями. Вотъ, что говоритъ объ этомъ храмѣ изслѣдователь Ниппура *Гильфрейтъ*: «Башня эта представляется въ древнѣйшемъ, сумерійскомъ, періодѣ, верхней своей частью жилищемъ царя неба, отца боговъ, средней частью (въ виду находящагося передъ ней жертвенника) мѣстомъ поклоненія живущихъ на землѣ людей. Нижняя же часть его изображала ступень въ царство умершихъ».

Рядомъ съ первой тріадой (Ану, Бэлъ, Эа) появляется новая тріада: *Синъ* (луна), *Самасъ* (солнце) и *Раманъ* (воздухъ) или *Барку* (богъ молніи). Къ нимъ присоединяются боги планетъ: помимо громовержца *Мардука*—богъ войны *Нергалъ* и богиня любви, предшественница Венеры—*Истаръ* (Астарта). Въ Ассирию, гдѣ она пользовалась особеннымъ почетомъ, ей поклонялись, какъ богинѣ войны, покровительницѣ битвъ; въ Вавилонѣ же въ ней преобладаютъ любовныя черты. Она не только богиня любви, но и зачинщица любовныхъ интригъ, въ которыхъ сама нерѣдко принимаетъ участіе. Вавилонскія дѣвушки приносили въ жертву Истаръ

свою невинность, и эта форма культа привела съ теченіемъ времени къ тѣмъ оргіямъ, которыми такъ прославился Вавилонъ.

Въ вавилонской поэзіи вѣра въ загробную жизнь ясно выражена въ политеистическомъ духѣ; но вполне яснаго представленія объ этомъ вѣрованіи мы себѣ составить не можемъ. Къ тому же въ Вавилонѣ не найдено такихъ монументальныхъ гробницъ, какъ на берегахъ Нила. Изъ раскопокъ самыхъ нижнихъ слоевъ въ Ниппурѣ, гдѣ найдены урны съ пепломъ, мы можемъ вывести заключеніе, что вавилоняне сжигали умершихъ. Однако, существовало также и настоящее кладбище, гдѣ трупы въ башмакообразныхъ глиняныхъ гробахъ предавали землѣ. И по сіе время еще изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Персіи привозятъ сюда умершихъ, чтобы схоронить ихъ въ священной землѣ, напоенной, по преданію, кровью мусульманскихъ мучениковъ. Гуссейна и Али.

И вотъ, передъ нами снова возникаетъ видѣніе, подобное сну. Знойный лѣтній день. Синеватая мгла лежитъ на спаленной солнцемъ равнинѣ, посреди которой поднимается дышашій кипучей жизнью городъ, населеніе котораго страстно-дѣлательно, но также и безпечно весело. Безконечно тянутся улицы, дома или одноэтажные съ верандами или въ нѣсколько этажей,

Башмакообразная гробница.

иногда разукрашенные цвѣтной глазурью. То здѣсь, то тамъ темнымъ пятномъ выступаетъ зелень садовъ и, словно сказочный замокъ, возвышается гигантскій царскій дворецъ, выступаетъ на фонѣ синяго неба восьмиэтажная пирамида храма Бэла (Мардука) съ жилищемъ самого бога на самомъ верху. Оттуда открывается видъ на спокойно катящій свои воды Евфратъ, на спускающіяся къ его берегу террасы, на пальмовыя рощи и на безконечную даль. По залитымъ солнцемъ улицамъ шествуютъ сытые и довольные вавилоняне въ длинныхъ одеждахъ; у каждого своя печать и

жезлъ съ рѣзной фигурой наверху: роза, лилія, орелъ и т. д. Конечно, среди толпы есть и женщины. Мы уже знаемъ со словъ древнихъ писа-

Блюдообразная гробница.

телей, что правы въ этомъ богатомъ, жаркомъ, утопающемъ въ роскоши городѣ были не особенно строги. Присутствіе огромнаго числа иностранцевъ—такъ какъ Вавилонъ былъ важнѣйшимъ торговымъ рынкомъ того времени—придавало

Наружный видъ блюдообразной гробницы.

Цилиндръ, покрытый клинописью.

городу почти международный характеръ.

Вслѣдствіе этихъ условий матеріальныхъ требованія жизни все повышались, духовныя же все болѣе и болѣе отступали на задній планъ. Вавилоняне были преимущественно практическій, любящій наслажденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на роскошный климатъ, и трудолюбивый народъ. Религіозно-научные тексты, найденные въ раскопкахъ, не могутъ считаться общественнымъ достояніемъ народа. Ихъ спекулятивное содержаніе составляетъ исключительную принадлежность жрецовъ. Зато литературныя произведенія были близки народу, такъ какъ ему всегда нравится всякій вымыселъ и все фантастическое. Что жившій на югѣ, въ чудномъ климатѣ народъ любилъ музыку и пѣніе—въ этомъ трудно сомнѣваться. Въ раскопкахъ Ниппура найденъ обломокъ терракотты, изображающій (по мнѣнію Гильпрехта) пастуха, играющаго на лютнѣ. Передъ музыкантомъ сидитъ его собака и по открытой пасти ея видно, что она востъ. Повидимому, вѣрный другъ человѣка, собака, уже за три тысячи лѣтъ такъ же не любила музыку, какъ и теперь.

Чисто вавилонскаго искусства, собственно говоря, не было, хотя въ извѣстномъ отношеніи вавилоняне и достигли высокой степени совер-

шенства. Барельефы изъ цвѣтной глазури: эмалевыя стѣнные украшения, цвѣтныя розетки, пестрые фризы и т. д. доказываютъ ихъ способность къ декоративному искусству. Скульптуры изъ камня, исполнявшіяся сравнительно мало, вслѣдствіе рѣдкости матеріала, а также сизелирование на золотѣ и другихъ металлахъ показываютъ высоко развитую технику.

Контрактная плита съ договоромъ.

Рядомъ съ пластикой и эмалью, выполненнымъ искусствомъ слѣдуетъ поставить ткацкое мастерство. Затканная вавилонская матерія, роскошные ковры и другія произведенія текстильной промышленности пользовались славой неподражаемой красоты. Въ Ассирии, гдѣ каменная пластика царяла надъ художественной промышленностью, вавилонскіе ковры ценились, какъ предметъ роскоши перваго разряда. Такимъ образомъ, и всѣ техническія производства способствовали тому, чтобы дѣлать жизнь болѣе утонченной и наслаждение болѣе интенсивнымъ. Но чрезмѣрная техническая культура погубила уже не одинъ народъ и заставила его, какъ по наклонной плоскости спуститься по пути, ведущему къ разложенію; онъ

Царь принимаетъ отъ подвластныхъ народовъ дары

подпадаетъ подъ власть болѣе сильной, болѣе свѣжей и жизненной расы. Такъ, Вавилонъ подпалъ подъ власть арійскаго племени, подъ владычество Кира. Такъ говоритъ пророкъ Исаія: «И такъ Вавилонъ, краса царствъ, знаменитый и гордый городъ халдеевъ, долженъ сдѣлаться, какъ Содомъ и Гоморра, которыя Господь перевернулъ. Никогда болѣе не будетъ онъ обитаемъ, никогда не будетъ построенъ отъ рода и до рода. Арабъ не будетъ раскидывать тамъ свой шатеръ; тамъ будутъ жить звѣри пустыни

и совы наполнять ихъ дома, и живутъ тамъ страусы и прыгаютъ лѣсные звѣри. И воютъ тамъ шакалы въ замкахъ и дикія собаки въ чертогахъ веселья».

Народная поэзія вращается въ области религіозныхъ представленій. До насъ дошли, къ сожалѣнію въ отрывкахъ, три поэмы: «Борьба бога Мардука съ богиней тьмы Тіаматъ», «Сомѣстіе богини Истаръ въ адъ» и, такъ называемый, «Эпосъ — Гильгамось». Въ «эпосѣ Мардука» содержится вавилонскій мифъ о сотвореніи міра. Мардукъ есть мудрый богъ свѣта, разогнавшій вѣчную тьму и съ тѣхъ поръ каждое утро побѣдоносно подымается надъ ночнымъ восточнымъ моремъ. Это символъ пробужденія природы весной, побѣды надъ водными потоками зимы. Этими побѣдами Мардукъ заслужилъ себѣ главенство надъ всѣми богами.

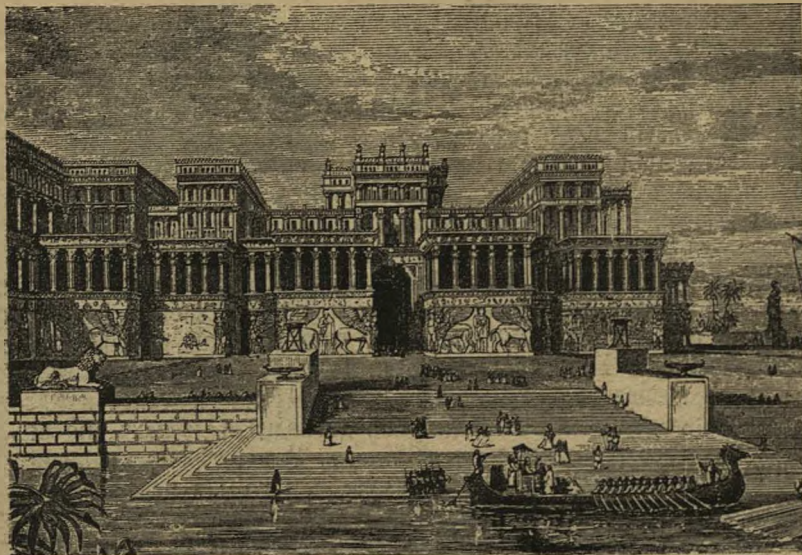
Самая значительная изъ вавилонскихъ поэмъ—это «Гильгамось». Гильгамось, герой этого эпоса, есть никто иной, какъ библейскій Нимродъ, сынъ Хуза, одного изъ сыновей Хама. Слѣдовательно, Нимродъ—Гильгамось не Семитъ, а Хамитъ. По библіи Нимродъ былъ «могучимъ охотникомъ передъ Господомъ», царь «Вавилона и Арахъ и Ахада и Халана въ землѣ Ханаанской». Эпосъ написанъ на двѣнадцати доскахъ, но отъ каждой изъ нихъ сохранился лишь обломокъ. Изъ различныхъ копій поэмы видно, что она написана еще до Хаммураби, но была переписана во многихъ экземплярахъ еще въ 150 г. до Р. Х.; слѣдовательно, она была въ постоянномъ употребленіи въ теченіе двухъ тысячелѣтій, что служитъ доказательствомъ ея популярности. Она представляетъ собой весьма важный культурно-историческій интересъ, главнымъ образомъ, потому, что въ ней заключается вавилонское повѣствованіе о потопѣ (12-я доска). Нѣкоторыя подробности совершенно тождественны съ библейскими, такъ напримѣръ, возьмемъ хотя бы слѣдующее мѣсто, гдѣ разсказывается о ковчегѣ вавилонскаго Ноя (Ситъ — Нинитима), остановившемся на «горѣ Низиръ». «Когда насталъ седьмой день, я выпустилъ голубку. Голубка полетала туда и сюда и вернулась, такъ какъ не нашла мѣста, куда бы она могла пристѣть. И выпустилъ ласточку; она полетѣла, но не нашедши мѣста, куда сѣсть, вернулась. Я выпустилъ ворона. Онъ полетѣлъ, увидалъ, что вода убываетъ, закаркалъ, улетѣлъ и больше не вернулся». Разнится вавилонскій разсказъ о потопѣ отъ библейскаго въ причинѣ потопа и въ своей политическо-этической основѣ. Кромѣ этихъ главныхъ эпосовъ, найдены еще и второстепенные, какъ напр. «Борьба Бэла съ дракономъ», «Битва семи злыхъ духовъ съ богомъ луны Синомъ» и т. д. Существуютъ также вавилонскіе псалмы и молитвы.

АССИРИЯНЕ.

Горная страна на сѣверномъ теченіи Тигра и Евфрата, въ особенности по среднему Тигру и его лѣвымъ притокамъ, повидимому, населилась уже въ раннюю эпоху перваго расцвѣта халдейской культуры. Новые поселенцы, (можетъ быть завоеватели) пришли подъ предводительствомъ главы своего племени, *Ассуръ*, давшего свое имя не только народу, но и первому большому городу основанному въ этой странѣ. Подобно мифическому Бэлу, Ассуръ также современемъ былъ причисленъ къ богамъ и съ тѣхъ поръ остался національнымъ богомъ ассирианъ.

Первобытная исторія Ассиріи покрыта мракомъ. До сихъ поръ не найдено никакихъ документовъ, относящихся къ эпохѣ, предшествующей 18-му столѣтію до Р. Х. По библейскому свидѣтельству Ассуръ основалъ также и Ниневію. «Изъ этой страны (Сенааръ, т. е., Халдея) вышелъ Ассуръ и построилъ Ниневію»... Мифологическое же преданіе говоритъ о

царь *Ниниъ*, давшемъ основанію имъ городу, Ниневіи, свое имя. Рядомъ съ нимъ стоитъ другая призрачная личность—супруга его Семирамида.

Древняя Ниневія.

Первый, отмѣченный исторіей, царь есть *Салманассаръ I*. При *Салманассарѣ I* царской резиденціей былъ Калахъ. *Саргонъ* же построилъ

себѣ новую столицу на сѣверъ отъ Калаха и только *Сенахерибъ* сдѣлалъ (705 г. до Р. Х.) своей столицей возстановленную имъ древнюю Ниневію, которая до него существовала уже добрую тысячу лѣтъ.

Еще въ 40-хъ годахъ XIX в. никто не имѣлъ понятія о мѣстоположеніи постройкой *Сенахерибомъ* столицы, о которой мы получаемъ кое-какія свѣдѣнія отъ Геродота. Въ 1840 сэръ Генри Лейардъ предпринялъ раскопки въ окрестностяхъ Мосула и, когда близъ деревни Нимрудъ расчищенъ былъ нанесенный двумя тысячами мусоръ, спала завѣса,

Арабы Лейярда и голова крылатого быка.

и ассирійская тайна возстала изъ гроба. Открылись дворцы съ залами, выложенными алебастровыми досками по стѣнамъ, со львами и крылатыми быками по бокамъ порталовъ. Но самая главная находка сдѣлана была близъ Куюнджика (противъ Мосула). Тутъ открылись двѣ комнаты, полъ ихъ былъ покрытъ черепками, которые были отосланы въ Лондонъ и послѣ тщательной разборки оказались цѣлой библіотекой. Лейардъ высказалъ предположеніе, что вокругъ самой, окруженной стѣнами столицы находились также

принадлежащія къ ней дома съ садами и охотничьими рощами, занимавшими громадное пространство.

Курганъ при деревнѣ Куюнджикъ.

Открытія въ Нимудрѣ постройки составляли часть дворца *Салманассара I* (ок. 1300 г. до Р. Х.). Здѣсь особенный интересъ возбуждали изображенія, знакомящія зрителя съ тѣмъ, какъ жили люди нѣсколько тысячелѣтій назадъ. Это военныя и охотничьи сцены, процессіи и жертвоприношенія, путешествія по водѣ и сушѣ, домашнія занятія, сцены изъ придворной жизни и т. д. Изъ глиняныхъ восьмигранныхъ призмъ, покрытыхъ надписями, выяснилось, что постройка зданія относится къ царствованію Тиглатъ-Пилесера II (ок. 1130 г. до Р. Х.).

Работу Лейярда продолжать въ началѣ 70-хъ годовъ *Смитъ* и открылъ новый текстъ клинообразныхъ письменъ большой важности, а именно вавилонское описаніе потопъ. Въ слѣдующемъ году *Смитъ* открылъ 3000 черепичныхъ дощечекъ, представлявшихъ собою части «Сарданапаловской библіотеки», а вскорѣ послѣ того (1874) еще 9000 кусковъ дощечекъ той же библіотеки. Чрезвычайнаго труда стоило сложить и разобрать эти дощечки; но зато результаты превзошли всѣ ожиданія. Давнымъ давно погибшій міръ вдругъ выплылъ изъ мрака тысячелѣтій и съдая мудрость древнѣйшей въ мірѣ культуры выступила на свѣтъ божій. Здѣсь были списки боговъ, ихъ атрибутовъ и титуловъ, документы о сотвореніи міра, о хаосѣ, о грѣхопадении, о потопѣ и т. д. Нѣкоторые дощечки заключали въ себѣ грамматическія или математическія сочиненія: мѣры, вѣсы, кубическія и квадратныя корни. Изъ нѣкоторыхъ текстовъ видно было, что ассирійяне дѣлили небо на четыре части, т. е., по «движенію солнца считали четыре времени года. Годъ имѣлъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ и, въ случаѣ надобности, вставкой 13 мѣсяца приводился въ соотвѣтствіе съ солнечнымъ годомъ. Кроме того, найдены были географическія дощечки съ названіями странъ и городовъ; постановленія закона, завѣщанія и займы, мѣна и продажа, преданія и короткія историческія замѣтки. Всѣ эти находки, а также многочисленные скульптуры (львы, быки, фигуры царей, обелиски) наполняютъ нѣсколько залъ Британскаго музея.

Скульптура была наиболѣе развитымъ искусствомъ ассирійянъ, въ которомъ отразился своеобразный духъ этого культурнаго народа: большая

наблюдательность, склонность къ реализму, точная передача фигуръ животныхъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ лишь небольшое число ассирійскихъ

Раскопки въ Хорсабадѣ.

Курганъ съ развалинами древняго Эреха.

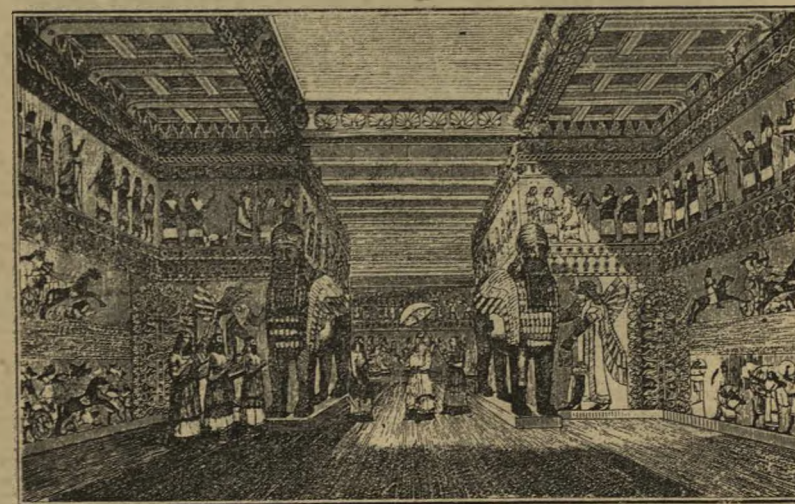
Къ произведеніямъ рѣзного искусства принадлежатъ еще, такъ называемые, цилиндры, бывшіе по большей части печатями, затѣмъ камен, геммы и

другіе предметы. Мотивы изображеній—главнымъ образомъ, военныя и охотничьи сцены, боевыя колесницы, осады крѣпостей и пиры, при чемъ фигуры, какъ и у египтянъ, всегда изображены въ профиль.

Распиливаніе крылатоаго ассирійскаго быка.

Замѣчательнъ въ первомъ дворѣ верхней площадки въ Хорсабадѣ украшенный рельефами фасадъ дворца: подданные царя приносящіе ему по-

Львиный залъ въ ассирійскомъ дворцѣ.

дарки: чаши и вазы, богато разукрашенные столы и троны съ фигурными спинками, колесницы, даже модели крѣпостей и городовъ. Царь стоитъ

въ богатомъ расшитомъ одѣяніи, позади него безбородые и толстые евнухи съ луками и опахалами.

Различныя эпохи въ ассирійскомъ искусствѣ въ теченіи 500-лѣтняго періода отличаются болѣе измѣненіемъ въ стилѣ, въ смыслѣ прогресса

Выѣздъ ассирійскаго царя.

или регресса, нежели въ костюмѣ или убранствѣ. Особеннаго развитія въ смыслѣ тонкости исполненія ассирійская скульптура достигла незадолго до паденія царства, а именно при предпоследнемъ царѣ Ниневин, *Ассурбанипалъ*. Одна изъ рельефныхъ скульптуръ изображаетъ возвращеніе царя съ войны. Его встрѣчаютъ музыканты, танцующіе мужчины съ арфами и двойными дудками, женщины и дѣти бьютъ въ ладоши. Изображеніе четырехъ конныхъ колесницъ опрокидывающихъ одна другую очень живо и картинно. Это большой шагъ впередъ противъ древняго ассирійскаго искусства, ко-

торому совершенно не достаетъ оживляющаго элемента. Въ томъ все условно и все основано на внѣшнемъ эффектѣ: костюмъ, стилизованныя бороды и оружіе. Отнимите все это—и отъ ассирійскаго искусства ничего не останется. Исключеніе составляютъ колоссальныя характерныя фигуры, которыя, однако, въ фигурахъ людей и животныхъ стараются подчеркнуть мускуловъ и жилъ усилить отсутствующую внутреннюю силу. Тѣмъ не менѣе, ассирійское искусство выказываетъ гораздо болѣе подвижность, нежели египетское и составляетъ какъ бы переходъ къ классическому искусству.

Относительно *религии* ассирійянъ мы почти ничего не знаемъ. Въ надписяхъ упоминается богъ Асуръ. Въ клинообразныхъ надписяхъ дворца Сарданапала много разъ повторяется фраза: «Сіе есть дворецъ Сарданапала, смиреннаго почитателя Асеура». Въ изображеніяхъ боевыхъ сценъ нерѣдко является гений посреди крылатою кольца и паритъ надъ царемъ. Крылатые, болѣею частью страшные, быки съ человѣчьиими головами, смѣшеніе человѣка съ орломъ, быкомъ или львомъ имѣютъ не божественное, а только демоническое значеніе и очевидно заимствованы изъ Вавилона.

Ассирійяне были воинственный народъ, ставящій выше всего завоеваніе. И плохо приходилось мелкимъ странамъ между Вавлоніей и Ассиріей; онѣ словно существовали только для того, чтобы быть изображенными на памятникахъ въ видѣ покоренныхъ и истязуемыхъ, такъ какъ каждое завоеваніе сопровождалось неслыханными зверствами. Сажаніе на колъ и ослѣпленіе повторяются на каждомъ шагѣ. Последняя процедура изображается особенно реально, при чемъ ее исполняетъ самъ царь. Плѣнные стоятъ передъ нимъ на колѣняхъ. Черезъ нижнюю губу продѣто кольцо, къ нему привязана веревка, которую царь держитъ одной рукой. Другой рукой онъ вонзаетъ копье въ глазъ своей жертвы. Можно было бы рассказать безчисленное множество такихъ варварскихъ истязаній и насилій, но мы не хотимъ утомлять имъ читателей... Рядомъ съ жаждой крови мы видимъ алчность къ золоту. Боевая добыча всегда подробно описана. *Сенахерибъ* (703—681) заставилъ царя Гискію заплатить 30 талантовъ золотомъ и 300 талантовъ серебромъ. Гискія долженъ былъ отдать

Осада ассирійцами города.

Видъ и расположеніе ассирійскаго жилища.

ему всё сокровища своего дома и храма и сорвать листовое золото, покрывавшее двери храма, чтобы набрать эту сумму. Великолѣпіе дворцовъ ассирийскихъ царей не поддается описанію по обилію золота, слоновой кости, драгоценнаго дерева и роскошныхъ пурпурныхъ тканей, ковровъ и покрывавшихъ стѣны разноцвѣтныхъ глазированныхъ кирпичей.

Счетъ отрубленныхъ головъ.

Посаженные на колъ военнопленные.

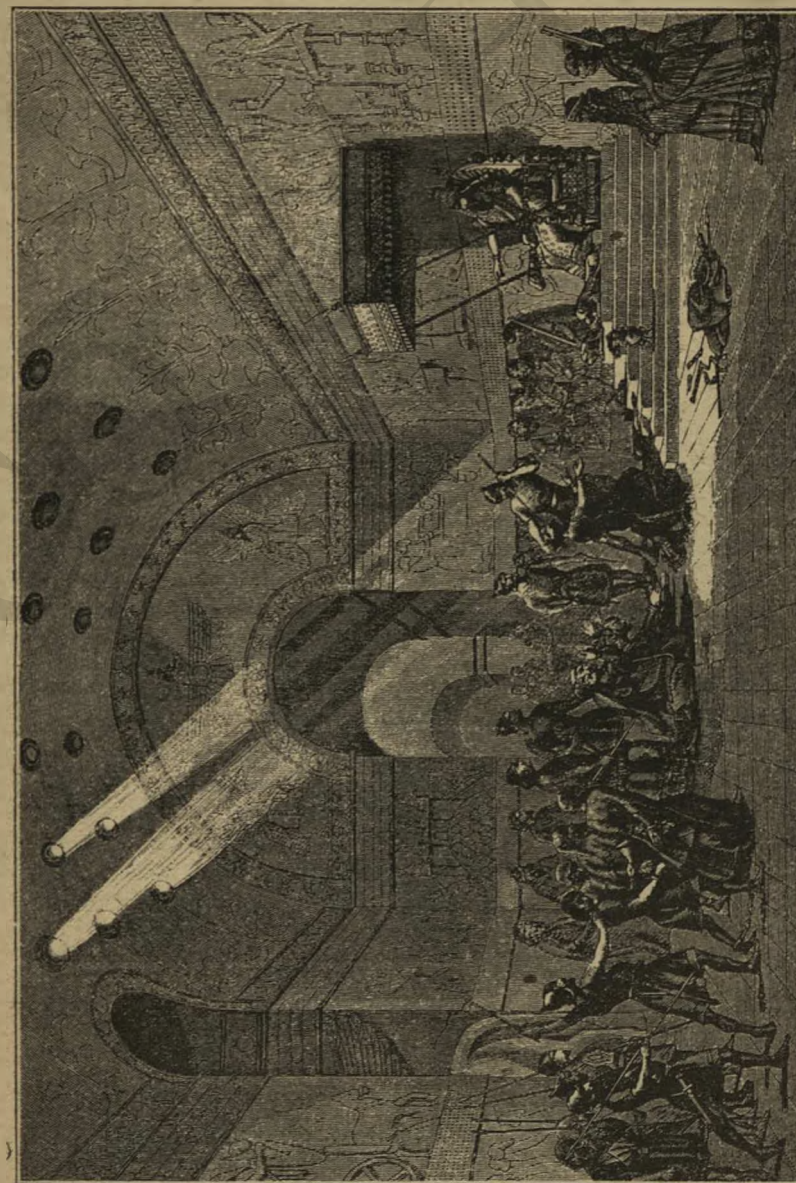
1100 г.). Затѣмъ, когда Ниневія уже исчезла, какъ сонъ, исторія и культура на берегахъ Тилла были еще настолько могучи, что къ старому стволу возможно было привить новые побѣги, давшіе снова роскошный цвѣтъ.

Причина почти мгновеннаго исчезновенія этого могучаго государства заключается въ томъ, что оно зиждилось не на проникнутомъ культурными началами народѣ, а опиралось исключительно на военное могущество царя. Такого рода государство должно было возвышаться и падать, смотря по личности, служившей его представителемъ. Ассирія была одно время первой державой Востока, но она обязана была этимъ исключительно своему прочному милитаризму. Изъ нея, хотя и преходящаго, культурнаго богатства народы Средиземнаго моря, черезъ посредство финикійцевъ, получили значительный запасъ, который могли развить далѣе. Замѣчательно при этомъ то, что при завоеваніяхъ одного народа другимъ всегда одна культура уступаетъ мѣсто другой. Это-то обстоятельство и затрудняетъ изслѣдованіе, такъ какъ неизбежно въ переходѣ отъ одной формы культуры къ другой является пробѣлъ, который заполнить трудно. Цивилизаціи возникаютъ и исчезаютъ, при чемъ сохранившіеся обломки культуры оказываются потерявшими жизненную силу на своей старой почвѣ и только перенесенные на новую землю даютъ новые ростки и продолжаютъ развиваться. Такимъ образомъ, даже само воспоминаніе этой культуры въ

Послѣ смерти *Ассаргадона*, основавшаго могучее царство, послѣднее стало распадаться, и при сынѣ его, *Ассурбанипалѣ*, могучая волна скифовъ нахлынула на страну двухъ рѣкъ. Ниневія устояла, какъ скала, противъ прибои волнъ; въ Вавилонѣ ассирийскій намѣстникъ *Набополассаръ* возмущился и ему удалось съ помощью мидійскаго царя *Киаксара* завоевать Ниневію и разрушить ее до основанія (607 до Р. Х.).

Бросимъ теперь взглядъ на эту сѣдую старину. Мы видимъ, что въ сравненіи съ исторіей Египта, исторія Ассиріи является лишь простымъ эпизодомъ. Весь кругъ событій совершается въ 500 лѣтъ. Въ Египтѣ уже угасла 20 династія, когда Ассирія съ Тиглатъ-Пилезеромъ I вступаетъ на историческую арену (ок.

своей родной странѣ исчезло безслѣдно и лишь спустя тысячелѣтія мы находимъ остатки ея подъ тысячелѣтной пылью и подъ прахомъ могилъ.

Восстановленіе вавилонскихъ цѣпей.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Сирія и Палестина.

Финикіянѣ.

Въ своемъ сочиненіи «Строительные камни» Феликсъ Данъ разсказываетъ вымышленную исторію кораблекрушенія финикійскихъ искателей приключеній на берегахъ Балтійскаго моря. Мореплаватели, попавшіе въ

далекую, чужую страну, овладѣваютъ драгоценнымъ уборомъ изъ янтаря, который впоследствии входитъ въ составъ сокровищъ знаменитой царицы

Карта Финикии и Палестины.

Савской. Много столѣтій спустя, этотъ уборъ появляется снова: онъ составляетъ часть военной добычи императора *Тита*, который, вмѣстѣ съ другими драгоценностями, привозитъ его въ Римъ. Здѣсь онъ много лѣтъ спустя попадаетъ въ руки короля вандаловъ, *Гейзериха*, который увозитъ его въ Карфагенъ. Отсюда *Валларій* беретъ его съ собой въ Византию и, наконецъ, французскіе крестоносцы привозятъ его во Францію. Здѣсь онъ долгое время находится во владѣніи дворянскаго рода Го-Пьеръ (*Haut Pierre*) и, наконецъ, уже въ 1870 г. одинъ изъ членовъ этого дома отдаетъ

знаменитый янтарный уборъ одному прусскому офицеру въ благодарность за какую-то услугу. Съ этимъ послѣднимъ владельцемъ драгоценное украшеніе возвращается на свою родину, откуда 4000 лѣтъ назадъ увезли его финикійскіе авантюристы.

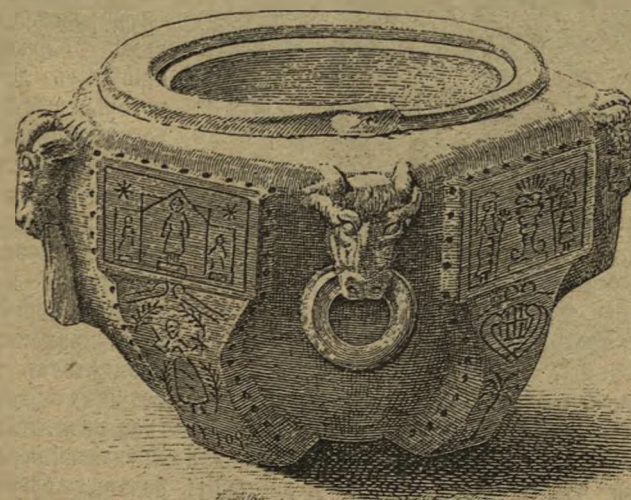
Хотя все это не что иное, какъ романтическій вымыселъ, тѣмъ не менѣе, авторъ указываетъ этимъ на весьма древнія сношенія, посредниками которыхъ былъ торговый народъ финикияне. Мы не знаемъ, правда, доставали-ли они янтарь, бывший однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ роскоши на Востокѣ, непосредственно съ береговъ Балтійскаго моря или получали его изъ вторыхъ рукъ. Огромное значеніе для культурно-историческихъ сношеній между сѣверомъ и югомъ Европы имѣли всегда тѣ южныя моря, которыя больше другихъ врѣзываются въ материкъ—это Черное и Адриатическое моря и Ліонскій заливъ.

Первымъ торговымъ народомъ на берегахъ Средиземнаго моря—были финикияне, о которыхъ впервые рассказываетъ *Диодоръ*. Трудно представить себѣ, чтобы съ тогдашними средствами передвиженія финикияне, по преимуществу мореходный народъ, достигали береговъ Балтійскаго моря по сухому пути. Единственнымъ доказательствомъ тому, что финикійскіе купцы пользовались этимъ путемъ, служить найденный близъ Смоленска громадный пирамидальной формы камень, надпись на которомъ на финикійскомъ языкѣ гласитъ слѣдующее: «Памятникъ Ваала. Здѣсь мы поставили его».

Роль, которую финикияне играютъ въ культурной жизни древняго міра, составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи народовъ. Они представляютъ собой звено, соединяющее востокъ съ западомъ, что въ смыслѣ развитія культуры имѣетъ громадное значеніе. Но эта роль посредника выражается лишь въ формѣ рѣзкого утилитаризма, являющагося характерной чертой этого народа. Финикияне не особенно высоко цѣнили умственное до-

Одежда зватаго финикійца.

Финикійская мраморная вага.

стояніе, какъ не приносящее дохода, и предоставляли его ниже себя стоявшимъ народамъ. Изъ литературы ихъ, къ сожалѣнію, ничего не сохранилось. До насъ дошли только черезъ посредство грековъ нѣкоторые изъ ихъ вѣрованій.

На основаніи одного халдейскаго міеа древнѣйшими обитателями южной Месопотаміи были сумерійцы и аккадійцы. Относительно *происхожденія финикійцевъ* издревле существовало много предположеній; но объ ихъ первомъ появленіи на берегахъ Сиріи не дошло до насъ никакого свѣдѣнія. Здѣсь они, по всей вѣроятности, основали поселенія и стали жить мореходствомъ. Что послѣднее давало поводъ къ морскому разбою, понятно само собой. Въ царствованіе *Рамзеса II* морскіе разбойники нападали на Ливію. Безъ сомнѣнія это были финикійскіе пираты, которые уже и ранѣе опустошали берега Средиземнаго моря. Какъ долго продолжалось это состояніе и, какимъ образомъ развился финикійскія колоніи—это ускользаетъ отъ историческаго изслѣдованія и даже относительно основанія знаменитыхъ финикійскихъ городовъ, Тира и Сидона, не существуетъ положительныхъ датъ. По *Иозефу* городъ Тиръ основанъ въ 1233 г. до Р. Х., т. е., вскорѣ послѣ паденія Трои. Гораздо древнѣе Тира *Сидонъ*, существовавшій, по словамъ Геродота, уже въ 28 в. до Р. Х. Обѣ даты подтверждаются *Иліадой* въ томъ смыслѣ, что о Сидонѣ ясно упоминается въ поэмѣ; Тиръ же вовсе не названъ въ ней, хотя Гомеръ, жившій триста лѣтъ послѣ паденія Трои, могъ бы знать о его существованіи. «Сидонцами» назывались всѣ знатные финикійцы, и это названіе указываетъ на отношеніе къ морю, такъ какъ «Сидонимъ» означаетъ рыбака, названіе «море Сидонское» было у грековъ классическимъ именемъ для восточной части Средиземнаго моря между Сиріей, малой Азіей и Египтомъ съ островомъ Кипромъ.

Очевидно, что прошлое финикійцевъ было неясно и для нихъ самихъ,

словно они сами хотѣли забыть тѣ времена разбойничества, которыя предшествовали ихъ культурной жизни. Человѣкъ съ сомнительнымъ прошлымъ не любитъ разсказывать, какимъ образомъ онъ приобрѣлъ деньги, на которыя выстроилъ свой великолѣпный дворецъ.

Мы должны предположить, что основаніе большихъ финикійскихъ городовъ совпадаетъ съ началомъ правильной морской торговли, такъ какъ промышленность процвѣтаетъ только въ большихъ городахъ, а

Финикійская серебряная чаша съ о-ва Кипра.

Безъ продуктовъ ея не можетъ существовать дѣятельная торговля. Естественныя же богатства Сиріи были не настолько цѣнны для обитателей береговъ Средиземнаго моря, чтобы сбытъ ихъ могъ доставить большія богатства финикійцамъ. Источникомъ ихъ благосостоянія была, очевидно, исключительно художественная промышленность, достигшая у нихъ высокой степени

развитія. Въ такую эпоху, когда на среднемъ и западномъ побережьи Средиземнаго моря господствовалъ еще Каменный періодъ, на восточныхъ берегахъ его процвѣтала *индустрія металловъ*.

Менелай, желая подарить *Телемаку* нѣчто особенно драгоценное, даетъ ему сидонскій серебряный сосудъ для мѣшанія вина съ водой. Въ видѣ приза для состязанія въ бѣгѣ при погребеніи Патрокла Ахиллесъ назначаетъ сидонскій серебряный кубокъ съ позолоченнымъ краемъ. Лучшее понятіе объ этомъ родѣ издѣлій даютъ серебряныя сосуды, хранящіеся въ Луврѣ. Финикійскія работы, издѣлія изъ металлической композиции, какъ на примѣръ, панцирь Агамемнона, полученный имъ въ подарокъ съ Кипра съ переплетающимися лентами изъ стали, золота и серебра, съ чеканнымъ и травленнымъ рисункомъ—все это представляло собой высокую художественную цѣнность.

Гонимое искусство также возникло въ Финикіи, а отсюда распространилось по Греціи, Этрурии и далѣе. Не менѣе славился Сидонъ также и произведеніями ткацкаго станка. Знаменитая одежда сибарита *Алкисоса* была куплена карфагенянами за неслыханную сумму 120.000 та-

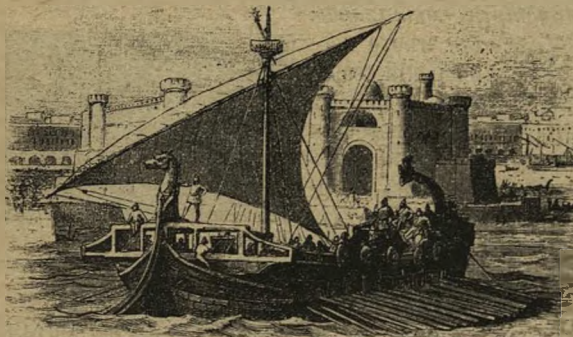
Финикійскій (цилиндрическая) печатъ.

Финикійскій городъ и его гавань.

лантовъ и повѣшена въ карфагенскомъ храмѣ. Драгоценный *турскій пурпуръ* получался благодаря двойной окраскѣ ткани, которую сначала опускали въ черный сокъ пурпуровой улитки (purpura), а затѣмъ въ сокъ ярко-красной улитки (janthina). Улитокъ же для этого требовалось безчисленное множество, и цѣлый народъ съ незапамятныхъ временъ существовалъ ловлей этихъ животныхъ. Открывавшаяся съ финикійскихъ береговъ голубая даль манила къ себѣ предприимчивыхъ мореплавателей, и вотъ, узкія быстросходныя ладьи поплыли по морю, сначала къ ближайшимъ островамъ Кипру, Криту и греческому Архипелагу. Однимъ изъ первыхъ острововъ, на которомъ поселились фаникіяне былъ, по словамъ Діодора, островъ *Родосъ*. Преданіе сохранило разсказъ о финикійцѣ *Кадмѣ*, который покинулъ родину и отправился искать «прекрасную дѣву Европу». Буря забросила его на островъ Родосъ, гдѣ онъ принесть жертву морскому богу Посейдону и построилъ ему храмъ. Кадмъ, какъ гласитъ преданіе, прибылъ, наконецъ, въ Грецію и здѣсь основалъ крѣпость Кадмею, впо-

слѣдствіи городъ Фивы. Черезъ еракійскіе проливы финикіяне проникли въ Черное море (Понтосъ Эвксинось).

Прибытіе финикійскаго торговаго судна въ гавань.

Для своихъ дальнихъ плаваний финикіяне пользовались болѣе въ ширину, чѣмъ въ длину построеннымъ судномъ «Гаулосъ» и, наконецъ, стали строить большіе коммерческіе корабли «Таршинъ». Такъ называли они далекую Испанію и, слѣдовательно, «таршинъ», употреблялся преимущественно для этого дальняго плаванія. Финикійскій гаулосъ съ помощью своихъ многочисленныхъ гребцовъ дѣлалъ одну морскую милю въ часъ. Мы имѣемъ относительно этого слѣдующія указанія. Отъ Библоса (Бейрута) до Крита они плыли 8 дней; отъ Крита до Мелиты (Мальты) еще 6 дней, столько же до Балеарскихъ острововъ и столько же оттуда до Гибралтарскаго пролива.

Понятно, что новыя территоріи завоевывались лишь медленно и по-

Развалины древняго Картагена.

степенно. Основаніе Гадейры (Кадикса) относится къ 12 ст. до Р. Х. Самымъ значительнымъ поселеніемъ финикіянъ по сю сторону Столповъ Геркулеса былъ Картагенъ, который Полибій называетъ богатѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Это былъ громаднѣйшій международный центръ съ олигархическимъ правленіемъ (правленіе немногихъ), при чемъ власть доставалась въ руки богатымъ купцамъ, финансистамъ-спекулянтамъ, которые и играли роль аристократіи. Тамъ, въ Картагенѣ, стоялъ идолъ того страшнаго Молоха, которому на его бронзовыя руки клали одно за другимъ сотни дѣтей знатныхъ гражданъ съ этихъ рукъ они скатывались прямо въ пылающую печь. Весь опытъ, вся матеріальная культура финикіянъ не могли

искоренить этого страшнаго идолопоклонства. Вообще, въ финикіянахъ жилъ какой-то мрачный духъ. Но сами они чувствовали себя культуртрегерами и серьезно подумывали о томъ, чтобы сдѣлать финикіянами всю Европу. Какъ въ наше время англичане—«современные финикіяне»—занимаютъ свои боевыя силы у другихъ народовъ, точно такъ же и финикіяне, которыхъ, наоборотъ, называютъ «англичанами древняго міра», держали наемныя войска. По всему сѣверному побережью Африки разбросаны осязательные слѣды ихъ предпримчивости. Прежде всего, какъ мы сказали, они на европейскомъ берегу пролива основали Гадейру (Кадиксъ), затѣмъ около 1.100 до Р. Х. Утику. Картагенъ же, основанный гораздо позже, опередилъ въ значеніи всѣхъ финикійскихъ городовъ и сдѣлался самой могучей морской державой на Средиземномъ морѣ. Онъ имѣлъ республиканскій образъ правленія и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій оспаривалъ у Рима господство на морѣ. Но только одинъ Картагенъ изъ всѣхъ финикійскихъ колоній достигъ такого могущества и процвѣтанія. Всѣ остальные ихъ поселенія, изъ которыхъ многія возникли вдоль западнаго, атлантическаго берега Африки, зачахли, вслѣдствіе узкоэгоистическаго, корыстнаго духа, присущаго этому народу. Колоніи, не пользовавшіяся достаточной свободой самоуправленія и обремененныя налогами, не могли развиваться и погибли. Чтобы устранить конкуренцію въ морской торговлѣ, финикіяне присвоили себѣ право пускать ко дну каждый встрѣчавшійся имъ чужой торговый корабль. Съ этой же цѣлью, вѣроятно, финикіяне распускали слухи о тѣхъ ужасахъ, которые ожидали мореплавателей за Столпами Геркулеса, надѣясь удержать ихъ отъ этого путешествія.

Такимъ образомъ, финикіяне еще во время эллинскаго могущества были, благодаря своей промышленности, единственными распространителями

Нападеніе на финикійскій корабль.

культуры на Средиземномъ морѣ. Къ тому же, они имѣли такіе источники богатствъ, о которыхъ другіе народы не знали. Отдаленныя части Испаніи въ теченіе столѣтій доставляли имъ несметныя сокровища, такъ какъ, «источники рѣкъ вытекали тамъ прямо изъ серебра». Когда корабли не могли поднимать большіе грузы, то даже якоря дѣлали изъ серебра.

Но всё эти богатства не только развивали корыстолюбие и алчность, но и разлагали нравы народа. Сама торговля покоилась на безправственной основѣ. Во всѣхъ отрасляхъ финикіане присвоили себѣ монополію въ такихъ безграничныхъ размѣрахъ, въ какихъ она не встрѣчается позднѣе ни у одного народа. Монополія эта распространялась не только на торговлю, но и на *путь*, по которому она совершалась и, такимъ образомъ, въ теченіе столѣтій Средиземное море, какъ торговый путь, служило однимъ финикіанамъ. Безправственная основа ихъ торговли заключалась еще въ томъ, что она сдѣлалась посредницей невольничьихъ рынковъ. Доставка живого человѣческаго товара составляла одну изъ выгоднѣйшихъ отраслей ихъ торговли.

Но не одно Средиземное море доставляло имъ источники ихъ богатства. По порученію царя *Соломона* (первая половина 10 в. до Р. Х.) они отирались въ загадочную страну «Офиръ» (одни считаютъ Офиръ Индіей, другіе богатую золотомъ Южно-Африканскую страну Софаль). Но финикіане какъ свои открытія, такъ и свои предпріятія держали въ тайнѣ и о томъ, что они по порученію фараона *Нехо II* обошли кругомъ всю Африку, они въ свое время никому не рассказывали.

Главной причиной неограниченнаго господства финикіанъ на сѣверномъ берегу Африки было сохраненіе своей культурной и этнической само-

Финикійскіе купцы.

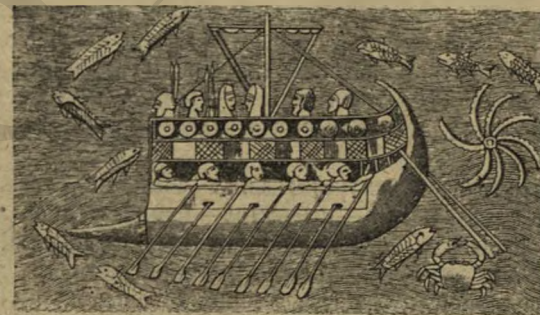
бытности. Они никогда не смѣшивались съ другими народами,—природными жителями Африки они пользовались только какъ орудіями для своихъ цѣлей, но торговли съ внутренними странами не вели, вся ихъ торговля была на морѣ и могущество ихъ въ безчисленныхъ галерахъ и въ несмѣтныхъ капиталахъ, которыми они обладали.

Однако, вскорѣ финикіане замѣтили, что для развитія могущества торговыхъ кораблей и факторій и для защиты своей цивилизаціи и своихъ богатствъ имъ нужны оружіе и военный флотъ. И вотъ, Карфагенъ дѣлается первымъ военнымъ портомъ на Средиземномъ морѣ. И, съ 7-го столѣтія до Р. Х. на мирномъ до сихъ поръ Средиземномъ морѣ за торговыми кораблями появляются военныя флотилии и разгораются страшныя войны. На о. Сицилія многіе чудные города погибаютъ, храмы рушатся, чума производитъ опустошенія сначала въ вой-

скахъ, потомъ въ населеніи. Въ южной Италіи уничтожаютъ другъ друга въ междоусобной войнѣ нѣкогда цвѣтушія греческія колоніи Кротонъ и Сибарисъ. На горизонтѣ появляется еще новая грозная туча: персидскій завоеватель *Дарій*. Кровавопролитія совершались на Средиземномъ морѣ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, пока, наконецъ, римляне не положили конецъ этимъ ужасамъ. Въ пуническихъ войнахъ угасъ послѣдній факель финикійскаго могущества, послѣ того, какъ римляне уже успѣли перенять культуру финикіанъ.

Мы познакомились съ финикійскимъ деревомъ, осынявшимъ Средиземное море въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія, обратимся теперь къ корнямъ этого дерева, чтобы узнать его прошлое.

Если мы вернемся мыслью къ тѣмъ мѣстамъ, откуда мы вышли на финикійскихъ корабляхъ, чтобы посѣтить ихъ колоніи, то еще ранѣе чѣмъ поднимется передъ нашими глазами надъ горизонтомъ снѣжныя вершины Гермона и голые гребни Ливанскихъ горъ, раскроемъ книгу пророка *Езекии* на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о великолѣпномъ градѣ

Финикійское судно. Финикійскія сухопутныя войска.

Тиръ. «Въ сердцѣ морей лежатъ границы твои, строители твои увѣнчали твою красоту. Изъ сосенъ Санира они сдѣлали облицовку, изъ ливанскихъ кедровъ поставили стропила. Изъ дубовъ Базана вырѣзали они тебѣ весла, скамьи твоихъ судовъ изъ слоновой кости и изъ буковаго дерева съ острова Кипра. Твои паруса были изъ вышитаго египетскаго полотна и служили тебѣ знаменами. Небесно-голубыя и пурпурныя покрывала твои были съ острова Элизы. Жители Сидона и Арада служили тебѣ гребцами. Самыми искусными рулевыми были люди твои, о Тиръ. Старѣйшіе и наиболѣе свѣдущіе въ искусствахъ мужи изъ Габала были у тебя. Всѣ суда моря со всѣми людьми своими приходили къ тебѣ, чтобы вести торговлю съ тобой»... Сравнивая финикійскую жизнь на Средиземномъ морѣ съ гигантскимъ деревомъ, мы видѣли, что его вѣтви и цвѣты оплодотворяли почву; на громадномъ разстояніи возникали колоніи, которыя пускали корни и, въ свою очередь, приносили цвѣты и плоды. Но въ то время, когда эти вѣтви и цвѣты давно засохли и завяли, коренной стволъ, уже прогнившій и треснувшій, все еще стоялъ. Въ то время, какъ Карфагенъ, Утика и другіе большія финикійскія колоніи давно исчезли съ лица земли, *Тиръ* и *Сидонъ* существовали еще многія столѣтія, жили, хотя

и въ жалкой метаморфозѣ, въ видѣ ничтожныхъ арабскихъ гаваней. И теперь еще стоитъ на своемъ островѣ Тиръ, сохранившій и по сіе время свое имя,—Тиръ, гдѣ такую жестоку расправу учинилъ *Александръ Великій*, распявшій на крестахъ двѣ тысячи его жителей. Но отъ города, стоявшаго на материкѣ, отъ Палестины, не осталось и слѣда.

Конечъ *Сидона* былъ столь же трагиченъ. Городъ еще нѣсколько десятилѣтій раньше Тира былъ разрушенъ въ наказаніе за возстаніе противъ *Артаксеркса III Охуса*, при чемъ, какъ говорятъ, погибло 40 тысячъ жителей.

Если мы поставимъ вопросъ: какое *духовное* достояніе оставили финикіяне въ наслѣдство народамъ Средиземнаго побережья, въ особенности народамъ южной Европы, то окажется, что свое духовное достояніе, состоящее, главнымъ образомъ, изъ религіозныхъ спекуляцій, финикіяне сами получили изъ Египта и что они сами служатъ только связующимъ звеномъ между различными циклами вѣрованій, имѣющими, впрочемъ, нѣчто общее между собой. Такъ, финикійская *Аштеротъ* (Астарта) носитъ египетское имя («Множительница роста»); рыбо-подобная *Держето* происходитъ отъ вавилонской *Милиты*; египетская богиня *Нейтэ*—естъ олицетвореніе Нила и сопоставляется съ греческой *Ресей* («текущая»). Затѣмъ финикіяне поклонялись вавилонской *Анаидъ-Танаисъ*—богинѣ Луны съ серпомъ молодого мѣсяца на головѣ, встрѣчающимся также на изображеніяхъ греческой Артемиды.

Но на эти отвлеченныя религіозныя спекуляціи ложится глубокая тѣнь. Богинѣ Анаидъ-Танаисъ—пречистой—приносятся въ жертву чистыя дѣвственницы. О жертвахъ богу Молоху мы уже говорили. Неурожаи, эпидеміи, война и общія народныя бѣдствія служили поводомъ къ этимъ чело-вѣческимъ жертвоприношеніямъ. На вершинѣ горы, на о. Родосѣ, стоялъ храмъ финикійскаго Зевса, съ которымъ, впрочемъ, эллинскій богъ не имѣлъ ничего общаго. Въ его святилищѣ находились бронзовые, пустые внутри быки, которые начинали рычать, когда острову грозила бѣда. Такъ какъ чудо, конечно, недопустимо, то явленіе это объясняется тѣмъ, что этихъ быковъ накаляли чуть не до-красна, а затѣмъ запикивали въ нихъ живыхъ людей. Ихъ страшные предсмертные стоны раздавались, какъ рычаніе въ бронзовомъ тѣлѣ идоловъ.

И эта жестокость въ рукахъ олигархическаго правительства была обращена въ систему.

Искусство у финикіянъ, хотя и достигло довольно высокаго развитія, но не было самобытнымъ продуктомъ народнаго творчества; оно выросло на чужой почвѣ и было заимствовано изъ египетскихъ и ассирійскихъ, даже впослѣдствіи изъ персидскихъ источниковъ; но затѣмъ разработано довольно своеобразно. Серебряныя чаши, найденныя на Кипрѣ, бронзовые сосуды изъ Нимруда, представляющіе собой, очевидно, предметы военной добычи, указываютъ на смѣшеніе ассирійскихъ и египетскихъ мотивовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что финикіяне, какъ зодчіе, также сумѣли распространить свой болѣе или менѣе своеобразный стиль. Отъ финикіянъ происходитъ способъ облицовки стѣнъ и колоннъ бронзовыми пластинками и листовымъ золотомъ. Чтобы закончить свое архитектурное чудо, іерусалимскій храмъ, *Соломонъ* обратился къ тирскому царю *Гираму*, который прислалъ ему своего «придворнаго архитектора» *Харумъ-Абифа*. Вмѣстѣ съ нимъ прибыла въ Іерусалимъ цѣлая толпа людей «свѣдущихъ въ работахъ изъ серебра, золота, мѣди, желѣза, камня и дерева,

изъ синяго и краснаго пурпура, изъ виссона и кармазина и искусныхъ въ разныхъ рѣзныхъ издѣліяхъ». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что все великолѣпіе Соломонова храма было работой финикіянъ.

Финикійскіе строители вынесли въ чужія страны также способъ «циклопическихъ построекъ» изъ громадныхъ кубическихъ камней съ неотесанной поверхностью и сглаженными краями, которые мы встрѣчаемъ въ знаменитыхъ культурныхъ мѣстностяхъ древней Греціи, а именно—въ Тиринсѣ и Микенахъ.

Но то, что мы сказали о финикійскомъ искусствѣ, и о финикійской промышленности, не имѣло особеннаго значенія для культурнаго развитія западныхъ странъ. Европейскій Западъ получилъ черезъ посредство финикіянъ нѣчто несравненно болѣе цѣнное—это *письмо*. Отъ финикіянъ евреи и сосѣдніе съ ними народы заимствовали азбуку, которая, впрочемъ, была не финикійскимъ, а египетскимъ изобрѣтеніемъ. Мы знаемъ, что іероглифическое (образное) письмо употреблялось въ Египтѣ только на памятникахъ и на общественныхъ зданіяхъ, тогда какъ въ обыденной жизни пользовались «іератическимъ» курсивнымъ письмомъ, въ которомъ іероглифы преобразовались въ алфавитные знаки. Отъ этихъ знаковъ происходятъ буквы финикійской азбуки. Эта азбука возникла еще въ тѣ времена, когда Нильская Дельта была покрыта финикійскими поселеніями. Съ Дельты это новое, преобразованное письмо попало въ Финикію. Финикійская азбука перешла въ Грецію, отсюда въ Римъ, разумѣется, каждый разъ испытывая новыя преобразования. Многіе, впрочемъ, оспаривали происхожденіе азбуки отъ финикіянъ и приписывали изобрѣтеніе ея Моавитянамъ и Хананитянамъ.

Зато финикійская система *цифровыхъ знаковъ* есть несомнѣнно достояніе финикіянъ, такъ какъ ни іероглифическія цифры египтянъ, ни клинообразные знаки не имѣютъ съ ними ничего общаго.

Хетиты или хитты.

Мы знаемъ по исторіи, что центромъ тяжести военныхъ подвиговъ *Рамзеса II* была Сирія, гдѣ покоренные *Сети I-мъ хитты* возстали и призвали къ себѣ на помощь другіе народы, съ которыми египтянамъ не такъ легко было справиться. Наконецъ, послѣ тяжелой борьбы Рамзесъ заключилъ съ хиттами миръ и взялъ себѣ въ жены дочь хиттскаго царя Хитазира. На эти факты указываютъ надписи большого храма въ Карнакѣ. На нѣкоторыхъ стѣнахъ этого храма представлены цѣлые эпизоды изъ войнъ Сети I-го съ хетами.

Кто же были эти хитты или хетиты, послужившіе къ прославленію великихъ фараоновъ? Этнологическія соображенія приписываютъ имъ роль выдающагося культурнаго народа, происхожденіе котораго тердится въ глубинѣхъ временъ. Ученые старались пролить нѣкоторый свѣтъ въ эту темноту съ помощью знаковъ и изображеній на стѣнахъ и колоннахъ Карнакскаго храма. Однако, разъяснить что-нибудь положительное относительно хиттовъ чрезвычайно трудно. Все, что относится къ этимъ отдаленнымъ временамъ, болѣе похоже на сказку, чѣмъ на исторію, какъ и на берегахъ Нила, гдѣ въ теченіе десятилѣтій одинъ за другимъ изъ склеповъ вытаскиваются на свѣтъ божій раскрашенные саркофаги изъ кедроваго дерева и изъ сикоморы съ фантастическими муміями, хрустальные глаза котыхъ, такъ загадочно глядятъ изъ позолоченныхъ лицъ на нарушителей ихъ тысячелѣтняго сна.

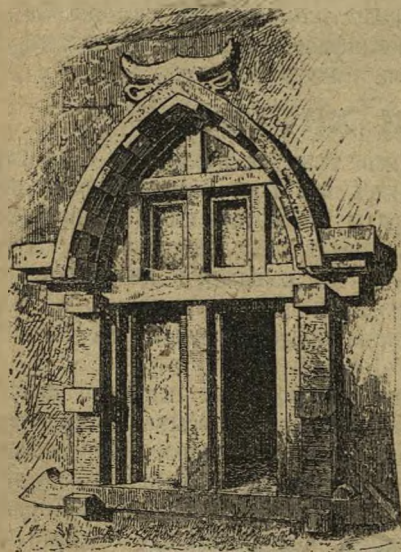
Финикійская Астарта.

Согласно нынѣшнему положенію археологическихъ изслѣдованій, хитты были предпественниками финикинъ и евреевъ въ Сириі. Они не были семитами, но не были также и индогерманцами. На египетскихъ фрескахъ они изображены свѣтлоокрасными, похожими на египтянъ, тогда какъ семитические кочевники Азіи изображались свѣтлокоричневыми. *Моверсъ* *) считаетъ хиттовъ древнѣйшими обитателями Сириі и Палестины. По мнѣнію Фрица Гоммеля, они принадлежатъ къ тому большому племени, которое заселяло въ глубокой древности большую часть западной и южной Малой Азіи, и къ которому, между прочимъ, принадлежали лидійцы, лидійцы и карійцы; а эти народы, по всей вѣроятности, не были ни семитами, ни индогерманцами. Гоммель называетъ ихъ «алародійской группой» и причисляетъ къ нимъ пелазговъ, этрусковъ и иберійцевъ. Всѣ эти предположенія только еще больше запутываютъ проблему. *Галеви***) къ тому же заявляетъ, будто имена царей и мѣстностей хиттскихъ территорій указываютъ на смѣшеніе ассиро-вавилонскаго языка съ финикійскимъ. Мнѣнія другихъ ученыхъ, какъ *Оппертъ*, *Резлеръ* и др., еще болѣе затемняютъ во-

Левъ (базальтовый) изъ Марвиша. Памятникъ хиттскаго искусства.

ваютъ на смѣшеніе ассиро-вавилонскаго языка съ финикійскимъ. Мнѣнія другихъ ученыхъ, какъ *Оппертъ*, *Резлеръ* и др., еще болѣе затемняютъ во-

Финикійская могила.

Скульптурное изображеніе съ могилы изъ Ксантоса.

прось. На обширныхъ пространствахъ Малой Азіи и сѣверной Сириі найдено много развалинъ, своеобразный характеръ которыхъ даетъ понятіе о культурѣ древняго населенія этихъ странъ. Это высѣченные въ скалахъ,

залы, дворцы, святилища со скульптурами, напоминающими ассирійскія, но гораздо грубѣе. И въ другихъ мѣстностяхъ Малой Азіи, какъ, напримеръ, близъ Смирны, найдены произведенія того же народа.

Но на почвѣ Передней Азіи остается еще многое неизслѣдованнымъ, и потому приписывать всѣ эти памятники хиттамъ по меньшей мѣрѣ рискованно. Мы не можемъ останавливаться на всѣхъ противорѣчивыхъ гипотезахъ относительно хиттовъ и на палеоэтнологическихъ проблемахъ, которыя строятъ ученые, не разрѣшая ихъ. Однако, на основаніи мнѣній большинства, мы можемъ съ приблизительной увѣренностью сказать, что хитты не были семитами, такъ какъ они населяли Малую Азію и Сирию еще до вторженія семитовъ въ эту страну.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ вопросу о языкѣ хиттовъ, мы должны сдѣлать краткій очеркъ исторіи ихъ могущества. Господство хиттовъ надъ нѣкоторыми народами Передней и Малой Азіи окончилось вѣроятно, въ 12 в. до Р. Х., слѣдовательно, спустя нѣсколько столѣтій послѣ основанія Сидона, Тира, Арада и другихъ большихъ финикійскихъ городовъ. Долгое владычество хиттовъ объясняется тѣмъ, что финикияне никогда не имѣли особеннаго вліянія на внутреннія страны; они довольствовались тѣмъ, что крѣпко держали въ своей власти особенно выгодные пункты побережья. Поэтому хитты, несмотря на сосѣдство финикинъ, сохраняли свое вліяніе на сосѣднія страны. О войнахъ хиттовъ съ фараономъ Сети I мы уже говорили. Гораздо продолжительнѣе и упорнѣе была ихъ борьба съ ассирійцами. Наконецъ, ихъ покорилъ *Саргонъ II* въ 717 г. Съ этого времени хитты исчезаютъ изъ исторіи, хотя, какъ народъ, они продолжали еще существовать нѣкоторое время. Средоточіемъ хиттскаго вліянія сдѣлался городъ *Амаунтъ* на о. Кипрѣ. Хиттскіе «цари» Кипра получали изъ Египта боевыя колесницы и коней; но большой власти они, повидимому, не имѣли, такъ какъ уже царь тирскій, *Гирамъ*, получалъ съ нихъ дань. Окончательно покорилъ хиттовъ египетскій царь *Амазисъ*, завоевавшій о. Кипръ.

Изъ письменныхъ памятниковъ хиттовъ сохранились два историческихъ документа: союзный договоръ хиттовъ съ Рамзесомъ II и знаменитая «бронзовая доска Идаліона», найденная на Кипрѣ. Первый документъ слишкомъ объемистъ, чтобы мы могли его передать здѣсь даже въ сокращеніи. Въ концѣ договора, приводятся въ свидѣтели хиттскіе боги: прежде всего, *Сутехъ*, «царь неба и земли», богиня Астарта и нѣкоторые божеества—покровители различныхъ хиттскихъ городовъ и странъ.

Бронзовая доска Идаліона представляетъ собой гораздо болѣе интересный документъ въ виду его письменъ. Въ 32 строкахъ надписи число различныхъ буквъ 61. Другія надписи на кипрскихъ монетахъ содержатъ 120 различныхъ буквъ. Самое замѣчательное въ этой надписи то, что въ ней встрѣчаются всевозможные алфавиты: вавилонскій, пальмирскій, древнегреческій, этрусскій, умбрійскій, аскскій, кельтиберійскій и т. д. На этомъ основаніи Гоммель построилъ свою «алародическую группу народовъ», которая все-таки имѣетъ болѣе вѣроятія, нежели гипотеза *Сейса* (Saïce), который всѣ родственныя этнологическія и лингвистическія черты объединяетъ въ хиттскомъ племени и, такимъ образомъ, представляетъ хиттовъ какимъ-то великимъ, владычествующимъ надъ всей Малой Азіей культурнымъ народомъ, къ которому онъ причисляетъ также и сарматскихъ амазонокъ. *Фаульманъ* считаетъ, что эти буквы, въ сущности, не что иное, какъ знаки для слоговъ дорического нарѣчія греческаго языка и считаетъ эти знаки письменами карійцевъ.

Лелеги и карійцы—вотъ тѣ народы, которыми ученые заполняютъ пробѣлы своихъ палеоэтнологическихъ системъ. *Дюмлеръ* не допускаетъ здѣсь

*) *Movers*, „Die Phöniker“.

**) *Halévy*, *Mélanges de critique et d'histoire relatif aux peuples Sémitiques*.

семитического элемента и считает первобытную культуру Кипра культурой лелеговъ, которыхъ покорили карійцы.

Итакъ, чтобы опредѣлить господствующій, первобытный народъ, населявшій Малую Азію, намъ приходится выбирать между делегами, карійцами и хиттами. Всѣ они, повидимому, члены одного большого племени, на что указываетъ и италіонская надпись. Разрѣшеніе загадки относительно хиттовъ должно быть предоставлено времени и новымъ открытіямъ, которые доставятъ намъ будущія раскопки (на верхнемъ Евфратѣ).

Евреи.

Библейское преданіе указываетъ на страну Уръ въ южной Вавилоніи (Сенаарѣ), какъ на родину семитического племени, получившаго впослѣдствіи названіе «евреевъ» (сыны Израіля, іудеи, израильтяне) и къ концу третьяго до христіанскаго тысячелѣтія двинувшагося на западъ подъ предводительствомъ Авраама. Орфа въ сѣверной Месопотаміи—римская Эдесса—считается по древне-еврейскому преданію тѣмъ городомъ Уръ-Казимъ, от-

Древняя рукопись пятикнижія Іерусалима.

куда Авраамъ вышелъ съ отцомъ своимъ Тарой, чтобы идти въ землю Ханаанскую. «Авраамисты» шли не прямо на западъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ имъ пришлось бы проходить по пустынѣ, а обходя, сначала въ

сѣверозападномъ направленіи, гдѣ они встрѣчали тучныя пастбища для своихъ многочисленныхъ стадъ. Они остановились, между прочимъ, въ странѣ Харанъ. Здѣсь встрѣтила впослѣдствіи присланиаго сюда изъ Ханаана слугу Авраама, *Елазара*, Ревекка, дочь главы жившаго здѣсь пастушескаго племени, словами: «Напейся, и я напою также и твоихъ верблюдовъ». Колодезь *Ревекки* до сихъ поръ еще показываютъ близъ развалинъ Харана. Продолжая свой путь, кочующее племя дошло до Палестины и здѣсь поселилось среди жившихъ уже тамъ хананейцевъ. Однако, черезъ нѣкоторое время голодъ заставилъ ихъ предпринять новое странствование и они переселились въ страну Гозенъ въ сѣверовосточномъ углу Египта. Такъ какъ евреи пришли въ Египетъ во время владычества *тиссонъ*, то слѣдуетъ заключить, что это случилось, по крайней мѣрѣ, триста лѣтъ послѣ того, какъ они покинули свою первобытную родину.

Историческимъ путемъ установленъ тотъ фактъ, что выходъ изъ Египта произошелъ въ 1437 г.; пребываніе же въ Египтѣ продолжалось 430 лѣтъ, слѣдовательно, евреи поселились въ Египтѣ въ 1867 г. до Р. Х., 115 лѣтъ послѣ смерти Авраама, при патриархѣ *Іаковѣ*.

Имя «евреи», народъ получилъ отъ хананейцевъ, оно означаетъ: «люди изъ-за рѣки», т.-е. изъ страны, лежащей на востокъ отъ Іордана. Терпя большія притѣсненія въ Египтѣ при царѣ *Менефѣ*, евреи рѣшились покинуть негостепріимную страну.

По словамъ египетскаго историка *Монето*, евреи были кучка презрѣнныхъ прокаженныхъ, которыхъ загнали сначала въ каменоломни на востокъ отъ Нила; но которымъ потомъ удалось завладѣть покинутымъ гиксами городомъ Аварисомъ—по египетски Ха-Уаръ, у грековъ Танисъ, по Библии Зоанъ. Они снова призвали изгнанныхъ гиксовъ и вмѣстѣ съ ними изъ вновь укрѣпленнаго Авариса стали, въ свою очередь, тѣснить египтянъ. Вождемъ евреевъ явился перешедшій къ нимъ изъ Геліополиса жрецъ, котораго *Мането* называетъ *Осарзифъ*—это *Моисей*, великій свѣточъ еврейства, посредникъ божественнаго откровенія. Египтянамъ удалось, однако, овладѣть движеніемъ и выгнать непрошенныхъ гостей изъ своей страны. Послѣдовалъ «исходъ» изъ Египта.

Около 430 лѣтъ прожили евреи въ Египтѣ, сорокъ лѣтъ блуждали они по пустынямъ Синайскаго полуострова. Чудо спасло ихъ отъ власти преслѣдовавшаго ихъ врага при переходѣ черезъ Красное море, другія чудеса спасали ихъ отъ голода и иныхъ напастей. Но *Моисей*—грандіознѣйшая фигура во всей исторіи древняго міра—организовалъ народъ, держалъ его въ строгомъ повиновеніи и далъ ему новую религію—вѣру, въ *единого Бога* (Іегову)—дѣяніе громадной важности, имѣвшее могучее вліяніе на всю послѣдующую исторію человечества и на его культурное развитіе. Съ момента утвержденія этой вѣры сыны Израіля поставлены были подъ непосредственное и исключительное руководство Іеговы и, такимъ образомъ, сдѣлались «избраннымъ народомъ божіимъ». Этотъ союзъ съ Богомъ сплотивъ въ одинъ народъ всѣ двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ и, кромѣ того, внушилъ всему народу мысль, что онъ стоитъ подъ вѣдѣніемъ неземной силы, верховнаго существа, которое управляетъ имъ, служить ему защитникомъ и помощникомъ, но можетъ также сдѣлаться карателемъ и мстителемъ, если народъ уклонится отъ предназначеннаго ему пути, измѣнить своей вѣрѣ или окажетъ сопротивленіе его велѣніямъ.

Но всего этого недостаточно было, чтобы удержать отъ распада полудикія орды. Кромѣ того, *Моисей* сознавалъ, что союза съ Іеговой недостаточно для того, чтобы внушить подвластному ему народу тотъ воинственный духъ, ту отвагу, въ которой онъ безусловно нуждался для того, чтобы сдѣлаться завоевателемъ. Поэтому-то *Моисей*—по внушенію Іеговы,

конечно,—заставилъ сыновъ Израиля 40 лѣтъ пробыть въ пустынь Фара-
нъ. Сперва должно было вымереть привыкшее къ рабству поколѣніе,
чтобы завоеваніе Палестины предоставлено было новому поколѣнію, вырос-
шему на свободѣ, пустынь, привыкшему къ вольной и полной опасности
жизни бедуиновъ. Преодоливъ всѣ препятствія, побѣдивъ царей аморрей-
скихъ *Сигона* и *Огона*, сыны Израиля пришли на Иорданъ и расположи-
лись противъ Іерихона. Но по высшему рѣшенію Іеговы Моисею не дано
было взойти въ «Обѣтованную Землю» (на западъ отъ Иордана); но
Господь далъ ему увидѣть ее съ горы Нево, что противъ Іерихона. «И
умеръ тамъ Моисей, рабъ Господень, въ землѣ Моавитской по слову
Господню. И погребенъ на долинь въ землѣ Моавитской, противъ Веофе-
гора и никто не знаетъ могилы его до сего дня». (Второз. 34). Болѣе
грандіозной личности, какъ Моисей, мы не встрѣчаемъ въ исторіи. Воспи-
танный египетскими жрецами и, слѣдовательно, высоко стоя по образо-
ванію надъ тѣмъ народомъ, управленіе которымъ онъ взялъ въ свои руки,
Моисей дѣлается основателемъ его религіи, его законодателемъ и военна-
чальникомъ. Онъ соединяетъ въ своемъ лицѣ то, что обыкновенно бы-
ваетъ несомѣстимо: онъ—организаторъ, поэтъ, историкъ, пророкъ!

Прежде всего, намъ предстоитъ заняться Моисеемъ какъ *законодате-
лемъ*. Многіе ученые склонны предполагать, что основой законодательства
Моисея послужили законы *Хаммураби*. Такъ какъ Авраамъ жилъ одновре-
менно съ этимъ царемъ вавилонскимъ и выселился изъ Халденъ въ его
царствованіе, то онъ безъ сомнѣнія могъ знать эти законы. Но многое ли
изъ нихъ могло остаться въ воспоминаніи переселенцевъ въ теченіи 6 сто-
лѣтій ихъ пребыванія въ Египтѣ до Моисея? Съ другой стороны, лица
компетентныя, какъ напр., Дав. Ген. Мюллеръ, указываютъ на то, что за-
коны Моисея несомнѣнно носятъ отпечатокъ первобытности и простоты, изъ
чего можно заключить, что Моисей, такъ же, какъ и Хаммураби черпалъ
изъ какого-то первобытнаго источника, пользовался какимъ либо перво-
бытнымъ закономъ.

Характерную черту моисеева законодательства въ противоположность
законамъ Хаммураби—составляетъ болѣе высокая оцѣнка человѣческой
жизни и, слѣдовательно, ограниченіе смертной казни. Человѣкъ, какъ «об-
разъ и подобіе Бога», стоитъ несравненно выше имуществъ и матеріаль-
ныхъ благъ. Да и во всемъ остальномъ законодательство Моисея гораздо
мягче закона Хаммураби. Однако, при этомъ замѣчается одно важное обстоя-
тельство, а именно то, что законы Хаммураби и Моисея тождественны по
отношенію закона *Талона* древне-семитскаго закона возмездія въ ого
первобытной формулѣ: «душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, руку
за руку, ногу за ногу». При высокомъ образованіи бывшаго жреца бога
солнца въ Геліополісѣ, которымъ, какъ предполагаютъ были сначала
Моисей, возможно, что онъ былъ знакомъ съ основными принципами древне-
семитскаго права.

Завоеваніе евреями Палестины составляетъ вторую великую эпоху въ
исторіи этого народа. Завоеваніе это велось въ теченіи нѣсколькихъ сто-
лѣтій и, вѣроятно, никогда бы не удалось, если бы пресловутый союзъ съ
Богомъ и увѣренность въ его помощи не служили мощнымъ импульсомъ
еврейскому народу. Колѣно Іуды, прежде всего, перешло Иорданъ и осѣло
въ малоходныхъ областяхъ Палестины. Нѣсколько позднѣе послѣдовали
за ними и другія колѣна подъ предводительствомъ *Иисуса Навина*.

Послѣ этого наступаетъ тяжелая борьба съ филистинянами и, наконецъ,
происходитъ рѣшительная битва въ долинь Іезреиль. Но завоеватели, евреи,
подпадаютъ вліянію чужой культуры, и Вааль покровитель земныхъ радо-
стей и наслажденій, становится поперекъ дороги строгому Іеговѣ. Духовная

борьба Іеговы и Ваала имѣетъ глубокое значеніе для народа. Между
тѣмъ, филистиняне поднимаются снова и на этотъ разъ остаются побѣ-
дителями. Ковчегъ завета попадаетъ въ ихъ руки.

Характерной чертой исторіи Израиля является то, что каждый разъ
въ эпоху самаго тяжкаго бѣдствія является выдающаяся личность, кото-
рая укрѣпляетъ духъ народа и напоминаетъ ему о заветѣ съ Іеговой.
На этотъ разъ явился *Самуилъ* изъ колѣна Іудина—ясновидецъ и про-
рокъ. Онъ понималъ, что если сила завета съ Богомъ измѣнитъ въ борьбѣ,
необходимо, чтобы другая, земная сила, выступила на арену. Онъ понималъ,
что необходимо объединить народное управленіе, и учредилъ *царскую
власть*. *Саулъ*—скромная, храбрая и сильная личность, былъ первымъ ца-
ремъ. Но Саулу не пришлось увидать плодовъ своей реформы. Въ жесто-
кой битвѣ съ филистинянами онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, тогда
какъ храбрый сынъ его, *Ионафанъ* палъ, въ битвѣ. При второмъ царѣ, *Да-
видъ*, царство еврейское достигаетъ небывалаго до тѣхъ поръ могущества.
Давидъ завоевываетъ *Іерусалимъ*—древнюю крѣпость хананейскаго пле-
мени *евусеевъ*. При преемникѣ Давида, *Соломонъ*, расширились международ-
ныя сношенія еврейскаго народа. Съ королемъ тирскимъ *Хирамомъ* Соло-

Сраженіе іудеевъ съ ассирійцами.

монъ поддерживалъ дружескія отношенія, а изъ Египта взялъ себѣ въ
жены одну изъ дочерей фараона. При немъ евреи сдѣлались первостепен-
нымъ культурнымъ народомъ. Средоточіемъ этой культуры сдѣлался воз-
движенный Соломономъ храмъ, куда и былъ перенесенъ Ковчегъ завета.
По смерти Соломона единство государства снова нарушается. Іудеи отпа-
даютъ отъ израильтянъ. Снова начинается борьба. И снова является на сцену
новая могучая личность—пророкъ *Илія*. Іегова снова побѣждаетъ Ваала;
но на помощь ему является и свѣтская, матеріальная сила. Запятнанное
кровью наслѣдіе попадаетъ въ руки Іегу. При *Іеровоамъ II* одно время ка-
жется, будто царство Израильское готовится къ новому расцвѣту; но въ
это время со стороны *Ассира* поднимается грозная туча. Снова встаютъ
въ Израилѣ боговдохновенныя личности (*Амосъ*, *Иосія*), которыя предска-
зываютъ народу гибель, если онъ не обратится снова къ Іеговѣ. Но Іегова
уже болѣе не національный богъ евреевъ—это всемірное божество, богъ
всѣхъ народовъ, единый всевышній, предъ которымъ всѣ другіе народы
падаютъ во прахъ. Тѣмъ не менѣе онъ остается попрежнему покровите-
лемъ и карателемъ «избраннаго народа».

Земныя силы, однако, рѣшительно стоятъ противъ израильтянъ. Ассирій-
ская гроза приближается и сметаетъ съ лица земли племена Израиля.
Всѣ они исчезаютъ безслѣдно, исключая колѣна Іудина. Но тутъ оказы-

вається, что этотъ живущій въ религиозныхъ бредняхъ народъ неспособенъ къ прочной государственной жизни, неспособенъ играть какую либо политическую роль. Поэтому и дни колѣна Іудина сочтены. На этотъ разъ гроза надвигается со стороны Вавилона. *Навуходоносоръ* побѣждаетъ іудеевъ и разрушаетъ храмъ Іерусалимскій, на развалинахъ котораго раздается плачъ *Іереміи*. По среди уведенныхъ въ плѣнъ іудеевъ возстаетъ еще новый прозорливецъ — *Езекиль* — провозвѣстникъ конечной плѣни уничтоженнаго народа: господство Бога Израилева надъ всѣми народами земли. Но это господство не достается народу, оно только возникаетъ изъ его нѣдръ — въ образѣ *христианства*.

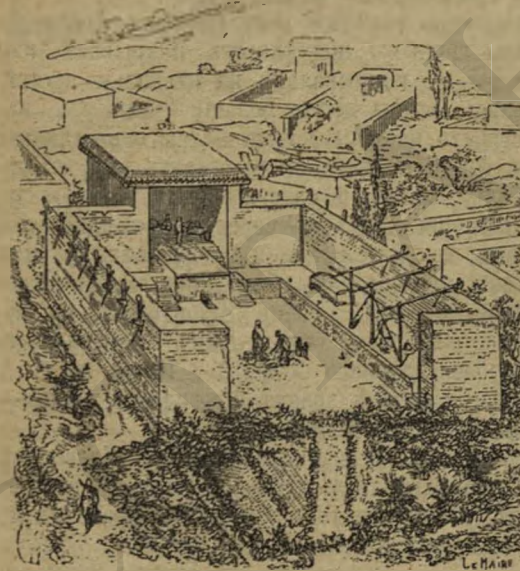
Побѣдитель Вавилона *Киръ*, освобождаетъ евреевъ отъ плѣна и тотчасъ на мѣстѣ прежняго храма возникаетъ другое святилище. Но

Плѣнные іудеи на работѣ (изъ временъ Сеннахериба).

времена измѣнились. Со стороны моря повѣяло другимъ духомъ — духомъ *эллинизма*. Старыя формы еще стоятъ, но міросозерцаніе расширяется. Безчисленные толпы евреевъ выселяются въ чужія страны. Однако, когда *Антиохъ*, царь Сиріи, собирается придти на помощь грекамъ, древнееврейскій духъ снова оживаетъ. *Маккавеи* возстановляютъ новое царство, и слѣдующая затѣмъ сотня лѣтъ представляетъ собой борьбу религіи съ политикой. Нарождается идея «Мессіи». Среди мечтаній о будущемъ Искупительъ вдругъ съ грохотомъ врывается Римъ. И вотъ, происходитъ чудо: силой вдохновляющей вѣры эти мечтатели превращаются въ героевъ, выдающихъ безпримѣрный въ исторіи фанатизмъ. Но финальная катастрофа неизбежна: взятіе Іерусалима *Титомъ*, который не оставляетъ камня на камнѣ. Народъ іудейскій разсѣивается по землѣ.

Материальная культура евреевъ связана съ древѣйшимъ занятіемъ всѣхъ семитическихъ народовъ, *скотоводствомъ*. Переселенцы изъ Сенаара были кочевниками. Со своими стадами, составлявшими богатство праотцевъ, они бродили по Месопотаміи, пока не ослѣли прочнымъ образомъ въ Египтѣ, не оставляя, однако, своего любимаго занятія; *земледѣліе* же плохо прививалось у нихъ. Стада евреевъ составляли, главнымъ образомъ, овцы и козы, а затѣмъ уже рогатый скотъ, верблюды и ослы. Лошадь до временъ Соломона была имъ неизвѣстна. По всей вѣроятности, она была введена у нихъ изъ Аравіи. Изъ полевыхъ плодовъ воздѣлывались: пшеница, ячмень, макъ, ленъ, бобы, чечевица. Зерно вытаптывалось изъ колосьевъ рогатымъ скотомъ на гумнѣ; хлѣбъ ссыпался въ амбары, но также сохранялся и въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ. Впослѣдствіи воздѣлывался и виноградъ; но *винодѣліе* далѣе первобытнаго способа не развивалось. Погребовъ не знали, и вино сохранялось или въ глиняныхъ со-

судахъ, или въ бурдюкахъ и, повидимому, употреблялось только съ водой. Культура *плодовъ* обнимала собой финиковую пальму, фиги, орѣхи и яблони. Что въ странѣ, гдѣ текли рѣки «молока и меда» должно было процвѣтать *пчеловодство*, само собой разумѣется.

Видъ и расположеніе жилища у семитскихъ народовъ.

Еврейскій первосвященникъ.

Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ, что главной пищей евреевъ былъ *хлѣбъ*. Его пекли въ видѣ тонкихъ прѣсныхъ лепешекъ; плоды и овощи, молоко и медъ считались праздничной пищей; мясо разводимыхъ животныхъ употреблялось въ пищу зажареннымъ на вертелѣ. Въ общемъ, евреи отличались умѣренностью въ пищѣ; но все-таки иногда устраивали званія угощенія. Для пира особенныхъ приготовленій не требовалось. Посреди гостей ставилось общее блюдо, въ которомъ кушанье лежало уже раздѣленное на куски, и каждый бралъ изъ блюда вымытыми передъ трапезой руками пищу и клалъ на лежащую передъ нимъ хлѣбную лепешку, которая служила, такимъ образомъ, тарелкой и подъ конецъ съѣдалась.

Одежда евреевъ была очень проста: нѣчто вродѣ рубашки изъ шерстяной, бумажной или льняной ткани, подпоясанной вокругъ таліи. Богатые и знатные надѣвали эту рубашку поверхъ исподняго платья безъ рукавовъ. Отъ холода защищались четырехугольнымъ покрываломъ, служащимъ также одѣяломъ ночью во время сна. Панталоны носили только жрецы. Волосы на головѣ и бородѣ были коротко острижены; голову, вмѣсто шапки, обертывали платкомъ, принимавшимъ иногда видъ чалмы.

Древнееврейскія одежды.

Изъ тѣхъ же элементовъ составлялась и одежда женщинъ, но различалась покроємъ, матеріаломъ и цвѣтомъ. Любовь къ украшеніямъ, въ особенности у женщинъ, развилась въ сравнительно позднее время.

Кочующіе евреи жили совершенно такъ же, какъ нынѣшніе кочующіе бедуины. *Шатеръ* состоялъ изъ грубыхъ шерстяныхъ покрывалъ или шкуръ и внутри раздѣлялся такими же покрывалами на нѣсколько частей. Занавѣски эти на день поднимались, чтобы имѣть больше мѣста. Съ началомъ осѣдлой жизни начали строить похожіе на эти шатры одноэтажные дома изъ необожженного кирпича. Лишь позднѣе стали строить дома въ нѣсколько этажей и употреблять болѣе солидный матеріалъ. Въ то же время стало возрастать стремленіе къ роскоши, при чемъ евреи менѣе прибѣгали къ собственному искусству, чѣмъ къ издѣліямъ и продуктамъ другихъ странъ и народовъ, которыми они пользовались, благодаря весьма оживленной и широко распространенной торговлѣ. Гавань Эціонгеверъ на восточной сторонѣ Синайскаго полуострова была складочнымъ мѣстомъ отдаленныхъ странъ: южной Аравіи, баснословнаго «Офира», Индіи и т. д. Земля Савская присылала душистые смолы и золото, Персидскій заливъ—жемчугъ, далекая Индія—разныя драгоценности.

Промышленная дѣятельность была мало развита въ Палестинѣ. Кромѣ гончарнаго производства, ткацкаго дѣла, дубленья кожъ, у евреевъ не было почти никакихъ ремеселъ, всѣ болѣе тонкіе предметы производства доставлялись изъ чужихъ странъ, преимущественно изъ Финикіи. Замѣчательно, что древніе евреи, несмотря на практическій складъ ума и чрезвычайно благоприятное положеніе ихъ страны, лежавшей на перепутьѣ между Ассиріей, Вавилоніей и Египтомъ, между Сиріей и Аравіей, не выказывали способностей къ торговлѣ. Впрочемъ, можетъ быть это происходило отъ того, что за всѣ естественныя сокровища и великолѣпные продукты промышленной дѣятельности другихъ странъ они могли предложить только продукты своей почвы (вино, хлѣбъ, масло). Лишь въ позднѣйшую эпоху царей торговля у евреевъ приняла болѣе обширные размѣры. Въ особенно большомъ количествѣ привозилось въ Иерусалимъ во времена

Башня Авессалома въ Иерусалимѣ.

Соломона *золото*, вслѣдствіе путешествій въ Офиръ и завязавшихся сношеній съ царицей *Савской*. Въ 1 кн. царей (10,21) говорится: «И всѣ сосуды для питья у царя Соломона были золотыя, и всѣ сосуды въ домѣ Дубравы Ливанской были изъ отборнаго золота; изъ серебра же ничего не было: оно во дни Соломоновы считалось ни во что». Въ другомъ мѣстѣ положительно говорится, что богатство Соломона происходило «отъ торговли съ купцами и отъ другихъ царей Аравіи». Кромѣ того, мудрость и богатство Соломона имѣли притягательную силу для сосѣднихъ народовъ, которые приносили ему добровольную дань... «И они подносили всякій отъ себя въ

даръ: сосуды серебряныя и сосуды золотыя, и одежды, и оружіе, и благовонія, коней и муловъ, изъ года въ годъ». (1 кн. царей 10,25).

Промышленность у евреевъ была исключительно кустарная, особенную дѣятельность въ этой области проявили женщины. Последнія хотя и находились въ безусловномъ подчиненіи у мужчинъ, однако, не вели такую строго замкнутую, гаремную жизнь, какъ женщины степныхъ кочевниковъ ведутъ и по сіе время. Во главѣ семьи стоялъ старшій въ родѣ, отецъ, нѣсколько семей составляли родъ нѣсколько родовъ составляли племя или колѣно, во главѣ котораго стоялъ князь. Глава семьи исполнялъ въ своемъ домѣ обязанности священника. Свою земельную собственность каждое колѣно должно было охранять, какъ свое неотъемлемое имущество. Арендный срокъ не долженъ былъ превышать 50 лѣтъ. Главы общинъ составляли нѣчто въ родѣ народнаго управленія, при чемъ особеннымъ вліяніемъ пользовались, въ духѣ моисеева теократическаго законодательства, священники.

Въ *искусствѣ* евреи не проявили ни малѣйшей самобытности, и это становится понятнымъ, когда мы представимъ себѣ политическое развитіе народа, его продолжавшіяся цѣлыя столѣтія враждебныя отношенія съ сосѣдями и его нескончаемыя внутренніе распри. Кромѣ того, въ самомъ народѣ замѣтно отсутствіе художественнаго чутья и творческой фантазіи. Короче сказать: еврейскаго искусства не было, а была только потребность искусства, которая время отъ времени и удовлетворялась нѣкоторыми блестящими представителями расы, какъ Соломонъ, Гискія, Иродъ Великій, путемъ заимствованій у другихъ народовъ. Даже Скинія—эта маленькая постройка, которая должна бы представлять собой продуктъ истинно-еврейскаго духа, носить слѣды ассири-вавилонскаго вліянія; и священная *утварь* выказываетъ явно сродство съ египетскими образцами. Ковчегъ завета, стоявшій въ святаѣ свѣтыхъ и заключавшій каменные скрижали завета былъ облицованъ золотомъ; по бокамъ его на двухъ противоположныхъ концахъ крыши стояли херувимы. Вся расстановка напоминаетъ переносныя лодки съ богами египтянъ, а крылатые херувимы указываютъ на подражаніе крылатымъ животнымъ Вавилона. Даже одежда еврейскихъ священниковъ—типично вавилонскаго образца, въ символическихъ же украшеніяхъ ясно видно заимствованіе у египтянъ. Впрочемъ, евреи, стиснутые между Вавилоніей и Египтомъ, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ финикійцевъ, и не могли вступить въ иной кругъ культуры, какъ именно въ тотъ, который обнималъ собой всю область западной Азіи и прилегающія къ ней береговыя страны Средиземнаго моря.

На мѣстѣ сгорѣвшаго при взятіи Иерусалима Титомъ храма, императоръ *Адріанъ* построилъ храмъ Юпитера, а *Юстиніанъ* воздвигнулъ христіанскую базилику. Халифъ *Омаръ* превратилъ ее въ мечеть; но крестовосоды подъ предводительствомъ Танкреда снова водрезали въ ней крестъ, который, однако, вскорѣ снова былъ снятъ Саладиномъ. Кажется ни одинъ уголокъ земли не видѣлъ столько превратностей, нигдѣ не было пролито столько крови, какъ въ этой, такъ называемой, «области мира».

Кромѣ храма Соломонова, восстановленнаго Иродомъ и при всемъ своемъ великолѣпнѣ и богатствѣ, при всей всемірной славѣ, которую создало ему преданіе, имѣлъ весьма скромные размѣры: онъ имѣлъ 70 локтей въ длину и 20 въ ширину; изъ 70 локтей длины 10 отходило на притворъ, 40 выпадало на долю святилища и 20 на свѣтлыя свѣтыхъ. Слѣдовательно, весь храмъ имѣлъ величину нашихъ не особенно большихъ церквей.

Гораздо грандіознѣе были другія свѣтскія постройки Соломона, какъ, напримѣръ, дворецъ Соломона и домъ Дубравы Ливанской. Последній имѣлъ 100 локтей въ длину и 50 въ ширину. Почти тысячу лѣтъ спусти

Иродъ Великій украсилъ не только Иерусалимъ, но и многіе не палестинскіе города, какъ Дамаскъ, Антиохію, Тиръ и Сидонъ, даже Родосъ, Аѳины Спарту прекрасными зданіями. Помимо возстановленнаго храма, онъ по-

Главный входъ и видъ иерусалимскаго храма.

строилъ въ Иерусалимъ дворецъ, театръ и амфитеатръ. Дворецъ Ирода стоялъ на западной сторонѣ Сіона и во времена *Пилата* служилъ преторіей. Къ этому мы должны представить себѣ башни, зеленныя лужайки, сады, фонтаны и т. д. Но, вообще,

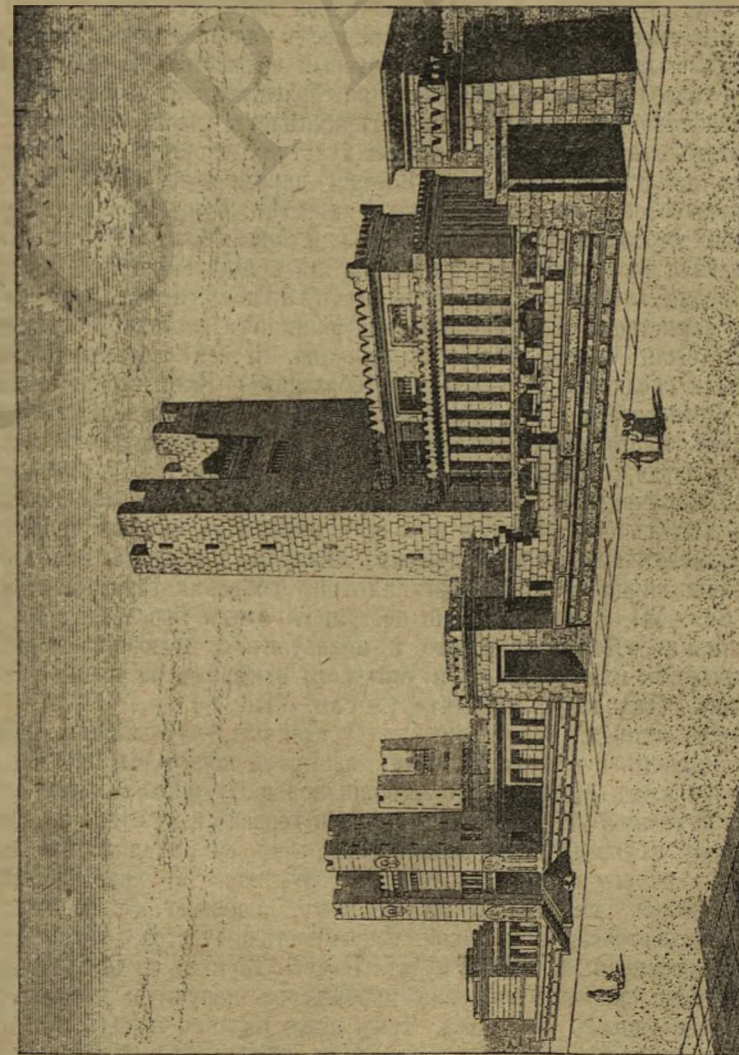
вся роскошь Ирода, составляющая неизмѣнный атрибутъ восточныхъ тиранновъ, не была проявленіемъ народнаго духа, а стремленіемъ утвердить на еврейской почвѣ торжество чуждой—римской культуры. Его водопроводы и дороги, дворцы и бани, театръ и гимназіи—все это строилось въ угоду чужеземцамъ. Однако, несомнѣнно то, что Иродъ поставилъ Палестину на высокую точку культурнаго развитія, какой страна не знала до него. Такъ же, какъ храмъ сіялъ золотомъ и великолѣпіемъ, точно такъ же и слава Ирода распространила лучи своего свѣта на всю западную Азію. Никогда ни раньше, ни послѣ Ирода площадь передъ храмомъ не бывала такимъ сборищемъ язычниковъ разныхъ странъ, какъ въ тѣ дни, когда египтяне и арабы, сирійцы и

персы, греки и римляне толпились здѣсь одновременно. Палестина снова приобрѣла міровое значеніе и сдѣлалась культурной страной перваго разряда. Но весь этотъ блескъ былъ взятъ на прокатъ. Онъ не выливался изъ нѣдръ народной силы. Чудное сіяніе явилось издалека и пролетѣло, какъ метеоръ; какъ только оно исчезло—настала ночь.

Въ совершенно иномъ свѣтѣ является намъ умственное достояніе евреевъ, главнымъ образомъ, по отношенію ихъ письменныхъ памятниковъ. Здѣсь мы видимъ полную самобытность народа. Помимо того, что мы обязаны евреямъ такимъ важнымъ факторомъ культуры, какъ *Библия*, вся древне-еврейская литература представляетъ собой несамнѣнный историческій матеріалъ и служитъ какъ-бы зеркаломъ, въ которомъ отразилась вся духовная самобытность избраннаго народа божія. Св. Писаніе—это неугасимое пламя, посылающее свой свѣтъ изъ глубины доисторическихъ сумерокъ въ наше время. Это первобытный источникъ свѣта, освѣтившій тѣ пути, по которымъ впослѣдствіи христіанская культура совершала свое побѣдоносное шествіе.

Если, вслѣдствіе недостатка внутренней организаціи, за отсутствіемъ тѣхъ силъ, которая создаютъ прочный государственный строй и чувство солидарности всѣхъ общественныхъ элементовъ, еврейскій народъ никогда не могъ играть руководящей роли, то онъ вполне возмѣщаетъ этотъ недостатокъ своей духовной жизнью. Среди этого народа родился Христосъ и, слѣдовательно, христіанская церковь и затѣмъ христіанская культура должны были взять своей основой преданія, заключающіяся въ понятіи о Богѣ и въ культурныхъ формахъ еврейства.

Такъ какъ это понятіе и эти формы имѣли самое продолжительное

Храмъ въ Иерусалимѣ. Видъ сбоку.

вліяніе на человѣческій духъ, то онъ имѣютъ такое міровое значеніе, передъ которымъ исчезаютъ воззрѣнія и культуры античнаго міра. Древне-еврейская религія съ идеей ответственности человѣка передъ Богомъ, съ понятіемъ о необходимости искупительнаго наказанія за всѣ дѣянія, противорѣчащая божественной справедливости, вноситъ новый элементъ во всемірную исторію: подчиненіе всего человѣчества волѣ и могуществу Высшаго

существа, въ противоположность слѣпой, рабской подчиненности другихъ культурныхъ народовъ Востока своимъ земнымъ деспотамъ. Израиль преклоняется во прахъ только передъ своимъ Богомъ. Онъ смиренно принимаетъ удары отъ наказующей его руки и трепещетъ передъ его отмщеніемъ. Конечно, это—основы большого нравственнаго значенія. Всемогущество Бога находитъ собѣ выраженіе въ теократіи, а послѣдняя въ ея вліятельныхъ и сильныхъ представителяхъ—священникахъ. Еврейскій нравственный законъ не пустая формула, а выраженіе твердаго убѣжденія, и нравственный законъ относится страшно строго ко всѣмъ дѣйствіямъ человѣка. Онъ имѣетъ только одинъ важный недостатокъ, что его держатся только изъ за страха передъ карающей рукой Бога, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ нанести тяжелый вредъ народной морали. Вслѣдствіе постоянныхъ ссылокъ на волю Бога, который сражается за или противъ избраннаго народа, совершается не одно нравственное преступленіе, не считающееся таковымъ, когда въ немъ принимаетъ участіе божество.

Въ этомъ отношеніи нравственная культура человѣка недалеко ушла отъ морали азіатскихъ варваровъ. Исторія народа и царей израильскихъ представляетъ собой цѣпь всевозможныхъ звѣрствъ. Существовавшія прежде человѣческія жертвоприношенія отмѣнены и замѣнены жертвами животныхъ. Оставляя въ сторонѣ жертвы Молоху въ долинѣ Гинномъ *) и жертвоприношеніе семи сыновей Саула, повѣщенныхъ въ Гибей «передъ Іеговой», всѣ жестокости заимствованы несомнѣнно отъ финикійцевъ, такъ какъ гуманнымъ египтянамъ были чужды подобныя звѣрства. И всѣ «военные подвиги» евреевъ были скопомъ съ азіатскихъ образцовъ. Если ассирійскіе цари находили удовольствіе въ украшеніи стѣнъ своихъ дворцовъ изображеніями своихъ жестокостей—вѣшаніемъ на колъ и истязаніями всякаго рода,—то и царю Давиду, напримѣръ, подобныя вещи тоже не были противны. Такъ, напримѣръ, послѣ взятія города Равваха, столицы аммонитянъ «онъ вывелъ бывшій тамъ народъ и присудилъ ихъ къ пиламъ, къ желѣзнымъ молотиламъ и къ желѣзнымъ сѣкирамъ и ввергалъ ихъ въ печь для обжиганія кирпича. Такъ поступилъ онъ со всѣми городами аммонитянъ» (2 Сам. XII, 31). Не лучше поступилъ этотъ прославленный царь съ моавитянами: «Поразилъ также и моавитянъ и, положивъ всѣхъ на землю, размѣрилъ ихъ веревкою и двѣ части отмѣрилъ на убіеніе, а одну полную часть оставилъ въ живыхъ» (2 Сам. VIII, 2).

Однако, оставляя въ сторонѣ эти уродливыя, чудовищныя явленія, принадлежащія, въ сущности, къ кругу азіатской культуры, мы видимъ, что чистая вѣра въ единого Бога сообщила народу израильскому ту непобѣдимую духовную силу, которая создаетъ героевъ и мучениковъ. Эту-то духовную силу и унаслѣдовало христіанство, и съ ея помощью преодолю всѣ лежавшія на его пути препятствія. Разумѣется, въ христіанствѣ эта сила преобразилась, смягчилась милосердіемъ, любовью къ людямъ, радостью самопожертвованія и такою искренностью чувства, которыхъ не допускалъ безжизненный теизмъ культа Іеговы. Но и въ тѣ до-христіанскія времена эта сила живыми побѣдами пробивалась наружу и давала цвѣты въ лицѣ вдохновенныхъ пророковъ. Чѣмъ ниже падаетъ народъ, чѣмъ безпомощнѣе онъ передъ внѣшними невзгодами, чѣмъ болѣе устарѣлыми оказываются внутреннія условія жизни, тѣмъ болѣе эти руководящіе умы напирать на строгое сохраненіе союза съ Іеговой, отъ могущества и воли котораго зависитъ все. Но такими убѣжденіями рѣдко проникается народъ; они скользятъ по поверхности массъ и, собственно говоря, для оцѣнки куль-

*) Иеремія, 32, 35; 19, 5: «Живущіе въ Бенъ Гинномѣ построили высоты Вааза, чтобы привести своихъ сыновей и дочерей Молоху—іудея сжигали своихъ дѣтей въ жертву Ваазу».

туры какого-либо народа уровень массъ не имѣетъ значенія, такъ какъ ими въ большинствѣ случаевъ руководитъ незначительное меньшинство и они по существу своему всюду и всегда одинаковы. То, что люди обыкновенно называютъ «духомъ народа» есть въ сущности не что иное, какъ воплотившееся слово мыслителей и поэтовъ, видимая и практически осуществленная умственная работа отдѣльныхъ лицъ. Все остальное есть продуктъ энергій индивидуальностей. Собственно говоря, вся всемірная исторія состоитъ только изъ именъ, и эти имена являются носителями великихъ событій, творцами и распространителями плодовъ культуры, добытыхъ путемъ работы мысли.

Къ лучшей эпохѣ пророковъ относится, повидимому, двѣ небольшія историческія книжки, двѣ извѣстнѣйшія древнееврейскія поэмы: это *Рувъ* и *Книга Иова*, рисующія намъ живую картину нравовъ и семейной жизни, дающія понятіе о міровоззрѣніи и образованіи народа. Книга *Рувъ*—это предельная идиллія, въ которой разсказывается исторія бѣдной моавитянки, сдѣлавшейся родоначальницей рода Давидова. Картины еврейской жизни рисуютъ намъ также книги: *Товія*, *Эсфирь* и *Юдифь*. Книга *Иова* раскрываетъ передъ нами потрясающую картину человѣческаго страданія и представляетъ собой удивительную смѣсь лирическихъ, эпическихъ и драматическихъ элементовъ. Эта книга замѣчательна уже потому, что изъ тяжелыхъ испытаній, выпадающихъ на долю безвиннаго страдальца, звучитъ тихая нотка сомнѣній въ справедливости мірового порядка. Но и здѣсь, какъ и во всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ господствуетъ слѣпая вѣра въ то, что пути божіи непонятны, и что все протекшее есть выраженіе его мудрости, благодати и могущества. Въ этомъ убѣжденіи коренится правда и подавляющая всякую индивидуальность сила, покорность волѣ Божіей, чтобы не сказать другого слова, еще сильнѣе выражающаго безпомощность человѣка передъ сверхъ-человѣческими силами—*фатумъ*.

Къ великимъ пророкамъ IX и VIII в. присоединяются пророки VII вѣка, эпохи непосредственно предшествовавшей паденію Іерусалима и вавилонскому плѣненію. Особенную страстность выраженія проявилъ *Иеремія*; онъ не страшится гнѣва царей, высказывая имъ порицанія за ихъ беззаконія. Иеремія былъ свидѣтелемъ разрушенія Іерусалима и воспѣвалъ гибель Сіона, сидя на развалинахъ храма, среди осиротѣлыхъ и несчастныхъ, за которыми онъ послѣдовалъ въ Египетъ и тамъ, вѣроятно, окончилъ жизнь. Младшій современникъ его, пророкъ *Езекииль* также былъ свидѣтелемъ гибели Іерусалима. Уведенный съ плѣнниками въ Вавилонъ, Езекииль, подобно тому какъ Исаія предсказалъ паденіе Вавилона, предсказалъ гибель «владычицы морей» Тира. Оба эти предсказанія полны поэтической красоты и имѣютъ міровое историческое значеніе. Это вмѣстѣ съ тѣмъ, религиозно-поэтическія творенія высочайшаго достоинства.

Изъ прочихъ менѣе значительныхъ пророковъ выдѣляется *Наумъ*, о которомъ Корнелии говоритъ, что съ нимъ не можетъ сравниться ни одинъ изъ другихъ библейскихъ поэтовъ по отношенію драматической живописи разсказа. Его описаніе паденія Ниневіи производитъ грандіозное впечатлѣніе.

Къ концу вавилонскаго плѣненія жилъ пророкъ, имя и обстоятельства жизни котораго остались неизвѣстными, но сочиненія котораго мѣстами блещутъ удивительной роскошью красокъ и возвышенностью слога. Такъ какъ плѣнопѣніе его по духу и красотѣ формы напоминаютъ пророчества Исаи, то ихъ называли сочиненіями псевдо-Исаи или вавилонскаго Исаи, въ отличіе отъ іерусалимскаго. Затѣмъ слѣдуетъ назвать еще пророка *Софонію*; Шеггъ говоритъ о немъ, что его предсказанія, которыя онъ сплетаетъ съ предсказаніями другихъ пророковъ, подобны яркимъ цвѣ-

тамъ на темной зелени луга. *Аней*—последній изъ пророковъ послѣ эпохи плѣненія. Это простой, безхитростный утѣшитель народа. *Захарія* младшій и *Малахія* принадлежатъ къ періоду упадка еврейской поэзіи.

Историческія книги ветхаго Завета не только представляютъ собой памятники высокаго религіознаго вѣрованія, но и служатъ въ то же время живымъ источникомъ поэтическаго вдохновенія, въ произведеніяхъ котораго отразилась духовная жизнь народа. Нѣкоторыя изъ этихъ лирическихъ стихотвореній или вводимыхъ разсказовъ выказываютъ такое богатство поэтическаго творчества, до котораго не достигаетъ ни одно изъ современныхъ имъ созданий восточной литературы.

И вся поэзія евреевъ также проникнута глубокой религіозностью. Въ поэмахъ, въ которыхъ преданіе мѣшается съ историческими фактами, гдѣ фигуры героевъ, какъ, напр., *Самсонъ* и *Гедсонъ*, облечены дымкой сверхъестественнаго, нѣтъ и тѣни той часто безсмысленной фантазмагоріи, которой полны произведенія другихъ восточныхъ народовъ. Въ еврейской пѣснѣ все просто по концепціи, разсказъ не имѣетъ художественно отдѣланной формы, но звучитъ, какъ пѣсня рапсода, какъ импровизація и дышитъ непосредственнымъ чувствомъ.

Такъ какъ еврейская поэзія возникла и достигла быстрого расцвѣта въ эпоху царей, то и не удивительно, что многія произведенія этого времени приписываютъ царямъ. Такъ, напр., авторомъ «*Псалмовъ*» считается *Давидъ*, а авторомъ «*Пѣсней Пѣсней*» *Соломонъ*. Между тѣмъ и другимъ произведеніями, какъ по внутреннему содержанію, такъ и по духу лежитъ цѣлая пропасть. Насколько серьезны и высоконравственны «*Псалмы*» *Давида*, настолько «*Пѣснь Пѣсней*» *Соломона* проникнута чувственной эротикой чисто восточнаго характера. Вслѣдствіе ея несоотвѣтствія съ общимъ торжественно религіознымъ тономъ еврейской поэзіи, этому произведенію впоследствии пытались придать символическое или скорѣе мистически-аллегорическое значеніе.

Къ сочиненіямъ дидактическаго характера причисляется, кромѣ *Притчъ* *Соломона*, великая жалоба о бренности всего существующаго и его воображаемыхъ радостяхъ — «*Экклезиастъ*» и книга «Премудрости Сына Сирахова», возникшая въ Египтѣ около 180 г. до Р. Х. Это собраніе изреченій по своему поучительному содержанію, а также по разнообразію формъ (загадки, притчи, подобія) стоитъ выше прославленной мудрости стоиковъ.

Глава четвертая.

Аравія.

Въ то время, какъ финикіянѣ въ самыхъ отдаленныхъ своихъ колоніяхъ достигли высшаго развитія своей самобытности, между тѣмъ, какъ коренной стволъ финикійскаго дерева давно уже началъ ветшать, народъ, населявшій Аравію, въ полномъ развитіи своей юношеской мощи выступаетъ на арену всемірной исторіи. Несмотря на то, что другіе семитические народы уже успѣли исчезнуть съ нея, населеніе сѣверной и средней части Аравійскаго полуострова выказываетъ еще слѣды глубокой древности въ нравахъ и въ языкѣ. Мало того, арабскій языкъ Х в. нашей эры гораздо первобытнѣе того языка, на которомъ говорили болѣе сѣверные семитические народы за тысячу лѣтъ до Р. Х. Поэтому мы смѣло можемъ примѣнить къ мнѣнію Фр. Мюллера, который говоритъ, что арабы въ этнологическомъ отношеніи могутъ считаться первобытнымъ типомъ семи-

товъ *). Арабское могущество и арабская культура расцвѣтаютъ въ среднихъ вѣкахъ и въ среднихъ же вѣкахъ увядаютъ. Древней исторіи арабовъ не существуетъ. Только одна вѣтвь этого семитическаго племени составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе; но отдаленность ея мѣста жительства отъ другихъ народовъ древности, ея переплетенная мѣстами исторія совершается внѣ круга большихъ мировыхъ событій. Эта вѣтвь — *южные арабы*.

Сѣверные и южные арабы, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ—два совершенно различныхъ народа. Сѣверные арабы происходятъ отъ *Измаила*, сына Авраама и Агари, южные—отъ *Кахтана*. Итакъ, на почвѣ Аравіи въ самыя древнія времена мы видимъ двухъ родоначальниковъ: *Измаила* и *Кахтана*. Разница между ихъ племенами, этнологически не доказанная, основывается, главнымъ образомъ, на степени развитія культуры того и другого народа. Въ то время, какъ сѣверныя арабскія племена вели кочевую и воинственную жизнь, въ царствѣ *кахтанидовъ* или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, *сабейцевъ* (отъ сына Кахтана, *Сабы*) возникаетъ сказочная культура, которая появляется и исчезаетъ, какъ миражъ. Объ *Измаилѣ*, прародителѣ сѣверныхъ арабовъ, въ Библии сказано: «и будетъ онъ между людьми, какъ дикій оселъ; руки его на всѣхъ и руки всѣхъ на него». (Кн. Бытія, 16, 12.). Предсказаніе это исполнилось буквально: въ странѣ сѣверныхъ арабовъ непрерывная смута, вражда отдѣльныхъ племенъ между собой, полная отчужденность отъ остальнаго міра. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ не могло организоваться государство. Но сама раса не была лишена способности къ культурному развитію—это доказала впоследствии та роль, которую арабы играли въ исторіи,—сама природа страны создала эти условія: съ сѣвера и юга окруженная широкимъ кольцомъ пустыни, отдѣленная съ запада и съ востока дикими скалистыми цѣпами горъ отъ побережья Краснаго моря и Персидскаго залива, эта въ высшей степени бѣдная въ растительномъ отношеніи страна, не даетъ другого средства къ существованію, какъ только обширные луга, которые каждое племя защищало съ оружіемъ въ рукахъ, какъ самое дорогое свое достояніе.

Совершенно отдѣльно отъ этихъ арабскихъ племенъ стоитъ загадочный народъ *темуды*, жившій въ сѣверо-западномъ углу полуострова. Въ странѣ *Геджръ* (десять дней пути на сѣверъ отъ Медины) лежитъ ихъ древній пещерный городъ, въ которомъ, по словамъ паломниковъ, проходящихъ ежегодно мимо него въ Мекку, могло бы помѣститься все населеніе Дамаска. Пещеры эти высѣчены въ скалѣ изъ твердѣйшаго чернаго базальта, у входа каждой пещеры двѣ колонки, надъ входомъ высѣчены въ видѣ орнамента, фигуры людей и животныхъ. Куда дѣвалось населеніе этого города—неизвѣстно; мы знаемъ только то, что въ первомъ столѣтіи нашей эры темуды или тамиды еще существовали. Считающіеся же ихъ предшественниками *адиты* принадлежали, повидимому, къ арамейскому племени. Арамейцы же, какъ извѣстно, были обитателями Сири и сѣверной гористой части Месопотаміи. Поэтому гораздо болѣе основанія предполагать, что *абиты* были *набатейцы* **).

*) *Friedrich Müller*, «Allgemeine Ethnographie».

**) *Набатейцы* были народъ вавилонскаго происхожденія. Это было мирное торговое племя, поселившееся въ странѣ эдомитянъ. Здѣсь въ скалистой долинѣ находятся грандіозные остатки ищернаго города *Петры*. Плиній говоритъ объ этомъ городѣ: «Въ *Петрѣ* встрѣчаются путники изъ Пальмиры и Сири съ тѣми, которые идутъ изъ Газы и Египта». *Набатейцы* держали въ своихъ рукахъ также и торговлю на Красномъ морѣ и этимъ направляли богатства Аравіи и Индіи въ скалистое ущелье, гдѣ находился ихъ городъ *Петра*. Ни греки, ни римляне не могли одолѣть этотъ городъ и только благодаря тому, что торговый путь Индіи былъ перенесенъ въ Красное море, *Петра*, мало по малу, опустѣла и медленно угасла.

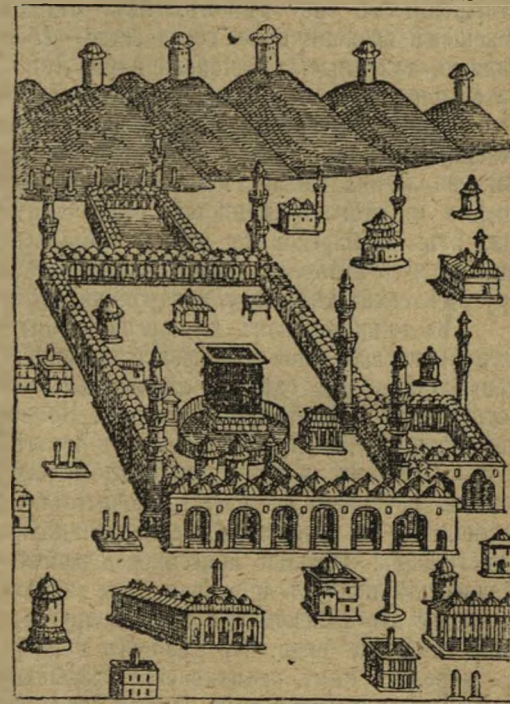
Коранъ говоритъ еще о другомъ народѣ будто бы одного племени съ темудами—объ *адитахъ* (отъ ихъ родоначальника *Ада*). Въ юго-восточной Аравіи, въ пустынѣ *Эль-Кафъ*, лежалъ, по словамъ Корана, ихъ сказочной красоты и баснословнаго великолѣпія городъ *Ирежъ*. Затѣмъ, по Корану, адиты были великанами, 50 метровъ ростомъ. Однако, Коранъ менѣе всего можно считать историческимъ источникомъ.

Только съ ихъ родоначальникомъ *Саба* мы вступаемъ на болѣе или менѣе историческую почву, хотя и тутъ все затемнено мифами. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ предположить, что Саба есть олицетвореніе нѣкогда могучаго племени, вродѣ Ромула и Рема у римлянъ. Хотя происхождение ихъ и неизвѣстно, мы все-таки знаемъ, что сабеяне были выдающимися культурнымъ народомъ Аравіи, который существовалъ еще въ началѣ христіанской эры. Знаменитая въ Библии царица Савская (называется она въ Коранѣ Билкисой) властвовала надъ этой страной. Съ ней и съ ея несмѣтными богатствами связано безчисленное множество мифовъ. Арабскій лѣтописецъ *Массуді* описываетъ страну Савскую, какъ самую благодатную и роскошную часть Іемена, покрытую чудными лугами, плантаціями и садами, перерѣзанную вдоль и поперекъ дорогами и каналами. Благополучію страны способствовали мягкій климатъ и обиліе текущихъ водъ. Сказочно—великолѣпной столицей сабеянъ былъ *Марибъ*, который описали нѣкоторые греческіе писатели, какъ, напр., *Анатархидъ*, жившій приблизительно за 120 лѣтъ до Р. Х. Онъ называетъ сабеянъ величайшимъ народомъ Аравіи и говоритъ, что естественныя сокровища страны неистощимы. Но главнымъ источникомъ богатства ихъ служили лѣса, растущіе внутри страны, затѣмъ душистые смолы и приносы. Жители страны Саба были храбрыми воинами, искусными земледѣльцами и дѣятельными купцами. Какъ купцы, они имѣли обширныя сношенія, снабжали финикіянъ драгоценными продуктами и доставляли Птоломеямъ и владыкамъ Сиріи золото въ большихъ количествахъ.

При такомъ богатствѣ понятно, что роскошь играла большую роль въ жизни сабеянъ. Искусство и художественная промышленность достигли высшаго расцвѣта. Дворцы богатыхъ и сильныхъ сіяли золотомъ, драгоценной утварью, роскошными тканями и т. д. *Страбонъ* говоритъ о савскихъ или сабейскихъ владыкахъ, что они были изнѣжены, потому, что жили среди такой роскоши, которая дѣлала ихъ подобными женщинамъ. Марибъ погибъ вслѣдствіе разрушенія гигантской плотины, запиравшей большой бассейнъ, служившій для орошенія. Эта катастрофа случилась 200—250 л. до Р. Х.; но не одна она вѣроятно была причиной гибели Мариба, а наоборотъ, катастрофа случилась именно потому, что Марибъ сталъ падать и пустѣть; на водяныя сооруженія перестали обращать вниманіе и, такимъ образомъ, грандіозная плотина въ одинъ прекрасный день рухнула и затопила городъ и всѣ культурныя земли. Должна опустѣла, большинство жителей переселилось на сѣверъ.

Одновременно съ Билкисой, царицей Савской, царствовали надъ другимъ, родственнымъ сабеянамъ племенемъ *химіаровъ* царь *Іазиръ*, которому сабеяны были даже до извѣстной степени подчинены и который долженъ былъ сдѣлаться преемникомъ царицы Савской послѣ ея смерти. Іазиръ былъ воинственный владетель, предпринимавшій походы въ сосѣднія страны; о царицѣ Савской же извѣстно, только, что она вела жизнь, полную наслажденій и роскоши, въ своей столицѣ Марибѣ. Еще большей славой пользовался преемникъ Іазира *Шеммеръ* или *Самаръ*. Онъ покорилъ Иранъ, предпринималъ походы въ Туранъ, гдѣ основалъ городъ, которому далъ свое имя—Самаркандъ, т. е., городъ Самара или Шеммера, и даже отважился проникнуть въ Китай. Но тутъ онъ погибъ вслѣдствіе

измѣны и палъ, какъ герой, войско же его болѣею частью погибло въ пустынѣ. Исторія преемника его *Тобба-эль-акрана* также переплетена вымыслами. Его отождествляютъ со сказочнымъ героемъ Корана Дулькарнейномъ, который будто бы сражался съ римлянами и даже проникъ въ какую-то «Рубиновую долину». Въ этомъ походѣ сопровождалъ его *Шидръ*, которому онъ далъ порученіе отыскать «источникъ жизни». Источникъ былъ найденъ Шидромъ, который напился изъ него и сдѣлался бессмертнымъ *). Дулькарнейнъ не достигъ источника жизни, зато дошелъ до крайняго востока, гдѣ солнце восходитъ и гдѣ стоятъ двѣ могучія горы. Тамъшніе жители взмолились къ нему: «О Дулькарнейнъ, избавь насъ отъ ладжуджа и Маджуджа (Гогъ и Магогъ), которые наносятъ большой вредъ странѣ». Тогда Дулькарнейнъ возвелъ могучую стѣну отъ одной горы къ другой и облилъ ее металломъ. Древне арабскіе поэты прославляютъ Дуль-

Кааба въ Меккѣ.

кара. Юность Ассадъ-Камила окружена романтическими вымыслами. Подобно другимъ царямъ химіарскимъ, Ассадъ предпринимаетъ походъ на востокъ и проникаетъ въ царство тьмы, откуда спасается только благодаря хитрости. На границѣ этого загадочнаго царства, царь оставляетъ осленка, ослицу же, мать его, беретъ съ собой. При свѣтѣ факеловъ вступаетъ онъ въ царство тьмы; но найти обратный путь трудно. Тогда Ассадъ-Камиль пускаетъ впередъ ослицу и та инстинктивно находитъ то мѣсто, гдѣ остался осленокъ.

Замѣчательно то, что Ассадъ-Камиль первый обвѣсилъ Каабу драгоценными коврами, устроилъ здѣсь грандіозную гекатомбу, принесъ въ жертву 70,000 животныхъ. Онъ первый обошелъ вокругъ храма въ воспоминаніе о скитаніи Агари въ пустынѣ. Этотъ обрядъ сдѣлался съ тѣхъ поръ обязательнымъ для паломниковъ въ Мекку. Преданіе гласитъ, что Ассадъ-Камиль приказалъ похоронить себя стоя, вмѣстѣ съ своими конями и рабами. Послѣ него царствовали еще его сыновья *Гассанъ* и *Амръ*. Они зачинаютъ собой рядъ владетелей изъ рода Тобба.

*) *Шидръ* и теперь еще считается на Востокѣ гениемъ покровителемъ текущихъ водъ, травъ и деревьевъ.

Царствованіе послѣднихъ царей химіарскихъ отличается тѣмъ, что новый сосѣдній народъ вступаетъ въ кругъ ихъ исторической жизни—это обитатели *Абиссиніи*. Африканское плоскогорье на западъ отъ Краснаго моря было завоевано изъ Іемена и колонизовано. Оно тождественно съ «Эіопіей», какъ называли древніе всю страну на югъ отъ Египта «до конца свѣта». У Гомера эіопы—«крайніе изъ всѣхъ людей» у рѣки Оксана, опоясывающей землю. На фонѣ этого сказочнаго описанія выступаетъ царство съ еще болѣе рѣзкими очертаніями—это *Мероз*, жители котораго, *лушиты*, принадлежатъ къ хамитическому племени. Мероз было цивилизованное, занимавшееся торговлей государство. Однако, наши свѣдѣнія о немъ не имѣютъ положительныхъ основъ.

Только послѣ завоеванія этой страны арабами, оно получаетъ болѣе яркое освѣщеніе, хотя достовѣрныхъ свѣдѣній о времени и размѣрахъ этого вторженія мы не имѣемъ. Изъ отдѣльныхъ колоній образовалось съ теченіемъ времени новое государство—*Ново-Савское* царство—гдѣ царствовали то туземные, то эіопскіе цари. Лишь гораздо позже произошло окончательное раздѣленіе, и когда абиссинцы, называвшіе себя «агазіанъ», т. е., выселенцы или свободные—приняли монофизитское христіанство, оба родственные народа сдѣлались непримиримыми врагами. Въ Абиссиніи остался языкъ «лезана геезъ», языкъ выселенцевъ, т. е., химіарскій,—до XII в. и только съ этого времени его сталъ вытѣснять болѣе новый амхарійскій діалектъ; химіарское же нарѣчіе осталось языкомъ церкви. Своеобразное письмо, изъ котораго развилась химіарская азбука, въ противоположность другимъ семитскимъ письмамъ, читается слѣва направо.

Въ то время, какъ химіарскіе эіопы приняли христіанство, на родинѣ ихъ произошло иное религіозное движеніе. И здѣсь въ юго-западной Аравіи христіанство уже сдѣлало значительные успѣхи при царѣ *Абдъ-Кудамъ*, который самъ былъ христіаниномъ. Но вотъ случилось нѣчто, совершенно неожиданное: *Ду-Нувасъ*, правнукъ Ассадъ-Камила, принявъ іудейскую вѣру и сталъ огнемъ и мечомъ преслѣдовать христіанъ. Но одинъ изъ восьми князей, которыми его власть значительно ограничивалась, бѣжалъ въ Абиссинію, чтобы просить абиссинскаго царя о помощи жестоко тѣснимымъ христіанамъ. Сильное абиссинское войско переправилось черезъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ и вторгнулось въ Іемень. Ду-Нувасъ хитростью истребилъ все это войско. Но явилось другое, и Ду-Нувасъ послѣ отчаяннаго сопротивленія, видя, что дѣло его проиграно, вмѣстѣ съ конемъ бросился въ море. Съ нимъ оканчивается владычество династіи Тобба.

Теперь властителями Іеменя сдѣлались абиссинцы, христіанамъ стало легче дышать, зато тяжело пришлось языческому населенію подъ гнетомъ этихъ христіанскихъ варваровъ. Ихъ освободилъ отъ этого ига *Сенуфъ-ибнъ-Іезенъ*, который призвалъ на помощь персовъ. Въ рѣшительной битвѣ персидскій предводитель *Вахрасъ* убилъ абиссинскаго царя и затѣмъ истребилъ почти все абиссинское войско. Событіе это съ достаточной достовѣрностью относятъ къ 575 г. по Р. Х. Владычество абиссинцевъ въ Іеменѣ продолжалось около двухъ столѣтій. Затѣмъ страной завладѣли персы. Персидскій намѣстникъ *Баданъ*, поклонникъ Магомета, предалъ страну исламу.

Арабы не были воинственнымъ народомъ, если судить по словамъ *Страбона*, который, рассказывая о походѣ *Азія Галла* въ западную и южную Аравію въ 24 г. до Р. Х., говоритъ: «Арабы не умѣютъ сражаться даже и на сушѣ, тѣмъ менѣе на морѣ; они просто мелочные торговцы и купцы. Эти въ высшей степени невоинственные люди не умѣли даже обращаться съ оружіемъ, не знали употребленія лука, копья, меча и праща: большинство изъ нихъ имѣло обоюдоострые топоры». Поэтому римлянамъ

не стоило большого труда завоевать Марибъ. Однако, пріобрѣтеніе это на такомъ далекомъ разстояніи не могло быть прочнымъ, и царство сабеевъ существовало еще болѣе двухъ столѣтій.

Западная и средняя Аравія.

Большой караванный путь, «Дорога Благовоній», тянувшійся отъ Гадрамаута черезъ весь Іемень и Геджасъ въ Сирію, уже въ раннія времена приводила съ соприкосновеніемъ племена и племенные группы средней и сѣверной Аравіи съ племенами юга. Но болѣе оживленныя сношенія установились съ западной Аравіей. Здѣсь народъ былъ несравненно подвижнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ въ средней Аравіи, гдѣ царствовалъ полный застой. Особенно выдѣлялось между западно-аравійскими племенами племя *Киндитовъ*, жившихъ на сѣверъ отъ Сабейскаго или Савскаго царства и защищавшее караванный путь отъ разбойничьихъ бедуновъ. Господство ихъ распространялось на весь Геджасъ и одно изъ ихъ главныхъ поселеній была *Макораба* (Мекка), затѣмъ *Окасъ*, знаменитый городъ, куда въ особенности въ до-исламскомъ періодѣ, собирались поэты и пѣвцы и устраивали состязанія. Здѣсь такъ же, какъ и въ Меккѣ, было вмѣстѣ съ тѣмъ и средоточіе древнеарабскаго языческаго культа.

Въ болѣе позднее время всѣ сѣверно-арабскія племена объединились подъ однимъ именемъ «модаръ», а южно-арабскія подъ именемъ «іеменидовъ».

Въ эти отдаленныя времена, когда еще не было правового порядка и каждое отдѣльное лицо стояло подъ защитой семьи, родныхъ или ближайшихъ односельчанъ, племенная организація являлась самымъ дѣйствительнымъ средствомъ самозащиты. Но такъ какъ съ теченіемъ времени болѣе слабыя племена принуждены были искать защиты въ присоединеніи къ болѣе сильнымъ, то главныя племена все болѣе и болѣе разрастались.

При этихъ обстоятельствахъ не премѣнно должна была развиться національная самобытность. На основаніи принципа: «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ» развивались и охранялись высшія добродѣтели; мужество, храбрость, готовность къ самопожертвованію, гостепримство, уваженіе къ личности во всѣхъ условіяхъ жизни. Ни у одного изъ восточныхъ народовъ не вошли эти добродѣтели, такъ сказать, въ плоть и кровь народа, какъ у арабовъ. Если мы прибавимъ къ этому еще тѣ качества, которыя развиваетъ жизнь въ пустынѣ—острота чувствъ, любовь къ природѣ, фантазія и романтическій взглядъ на всѣ внѣшнія вліянія жизни—то мы получимъ картину физическаго и духовной самобытности арабской расы. Благородство происхожденія было также могучимъ импульсомъ къ развитію и проявленію этихъ добродѣтелей. Однако, этотъ высокій нравственный характеръ народа затемняется разбойничьей жадностью добычи и злоупотребленіемъ обычаемъ кровавой мести, вовлекавшей въ борьбу не только семьи, но и цѣлыя племена.

Особенно твердо держались арабы принципа гостепримства. Позоромъ считалось нарушить одно изъ его правилъ; достаточно было погасить «гостепримный огонь», горѣвшій у того или другого шатра, для указанія путнику ночью, гдѣ онъ можетъ найти себѣ пристанище, чтобы навлечь на себя обвиненіе въ постыдномъ поступкѣ. Въ мѣстахъ стоянокъ, за неимѣніемъ другихъ занятій, рыцари пустыни проводили время въ совѣстныхъ трапезахъ, и въ пирушкахъ, во время которыхъ рассказывали похождения, фантастическія сказки, ночныя приключенія, въ кото-

рыхъ большую роль играли привидѣнія и, наконецъ, любовныя исторіи всякаго рода.

Этотъ очеркъ характера до-пеламскихъ арабовъ былъ бы не законченъ, если бы мы ничего не сказали объ отношеніи половъ между собой. Въ тѣ времена судьба женскаго потомства была омрачена уже отъ самого рожденія, такъ какъ по варварскимъ законамъ извѣстный процентъ рождавшихся дѣвочекъ осуждался на смерть въ самой ужасной формѣ: ихъ закапывали въ землю живыми. Зато жизнь оставляемыхъ въ живыхъ

Образецъ сарацинской миниатюрной живописи красками. (Изъ рукописи сицилійца Ибнъ Кафара).

была лучше, чѣмъ можно бы было представить себѣ на основаніи этого звѣрскаго обычая. Поэты воспѣваютъ женщинъ, выдающихся по своимъ добродѣтелямъ или по своимъ духовнымъ качествамъ. Особеннымъ почетомъ пользовались «редоначальницы»; имена многихъ изъ нихъ живутъ въ народныхъ преданіяхъ. Рѣзко выдающейся чертой арабской женщины является воинственность. Женщины отправлялись въ походъ вслѣдъ за мужчинами и подзадоривали ихъ къ бою своими боевыми пѣснями или насмѣшками. Какъ и въ эпоху западнаго рыцарства, у арабовъ въ древности похвала храбрости изъ устъ выдающейся женщины цѣнилась, какъ высокое отличіе.

При такихъ условіяхъ можетъ показаться страннымъ, что среди арабовъ-язычниковъ было распространено многоженство. Но этотъ обычай получаетъ здѣсь особенное освѣщеніе. Многоженство, вообще, всегда съ до-историческихъ временъ было распространено среди азіатскихъ народовъ, но у арабовъ оно покоилось не на женлюбін и страсти къ наслажденіямъ, а на совѣмъ другихъ основахъ. Вѣчная тяжелая борьба за существованіе, кочевая жизнь, удерживавшая жителей пустыни отъ всего излишняго въ домашнемъ обиходѣ и еще многое другое доказываютъ, что полигамія этого народа имѣла совѣмъ другія причины.

И дѣйствительно, арабы были полигамистами поневолѣ. Припомнимъ, что внутренняя Аравія долгое время была резервуаромъ, изъ котораго излишекъ населенія выливался въ сосѣднія страны, а между тѣмъ, страна все-таки не пустѣла, такъ какъ коренные наследственные роды оставались въ странѣ и пополняли убыль при помощи многочисленнаго потомства. Этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется полигамія. Слѣдовательно, не стремленіе къ наслажденіямъ, а законъ самосохраненія обуславливалъ вна-

чалъ учрежденіе, которое лишь въслѣдствіи совершенно утратило свое первобытное значеніе.

Настоящая культурная жизнь арабовъ начинается съ укрѣпленіемъ власти Ислама, слѣдовательно, относится къ довольно позднему времени и потому мы займемся ею въ свое время. Духовная жизнь арабовъ непосредственно передъ появленіемъ Магомета и въ особенности ихъ поэзія уже подготавливаютъ путь исламитской культурѣ. Тѣмъ не менѣе, мы должны бросить взглядъ на ту почву, изъ которой выросло могучее древо Ислама.

Мы видѣли, что евреи и арабы произошли отъ одного корня—Авраама. Вотъ что рассказываютъ арабскія преданія о первыхъ людяхъ на землѣ. Выброшенный изъ рая, Адамъ упалъ на островъ Сарандибъ (Цейлонъ); отсюда онъ отправился искать свою жену, Еву, и нашелъ ее у горы Арафы (гора «Познанія») близъ Мекки. Тамъ стояла Хавва (Ева) и непрерывно звала Адама. Когда они нашли другъ друга, то остались жить на горѣ. Мы находимъ здѣсь слѣды древняго культа, ибо даже и могилы нашихъ прародителей находятся въ этой странѣ: могила Адама въ долинѣ Мина, могила Евы близъ Джидды, слѣдовательно, и та, и другая недалеко отъ Мекки. Языческіе паломники приносили библейскимъ прародителямъ жертвы совершенно въ той же формѣ, въ которой магометанскіе паломники приносятъ ихъ теперь Аллаху. Въ Коранѣ говорится, что паломничества въ Мекку были установлены Авраамомъ. Главная святыня Каабы, такъ называемый, «черный камень», можетъ быть метеоръ, такъ какъ онъ, по преданію, «упалъ съ неба». По другому преданію былъ принесенъ архангеломъ Гаврииломъ. Подобный же «черный камень» (въ черномъ храмѣ съ черными занавѣсками) былъ и въ Харанѣ, въ сѣверной Месопотаміи тамъ, гдѣ жилъ Авраамъ. Въ этихъ мѣстахъ соединяются религіозныя представленія различныхъ народовъ. Сирійскій богъ Гобаль сливается съ магометанскимъ Аллахомъ, а затѣмъ оба они отождествляются съ вавилонскимъ богомъ Элоа и съ еврейскимъ Іеговой. Если *Абраамъ* въ представленіи нѣкоторыхъ семитическихъ народовъ сдѣлался богомъ, то это объясняется этимологиически именемъ патриарха. Авраамъ или Авромъ означаетъ «отецъ высотъ» т. е., всевышній, Богъ. Магометъ въ основу своего единобожія взялъ именно религію Авраама, которая, въ свою очередь, благодаря устраненію халдейскаго многобожія, очистилась до монотеизма (единобожія). Такимъ образомъ, замыкается въ религіозно-историческомъ отношеніи кругъ семитической духовной культуры.

Памятниковъ древне-арабской культуры внутри полуострова до сихъ поръ не найдено. Пирамидальная башня на юго-востокъ отъ Мекки (на восточной сторонѣ береговой цѣпи горъ) и подобная же на караванномъ пути отъ Дамаска въ Гаилъ, по своему типу принадлежатъ къ вавилонскимъ постройкамъ. Послѣдняя изъ этихъ башенъ сложена изъ большихъ кубическихъ камней и имѣетъ внутри лѣстницы и комнаты. Замѣчательно то, что Гаилъ лежитъ въ ряду тѣхъ многочисленныхъ оазисовъ, которые тянутся отъ сѣверной оконечности Персидскаго залива до сѣверной же оконечности Краснаго моря и указываетъ на оживленныя когда-то сухопутныя сношенія. Припомнимъ по этому случаю пещерныя могилы и жилища темудовъ въ Геджасѣ. Такихъ сигнальныхъ станцій древней культурной области встрѣчается немного. Одна только изъ нихъ, благодаря тому, что продолжала еще существовать, приспособившись къ чужеземной культурѣ, избѣгла полнаго забвенія. Это—Пальмира.

Пальмира.

Въ четырехъ дняхъ караваннаго пути на сѣверо-востокъ отъ Дамаска лежитъ, среди бесплодной пустыни, *Пальмира*. По дорогѣ къ ней мы встрѣчаемъ мѣстечко Каритинъ, жители котораго, какъ говорятъ, еще понимаютъ *древнесирийскій языкъ*. Дорога идетъ то по степямъ, поросшимъ травами, то черезъ песчаные пространства и мимо голыхъ скалъ, на вершинахъ которыхъ стоятъ четырехъугольныя башни-гробницы. Эти башни имѣютъ три, четыре и пять этажей, отбѣленныхъ снаружи одинъ отъ другого карнизами съ рельефными фигурами и головами. Каждый этажъ представляетъ собой комнату, гдѣ въ стѣнахъ сдѣланы углубленія, въ которыхъ хоронились тѣла умершихъ. Эти углубленія закрывались плитами съ рельефными портретными бюстами.

Первоначальное названіе Пальмиры было *Тадморъ*. Это былъ арамейскій городъ, лежавшій на главномъ караванномъ пути въ центральную и южную Месопотамію, служившій большимъ торговымъ складомъ и славившійся своимъ богатствомъ. Намъ этотъ городъ пустыни извѣстенъ съ III ст. по Р. Х. Но тогда уже городъ назывался не Тадморъ, а «Пальмира», — именемъ, возникшимъ лишь въ эпоху греческаго вліянія въ Сиріи. Въ III в. городъ со своей областью составлялъ республику подъ протекторатомъ Рима, во главѣ которой стоялъ *Одемаъ*. Послѣдній сражался на сторонѣ Рима противъ персовъ. Когда же онъ самъ захотѣлъ сдѣлаться царемъ и императоромъ, жители Пальмиры произвели возстаніе, жертвой котораго сдѣлался Одемаъ. Но властью завладѣла жена его *Зеновія*, и маленькое государство подъ ея управленіемъ достигло большого могущества. Зеновія захватила всю переднюю Азію и Египетъ въ свои руки и стала угрожать римскому императору *Авреліану*. Но послѣдній быстро положилъ конецъ ея царству. Онъ разбилъ войска Зеновіи, завладѣлъ столицей и взялъ царицу въ плѣнъ. Гордая, воинственная женщина, управлявшая большимъ царствомъ и сдѣлавшая свою столицу разсадникомъ греко-римской культуры, должна была идти за триумфальной колесницей цезаря въ Римъ.

То небольшое, что осталось теперь отъ Пальмиры, все-таки еще можетъ дать нѣкоторое понятіе о ея быломъ великолѣпіи. Среди изжелто-сѣрой, покрытой лишь камнями и мусоромъ равнины, стоятъ могучія развалины. Прежде всего, — величественный рядъ колоннъ перерѣзаетъ все пространство отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. По перерыву колоннъ по срединѣ ряда видно, что его пересѣкала въ вертикальномъ направленіи другой рядъ колоннъ. Всѣ прочіе остатки свидѣлствуютъ объ изумительной грандіозности построекъ. На мѣстѣ скрещенія тройнаго ряда колоннъ находился куполъ, подъ которымъ стояла статуя богини, покровительницы города. Главная аллея колоннъ вела къ большому храму солнца. Направо и налево отъ тройной колоннады стояли другіе храмы и дворцы. Боковыя улицы также были означены колоннами, подножія которыхъ еще выступаютъ изъ земли. На вершинѣ каждой колонны была фигура. На колоннахъ еще сохранились надписи, въ которыхъ выражается благодарность сената и города заслуженнымъ гражданамъ. Къ нѣкоторымъ именамъ присоединено какъ бы почетное званіе «благодѣтель каравановъ», что указываетъ на значеніе города, какъ большого торговаго центра. Окруженный колоннами рынокъ передъ храмомъ, рынокъ, къ которому стекались всѣ сокровища Востока: пурпурная шерсть Тира, благовонныя смолы южной Аравіи, драгоценныя камни Индіи и шелковыя ткани Китая, служилъ нагляднымъ показателемъ матеріальной культуры того времени, а великолѣпный храмъ бога солнца, давалъ мѣрило духовнаго уровня народа, хотя, впрочемъ, все это принадлежить уже къ довольно позднему времени; древній же Тадморъ былъ не

арабскимъ, а арамейскимъ городомъ. Поэтому особенно интересно было бы отыскать слѣды, указывающіе на вліяніе этой культуры на сѣверную Аравію. Но, къ сожалѣнію, даже и предположительно нельзя сказать, въ какомъ отношеніи къ арабской культурѣ стоялъ весь рядъ городовъ, лежавшихъ по старому торговому пути черезъ Сирію къ западной и южной Аравіи. Это были города *Гадара*, *Гераза*, *Востра* (впослѣдствіи столица римской провинціи «Аравія»), *Эзра*, *Шоба* и др. Всѣ эти мѣстности полны развалинъ римскаго стиля, и нынѣшнее населеніе еще живетъ частью въ древнихъ, изъ несокрушимыхъ квадратныхъ камней построенныхъ домахъ. Каменные двери, саркофаги, каменные плиты въ храмѣ, въ колоннахъ и на террасахъ, вотъ главные признаки, которые, несмотря на римскій стиль, указываютъ на азіатское происхожденіе построекъ. Другіе подобные же слѣды представляютъ собой вавилонскія пирамиды и надгробныя башни. И въ примѣненіи римскаго стиля въ могучихъ развалинахъ *Баалбека* въ Сиріи мы должны видѣть лишь новыя формы, выражающія древній духъ.

Баалбекъ представляетъ собой, не только глубоко-древнее мѣсто поклоненія богу солнца, но въ то же время содержитъ въ себѣ и грандіознѣйшій храмъ этого рода во всей Передней Азіи. О старомъ святилищѣ мы ничего, правда, не знаемъ, но можно предположить, что построенный *Антиономъ Пиемъ* (133—161 по Р. Х.) храмъ, остатки котораго мы еще имѣемъ передъ глазами, возведенъ былъ на древнемъ фундаментѣ. Нѣкоторую точку опоры для опредѣленія искусства древнихъ сирійскихъ зодчихъ представляютъ намъ тѣ огромные монолиты, которые введены въ оградную стѣну съ западной стороны храма. Это три гигантскихъ камня въ 20 метровъ длины, 4 метра высоты, и вѣроятно, такой же толщины. Такъ какъ они не составляютъ основу стѣны, а вдѣланы въ нее вертикально на 7 метр. высоты, то трудно понять, какимъ образомъ было возможно привести ихъ изъ каменоломенъ и поднять на такую высоту.

Баалбекъ по-гречески Геліополисъ — городъ солнца — получилъ своего главнаго идола бога Солнца изъ другого древняго города, гдѣ поклонялись богу Солнца, изъ египетскаго Геліополиса — Онъ; и когда пророкъ Амосъ говоритъ о «полѣ Авена», то подразумеваетъ Баалбекъ, такъ какъ Авенъ по-еврейски означаетъ городъ Солнца. Идолъ бога Солнца, подобный которому *Геліогабалъ* впослѣдствіи увезъ изъ Эмесы въ Римъ, представлялъ собою черный монолитъ, украшенный драгоценными камнями. При вѣздѣ въ Римъ этотъ идолъ стоялъ на колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми конями, которыми правилъ самъ императоръ. На Палатинѣ этому богу изъ Эмесы былъ воздвигнутъ храмъ. Ему служили жрецами члены римскаго сената въ азіатскихъ одеждахъ и женщины плясали вокругъ него.

Часть вторая

Циклъ культуры древне-арійскихъ народовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мидія.—Бактрія.—Иранъ.

Колыбель народовъ арійской расы стояла у истоковъ Оксеуса и Яксарта, въ Средней Азіи. Здѣсь, тѣ племена, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались всѣ народы Европы: германцы, кельты, греки, латиняне, славяне,

иранцы и индусы, жили въ довольно первобытномъ состояніи общественной, съ сильно развитой семейственностью въ патриархальномъ бытѣ.

Доказательствомъ тому служатъ языки этихъ арийскихъ народовъ. Ихъ сходство въ звуковомъ отношеніи и въ одинаковомъ выраженіи нѣкоторыхъ понятій показываетъ ихъ взаимное родство. Такъ, напримѣръ, возмемъ санскритское слово *svastar* (сестра) и сопоставимъ съ нимъ нѣмецкое—*Schwester*, возмемъ индійское же *mater* (мать) и припомнимъ слово *мать* на всѣхъ европейскихъ языкахъ: Mutter (нѣм.), mother (англ.), madre (итал. и исп.), mater (лат.), санскритское *brāthar* становится у европейскихъ народовъ словомъ *братъ*, *Brüder* (нѣм.), *brother* (англ.) и т. д.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ начала распадаться *первобытная арийская община* и отдѣльныя племена потянулись на западъ, гдѣ они получили свое историческое значеніе и свое культурное развитіе—исторія опредѣлить не можетъ. По нѣкоторымъ даннымъ мы можемъ заключить, что *иранцы* и *индусы* долѣе всего оставались вмѣстѣ, какъ, напримѣръ, по сходству именъ царей и боговъ въ Зендавестѣ и Ведахъ. Кроме того, оба народа поклонялись огню, свѣту. Страна *Ariana*, часть стараго Ирана, напоминаетъ древне-арійскую область въ Индіи, *Ariavarta*, т. е., «сборный пунктъ арийцевъ».

Въ древнѣйшія времена, задолго до появленія ассирийцевъ на высокомъ плоскогорьѣ, гдѣ берутъ начало Тигръ и Евфратъ, самой сильной державой была *Мидія*. Имя это скифскаго происхожденія и означаетъ просто «земля». И дѣйствительно, въ очень древнія времена большую часть ассирійской и затѣмъ персидской области занимали *скифы*. Они служили какъ бы стѣной, отдѣлявшей ихъ восточныхъ сосѣдей семитовъ, отъ обитавшихъ на западъ отъ нихъ арийцевъ.

Мы имѣемъ только одно письменное свидѣтельство относительно древнѣйшихъ событій въ Мидіи: это книга вавилонскаго жреца *Бероза* (около 330 г. до Р. X.), который говоритъ, что послѣ большого потопа, восемь мидійскихъ царей въ теченіе 224 лѣтъ господствовали надъ Вавилоніей. Предполагаютъ, что эти мидяне принадлежали къ арийскому племени. Иранскимъ же племенамъ востока въ раннюю эпоху удалось покорить и истребить вторгнувшихся изъ глубины Средней Азии и жившихъ по сосѣдству съ ними скифовъ. Геродотъ рассказываетъ о нѣкомъ героѣ, *Дейоки* (древне-иранскія сказанія называютъ его «повелителемъ демоновъ»), который отличался будто бы необыкновеннымъ мужествомъ, справедливостью и патриотизмомъ; онъ объединилъ свой народъ и освободилъ его отъ иноземнаго иранскаго ига.

Преемники его, *Фраортъ* и *Киаксаръ*, старались разрушить Ниневію, но были остановлены въ своемъ намѣреніи нашествіемъ скифовъ, которые, пришедши съ береговъ Каспійскаго моря, наводнили своими ордами всю Переднюю Азію. Киаксаръ хитростью отдѣлался отъ нихъ. Онъ пригласилъ ихъ предводителя *Мадіаса* со всѣми его полководцами на пиръ и, когда они перепились, приказалъ перебить ихъ. Лишенные своихъ предводителей дикія орды скифовъ, находившіяся въ Мидіи, не сумѣли оказать сопротивленія. Онѣ были также перебиты, выгнаны изъ страны или же обращены въ рабство. Тогда Киаксаръ обратился противъ Ниневіи. Мидяне и халдеи напали на древній городъ. Къ тому же, разлившійся Тигръ разрушилъ часть городской стѣны, и это облегчило работу осаждающимъ. Ниневія была взята и разрушена до основанія въ 625 г. до Р. X.

Проникнуть въ исторію первобытныхъ временъ Ирана очень трудно, такъ какъ прошлое его представляетъ собой перепутанный романтическими и фантастическими сказаніями героическій періодъ, единственнымъ историческимъ памятникомъ является *поэма*, написанная, къ тому же, уже въ

серединѣ X в. нашей эры—это знаменитое поэтическое произведеніе персидскаго поэта *Фирдуси*—«*Шахъ-Намэ*» (Книга царей). Въ этомъ произведеніи доисторическое прошлое персидскаго народа кажется волшебнымъ садомъ, въ которомъ историческія событія неразрывно связаны съ мифомъ.

Поэму Фирдуси можно раздѣлить на три большихъ цикла сказаній: героическій эпосъ древняго Ирана, греко-восточное сказаніе о Даріи и Александрѣ и мнѣшеская исторія Сассанидовъ.

Древнѣйшимъ царемъ Ирана по *Шахъ-Намэ* былъ *Гайомартъ*, жившій будто бы 2300 лѣтъ до Р. X. на священной горѣ Гаръ на южномъ берегу Каспійскаго моря, тамъ, гдѣ находилась древняя *Гирканія* (нынѣшнія провинціи Гиланъ и Мазендеринъ). Первымъ историческимъ лицомъ среди этихъ мнѣшескихъ героевъ является царь *Хаоміанхо*, который по преданію изобрѣлъ способъ добывать огонь и первый сталъ извлекать металлы изъ земли. Преемникъ его *Тахмурафъ* ввелъ поклоненіе звѣздамъ, придумалъ одѣваться въ звѣринныя шкуры, затѣмъ приручилъ домашнихъ животныхъ и, наконецъ, сталъ строить крѣпости. Онъ покорилъ мнѣшескихъ существъ, дивовъ, и заставилъ ихъ научить свой народъ письму.

Такъ какъ мнѣшескіе имѣютъ способность сокращать и удлинять по желанію время и пространство, то ходъ культуры Ирана дѣлаетъ невообразимые скачки. Такъ, напр., уже при преемникѣ Тахмурафа, *Джимъ* (Джемшидъ), культура страны достигаетъ высшей точки развитія. Во всѣхъ его предпріятіяхъ на пользу народа его сопровождаетъ необычайное счастье, но онъ лишается этого счастья по собственной винѣ, благодаря «живымъ рѣчамъ» и высокомерию. Онъ ставилъ самъ себя памятники и заставлялъ народъ преклонять колѣна передъ ними. Въ наказаніе царство его было отнято у него завоевателемъ семитическаго племени *Ази Дагакомъ* (Дейоки). Но отъ гибели спасся одинъ изъ потомковъ Джимы *Феридунъ*. Онъ выступилъ противъ «повелителя демоновъ» Ази Дагака и побѣдилъ его съ помощью кузнеца *Каве*, который приковалъ его къ скалѣ на Демавендѣ, высшей точкѣ на югѣ отъ Каспійскаго моря (близъ Тегерана). И теперь еще, когда бываетъ землетрясеніе, персы думаютъ, что это Дагакъ пытается оторвать свои цѣпи отъ скалы. Что этотъ кузнецъ былъ исторической личностью доказывается тѣмъ, что его кожаное знамя было персидскимъ знаменемъ до тѣхъ поръ, пока потеряно было въ битвѣ при Кадезинъ въ 636 г. по Р. X.

Границу между непрерывно враждовавшими странами, Ираномъ и Тураномъ, составляла рѣка Океусъ и тутъ, въ пограничной странѣ *Бактріи*, происходили кровавыя битвы, рѣшившія судьбу обоихъ народовъ. Подобный волшебному саду, обитаемому феями и демонами, театромъ рыцарскихъ подвиговъ и романтическихъ событій представляется намъ древній Иранъ со своими династіями героевъ. Отличительной чертой персидскихъ героическихъ сказаній является то, что дикая жажда борьбы часто превращается въ рыцарское служеніе женщинѣ. Благородное самопожертвованіе и рыцарскій духъ, совершенное отсутствіе корыстнаго себялюбія, коварства и двуличности напоминаютъ черты средневѣковаго рыцарства. Персы цѣнили человечность и великодушіе такъ же высоко, какъ храбрость и воинственность. Самыми прославленными правителями были не столько тѣ, которые больше всего перебили враговъ, сколько тѣ, которые были мудрыми и справедливыми правителями своего царства и щедростью и милосердіемъ составляли счастье своего народа. Сознаніе чести было развито въ высокой степени. «Книга царей» удостовѣряетъ въ томъ, что въ Иранѣ въ такіе времена, когда сосѣдніе народы находились еще въ глубокомъ рабствѣ, существовали уже законы о чести.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что женщины у персовъ полъ-

зовались большимъ уваженіемъ и что высшее образованіе и утонченная культура могли существовать одновременно. Поэтому и женщины большею частью, такъ или иначе, всегда принимаютъ участіе въ кровавыхъ распряхъ. Еще ранѣе *Заратустры*, который въ своихъ поученіяхъ признавалъ за женщинами права на почетное положеніе въ обществѣ, въ Персіи существовали между обоими полами отношенія болѣе благороднаго свойства, нежели гдѣ бы то ни было въ другихъ странахъ Азии. Исторія бактрійской династии Кайянидовъ переплетена событіями, въ которыхъ женщина представляется дающимъ импульсъ элементомъ. Героини персидскихъ поэмъ и сказаній можетъ быть никогда не жили на свѣтѣ, но, по всей вѣроятности, существовали личности, которыя служили образцами поэтамъ.

Перейдемъ теперь къ *Заратустрѣ*. Въ «Книгѣ царей» основатель религіи свѣта неожиданно появляется при дворѣ шаха. Онъ приходитъ къ нему со словами: «Я—пророкъ, я веду людей къ Богу». Затѣмъ онъ беретъ мѣдный сосудъ съ пылающимъ огнемъ и говоритъ: «Вотъ, что я принесъ изъ рая, и Господь сказалъ: признай эту вѣру, возьми эту землю и это небо, которую я создалъ безъ жизни и воды и сдѣлалъ ее тѣмъ, чѣмъ ты ее видишь» и т. д. Священную книгу *Авесту* Заратустра получилъ съ неба. Слово *Авеста* означаетъ «законъ», а принадлежащая къ ней книга комментаріевъ называется *Зендъ*. Отсюда получило названіе книги Заратустры *Зендавеста*. Отъ Авесты сохранились лишь небольшіе отрывки, написанные въ разное время; изъ нихъ наиболѣе важный *Вендидадъ* (законы жрецовъ), затѣмъ *Ясна*—гимны, раздѣленные на двѣ группы. Относительно времени возникновенія Авесты мнѣнія ученыхъ расходятся; самъ Заратустра многими считается мнѣической личностью; но проще всего предположить, что онъ былъ не основателемъ религіи, а скорѣе реформаторомъ, который передѣлалъ древнюю, съ теченіемъ времени искаженную религію.

Религія Авесты есть ученіе о вѣчной борьбѣ добраго начала со злымъ. Но это не наивная вѣра народа, а догматическія измышленія отдѣльнаго лица. Какъ повелитель надъ духами и надъ всѣмъ, что существуетъ, *Агура-Махда* (Ормуздъ) есть идеалъ высшаго совершенства, абсолютной чистоты, творецъ матеріальнаго міра, высшій законодатель, верховный жрецъ. Его окружаетъ сонмъ «безсмертныхъ святыхъ» (Амеша-Спента), число которыхъ—шесть, по числу божественныхъ его атрибутовъ.

Противоположность свѣтлому царству Агура-Махды составляетъ царство тьмы и его повелитель *Анро-Майніусъ* (Ариманъ—духъ зла). Онъ считается создателемъ всего дурнаго и вреднаго, поселяющимъ въ людяхъ ложь, сомнѣнія, лѣность и развратъ; онъ—отецъ всѣхъ пороковъ и грѣховъ. Въ то же время онъ посылаетъ на землю смерть и всякія несчастія, болѣзни, морозъ; онъ создатель вредныхъ гадюкъ, дикихъ звѣрей и т. п. Итакъ, мы видимъ, что по ученію Авесты вліянію господствующихъ сверхъестественныхъ силъ повинуются не только люди, но и природа со всѣмъ, что живетъ въ ней, и все существующее находится въ вѣчной борьбѣ между добромъ и зломъ. Между олицетвореніями первое мѣсто занимаютъ: «прекрасная дѣва», представляющая собой воплощеніе послѣ смерти души человѣка, творившаго при жизни только добрыя дѣла и «непотребная женщина»—олицетвореніе дурныхъ дѣяній человѣка послѣ его смерти. Добродѣтели олицетворялись добрыми геніями, а пороки—демонами.

Система Заратустры казалась слишкомъ отвѣченной персамъ, характеръ которыхъ располагалъ ихъ къ рыцарскимъ подвигамъ и къ смѣлымъ предпріятіямъ. Ихъ живому праву не соответствовали также тяжеловѣсныя ритуальныя формы богослуженія, превратившіяся въ шаблоны. Поэтому чистый монотеизмъ, въ который превратилъ Заратустра культъ Агура-

Махды, съ теченіемъ времени снова искажился и снова выступили на сцену старыя народныя божества Митра, Веретрагна, Тигитрина и т. д. Но моральное вліяніе религіи Заратустры на народъ несомнѣнно. Древніе персы стояли въ нравственномъ отношеніи несравненно выше ихъ нынѣшнихъ потомковъ.

Вторженіе арабовъ-магометанъ внесло въ Иранъ новый религіозный элементъ, и персы въ послѣдствіи сдѣлались столь фанатическими приверженцами новой вѣры, что стали неистово не только преслѣдовать тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые еще держались своей старой вѣры, но и истребляли всѣ старыя священныя книги. Такимъ образомъ, сохранилась лишь четвертая часть Авесты изъ временъ Сассанидовъ. Въ ней, кромѣ *Ясны*, литургическихъ мотивовъ для торжественнаго богослуженія, *Яштъ*—прославленія отдѣльныхъ геніевъ, *Вендидада*—законодательства для жрецовъ, заключается, такъ называемая, *Малая Авеста*—собраніе молитвъ, необходимыхъ каждому въ обыденной жизни. Къ сожалѣнію, всѣ сочиненія свѣтскаго содержанія весьма важныя для оцѣнки умственной культуры персовъ—философія, медицина, уголовное, гражданское и военное право—потеряны. До насъ дошли лишь отрывки и то въ позднѣйшей обработкѣ.

Древнѣйшая часть Авесты—«Гаты» даютъ намъ въ поучительной, сухой формѣ понятіе о нравственномъ чувствѣ и о высотѣ этической точки зрѣнія автора, въ особенности по отношенію къ чувству долга. Но всѣ поученія сводятся къ разсудочности. Божественный контроль надъ чело-вѣческими дѣяніями есть нѣчто въ родѣ бухгалтеріи, въ которой какъ «кредитъ» и «дебетъ» сопоставлены добрыя и злыя дѣла человѣка. Такое разсудочное ученіе могло дисциплинировать народъ, но не въ состояніи было зажечь искру религіознаго энтузіазма, и хотя личность основателя религіи могла увлечь за собой послѣдователей при жизни, но ученіе его не могло найти себѣ, подобно проповѣди Христа, ревностныхъ апостоловъ послѣ его смерти.

Культъ свѣта связанъ съ древнимъ культомъ природы не только поклоненіемъ огню, какъ лучшему благу, какое имѣетъ человѣкъ, но отождествленіемъ съ поклоненіемъ космическому источнику свѣта—*Солнцу*. Оно есть единственная животворная сила, передъ которой огонь имѣетъ лишь значеніе символа. Весь мазданический ритуалъ основанъ на этой точкѣ зрѣнія. Доказательствомъ того служить охраненіе святости огня отъ всякаго оскверненія дѣйствіями домашняго обихода. Съ этой цѣлью во всемъ Иранѣ на недоступныхъ мѣстахъ содержались, такъ называемые, «неугасаемые» или «священные огни», горѣвшіе въ особенно для этого построенныхъ храмахъ, при которыхъ содержались особенные жрецы огня (атравы).

Но значеніе этихъ «вѣчныхъ огней» основывалось не на обрядовой, ритуальной формѣ, но на томъ вѣрованіи, что они во время темноты замѣняютъ солнечный свѣтъ и прогоняютъ демоновъ. Безъ этихъ огней люди во время ночи подпадали бы неминуемо подъ власть демоновъ. Чтобы сохранить силу этихъ неугасаемыхъ огней, ихъ оберегали отъ соприкосновенія съ дневнымъ свѣтомъ и хранили въ темныхъ помѣщеніяхъ, куда никогда не проникалъ лучъ дневнаго свѣта. Святость этого огня была такъ велика, что служившіе ему жрецы надѣвали на руки перчатки и завязывали себѣ ротъ и носъ, чтобы своимъ дыханіемъ не осквернить пламени. Такіе алтари зажигались и на горныхъ вершинахъ, на открытыхъ мѣстахъ, но тамъ огни горѣли только ночью, на день же снова уносились въ закрытые храмы. Рядомъ съ святилищемъ, гдѣ горѣлъ огонь въ такихъ храмахъ, были помѣщенія, гдѣ совершались литургическіе обряды, предписанные ритуаломъ. Храмъ обыкновенно былъ окруженъ садомъ. Дрова, служившія для поддержанія священнаго огня, нельзя было брать руками: для этого существовали щипцы.

Культъ свѣта заключалъ въ себѣ поклоненіе также и другимъ источникамъ свѣта — *Лунѣ* и *Звѣздамъ*. Имъ поклоняются какъ существамъ, имѣющимъ вліяніе на извѣстныя явленія природы. Сиріусъ (Песъ), съ появленіемъ котораго начинается оживать растительность подъ вліяніемъ тепла и весеннихъ дождей, прогоняетъ по мазданическому вѣрованію демоновъ засухи, неурожая и голода. Лунѣ также приписывается благотворное вліяніе на растительность. Итакъ, свѣтъ считается источникомъ всякаго матеріальнаго блага, а не рождающей силой, въ противоположность силѣ разрушающей и, слѣдовательно, онъ не входитъ въ составъ того представленія, которымъ пропитаны семитическія религіи и которое выразилось въ культъ богини *Анаиты*.

Мазданизмъ имѣетъ по преимуществу религіозно-историческій интересъ, такъ какъ онъ отбросилъ наивныя представленія религіи обожанія природы и на мѣсто олицетворенія силъ природы выставляетъ атрибуты высшаго божества. Поэтому основу этой системы, въ которой прежніе боги лишены изъ божественности и вступили въ «Космическій кругъ дѣйствій», составляетъ уже *монотеизмъ*. Такъ какъ высшее существо, творецъ всего существующаго, не связанъ никакими узами съ созданнымъ имъ міромъ, то возникаетъ проблема, заключающаяся въ сущности дуализма, и возникаетъ вопросъ о происхожденіи злого существа (Аримана), которое не можетъ быть твореніемъ совершеннаго бога. Мы не знаемъ, какимъ образомъ «маги» разрѣшали этотъ вопросъ, такъ какъ относительно этого культа мы находимъ только одно указаніе у *Аристотеля* и *Эвдема*, а именно, что маги приняли за точку отправленія не созданное первичное существо, изъ котораго произошли добрый и злой духи. Позднѣйшее (сасанидское) воззрѣніе отождествляетъ это первичное существо съ *временемъ*, которое, такимъ образомъ, уже разсматривается, какъ «въ самомъ себѣ заключающееся» высшее существо, изъ котораго, какъ говорится въ *Авестѣ*, произошли эти первоначальные «духи—близнецы». «Эти стоящіе у точки отправленія мірозданія духи, «въ мысляхъ, въ словѣ и въ дѣлѣ являются двойственнымъ началомъ—добро и зло».

Но этимъ еще не объясняется, какимъ образомъ зло вошло въ міръ. И вотъ уже въ ассирійской космогоніи является божество «Заруана акорана» — великое всеобъемлющее первичное божество, которое на ассирійскихъ рельефахъ изображено въ видѣ парящаго генія въ кругѣ изъ крыльевъ. На этихъ крыльяхъ покоются двѣ головы: Ормуздъ и Ариманъ, оба *переходящіе въ свѣтъ божества*. Они только *переходятъ* въ другую сущность, ибо *сотвореніе* божества разрушило бы всю систему.

Чѣмъ первобытнѣе культурное состояніе народа, тѣмъ проще его нравственные запросы. Когда же это культурное состояніе съ прогрессивнымъ развитіемъ народа усложняется, то число такихъ случаевъ, когда совершаются проступки противъ религіи и долга, увеличивается. Первоначально простые законы морали, благодаря охранителямъ религіи, и, главнымъ образомъ, жрецамъ, усложняются, а чѣмъ болѣе они усложняются, тѣмъ выше поднимается уваженіе къ тѣмъ, которые создали эти законы, т. е., къ жрецамъ. Мазданизмъ обладаетъ такимъ сводомъ законовъ, — *Вендидадъ*, — который даетъ намъ нѣкоторое понятіе о культурномъ состояніи персовъ.

Въ жизни древнихъ народовъ совершенно отсутствуетъ свобода. Индивидуализмъ существуетъ еще какъ бы въ зародышѣ, эмансипація личности еще не совершилась. Вся жизнь находится въ оковахъ безапелляціоннаго, духовнаго или свѣтскаго авторитета. Такъ какъ фактора жизнеспособнаго прогресса не имѣется, столь важный законъ соответствія или согласія не можетъ имѣть мѣста. Основу этой общественной жизни со-

ставляетъ послушаніе и твердая вѣра въ необходимость его. Древне-азиатскіе народы не имѣли тѣхъ важныхъ мѣръ, которыми мы пользуемся въ современной жизни: свободный трудъ, справедливое государственное устройство, считающееся съ индивидуальностью, раціональное воспитаніе народа и наука, объясняющая намъ причины явленій.

Всего этого на азиатской почвѣ не было. Неудивительно поэтому, что нѣкоторые прославленные культурныя учрежденія оказываются иногда граничащими съ абсурдомъ по своей наивности. Законодатель производитъ иногда впечатлѣніе пьянаго человѣка, который натывается на всѣ углы и, въ концѣ концовъ, не понимаетъ: гдѣ онъ? какъ? что? и почему?

Но строгая дисциплина творитъ чудеса. Дѣтски-довѣрчивыя массы благоговѣютъ передъ безсмыслицей и находятъ совершенно понятнымъ то, что никто не можетъ понять. Нравственные законы, которые воспринять можно не умомъ, а только чувствомъ или инстинктомъ, не могутъ считаться продуктами культуры, а только ея зародышами.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ предписаній Вендидада. Такъ какъ по ученію мазданизма прикосновеніе къ трупу оскверняетъ, то погребеніе умершихъ обставлено было множествомъ церемоній. Прежде всего тѣло относятъ въ совершенно сухое мѣсто, лишнее всякой растительности, и тотъ клочокъ земли, на которомъ онъ лежитъ, символически отдѣляется отъ остальнаго міра проведенными вокругъ него глубокими бороздами. Затѣмъ начинаютъ отгонять трупную муху. Это злой демонъ женскаго пола, который, по повелѣнію Аримана, хочетъ овладѣть душой умершаго. Муху можно прогнать чтеніемъ молитвъ. Похороны совершаются въ особенныхъ построенныхъ для этой цѣли въ уединенной мѣстности башняхъ «дахма» («башня молчанія»), гдѣ тѣло глыстается на сѣденіе хищнымъ птицамъ. Чтобы очистить путь, по которому проносятся трупъ, позади похоронной процессіи ведутъ бѣлую или желтую собаку съ двумя пятнами надъ глазами. Собакѣ, вообще, приписывается способность чують близость злыхъ духовъ и прогонять ихъ. Замѣчательно то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ирана трупы сжигаютъ, хотя это по махданистскимъ вѣрованіямъ считается оскверненіемъ огня.

Но смерть еще не есть конецъ всего у вѣрующихъ въ Агура-Махду. По ученію мазданизма душа умершаго остается въ теченіе трехъ ночей близъ тѣла. Она погружена въ молитву и передъ нею проходятъ содѣянные ею при жизни поступки. Если это были злыя дѣла, душа томится въ большой тоскѣ, въ противномъ случаѣ она исполнена радостной надежды. Затѣмъ она вступаетъ на путь къ вѣчности. Дойдя до моста «Сиватъ», который «тоньше волоса и острѣе меча» для грѣшника, но широкъ для праведника, грѣшникъ скользитъ съ него и падаетъ въ текущій подъ мостомъ потокъ изъ расплавленнаго металла, въ которомъ очищаются дивы (геніи). Въ системѣ Заратустры существуетъ также воскресеніе изъ мертвыхъ. Но замѣчательнѣе всего, что въ его ученіи приводится предсказаніе изъ древнѣйшихъ временъ: изъ колѣна Заратустры родится пророкъ, Спаситель міра, рожденный отъ дѣвы сверхъестественнымъ образомъ: онъ будетъ способствовать воскресенію мертвыхъ. Тогда наступитъ судъ надъ этими бездушными тѣлами—эта часть ученія совершенно непонятна. Когда же всѣ вины искуплены, Богъ соединяетъ опять души съ тѣлами и всѣ живутъ вокругъ Всевышняго, въ блаженномъ состояніи; для нихъ уже нѣтъ ни мукъ ада, ни смерти.

Для персовъ система Заратустры была слишкомъ отвлеченна. Масса ея не понимала и въ болѣе или менѣе определенной формѣ склонялась къ древнему политеизму въ антропоморфической формѣ (т. е., въ олицетвореніяхъ), какимъ онъ выразился въ древнѣйшей части *Авесты*. Хотя это

только олицетворенія божественныхъ атрибутовъ, но для народа это ровно ничего не значить; онъ отвлеченностей не понимает и у него каждое изъ этихъ олицетвореній становится божествомъ, равнымъ высшему божеству.

Примѣромъ тому служить богъ *Митра*. Свиту Агура-Махды составляютъ шесть ангеловъ — *амшаспанды*. Къ нимъ присоединяются гении огня, воды, вѣтра, священнаго слова, истины, чистоты, искренности, побѣды и, наконецъ, звѣзда Песъ (Сириусъ), солнце и гений свѣта. Последний гений есть *Митра*. Въ противоположность дневному свѣтилу, онъ есть свѣтъ, проникающій все твореніе. Онъ же является посредникомъ между Богомъ и человекомъ. Понятно, что такія слишкомъ утонченныя разграниченія функций дневнаго свѣтила и гения свѣта сами собою исчезаютъ, они сливаются, и Митра становится богомъ солнца, и уже на монетахъ Сассанидовъ Митра является съ ореоломъ лучей вокругъ головы. *Культъ Митры*, смѣшавшись съ халдейскими и египетскими формами поклоненія богу солнца, проникъ въ религіозный циклъ понятій грековъ и римлянъ, у которыхъ приобрѣлъ новую форму *мистерій*. Митру же мы видимъ въ колоссѣ Родосскомъ, напоминающемъ, въ свою очередь, золотого колосса воздвигнутаго (по словамъ прор. Даніила) Навуходоносоромъ на полѣ Дурѣ близъ Вавилона, въ богѣ Эмесы и Баалбека, Гемополиса и Пальмиры. Какъ гений свѣта, — Митра побѣждаетъ быка, подобно тому, какъ богиня побѣды у грековъ, а въ Персеполѣ — «солнечный левъ» также убиваетъ быка. Всѣ эти мифы связаны съ *первобытнымъ быкомъ* Авесты. Этотъ же мифъ встрѣчается на множествѣ древнихъ алтарей и въ западныхъ странахъ, даже на Рейнѣ и Неккерѣ, куда культъ солнца былъ занесенъ римлянами. На этихъ алтаряхъ мы видимъ упавшаго быка, а на немъ стоитъ на колѣнѣ человекъ въ фригійскомъ колпакѣ и раздѣвающимся плащѣ, вонзающій въ него кинжалъ. Это Ариманъ, богъ зла, убиваетъ первое живое существо. Добрыя животныя (гении) — собака, пѣтухъ — и злые гении Аримана — змѣя, скорпионъ — борются изъ-за умирающаго быка. Но Ариманъ не достигаетъ цѣли. Ему не удастся истребить источникъ жизни. Изъ хвоста быка вырастаютъ хлѣбныя колосья, изъ его крови — виноградная лоза, изъ его роговъ — деревья, а изъ бока его выходитъ первый человекъ. Такимъ образомъ, создается миръ. Это представленіе о сотвореніи міра слишкомъ грубо, чтобы его можно было приписать Заратустрѣ. Она создалась, вѣроятно, среди бактрійскаго пастушескаго народа и, ради него, было принято Заратустрой въ его систему. Тамъ, за Бактріей, на вершинѣ индійской, уходящей за облака горы *Альбордизъ*, окруженный своими гениями, солнцемъ, луной и звѣздами, сидитъ на престолѣ во славу Агура-Махда. Отъ вершины его горы къ вѣчности переброшенъ мостъ. Для очищенія всего міра отъ грѣха Агура-Махда сплавить въ одно и гору и низменность, такъ что вся земля сдѣлается плоской, какъ доска.

Покончивъ съ религіозной системой Заратустры вернемся къ *Мидіи*. Тамъ, въ юго-восточномъ углу страны, гдѣ у подножія горы Эльвенда лежитъ городъ Хамаданъ, на высокомъ холмѣ видны разрушенныя стѣны и остатки круглой средневѣковой башни. На этомъ холмѣ стояла въ глубокой древности крѣпость *Дейока*, откуда онъ могъ наслаждаться видомъ, лежащей въ роскошной долині столицы своей *Экбатаны*. И теперь еще эта страна полна садовъ, орошаемыхъ живыми ключами, обѣгающими по глубокимъ скалистымъ складкамъ Эльвенда. Здѣсь въ Экбатанѣ персидскіе цари искали прохлады во время лѣтняго зноя. Слѣды ихъ пребыванія остались здѣсь въ видѣ надписей, прославляющихъ Ахеменидовъ, и туловища огромнаго льва, который нѣкогда стоялъ на воротахъ. Но гораздо болѣе важное значеніе имѣла крѣпость Дейока на холмѣ, о которой разсказы-

ваетъ *Геродотъ*. Замокъ Дейока былъ окруженъ семью концентрическими стѣнами. Изъ нихъ каждая, сообразно съ возвышающейся формой поверхности, возвышалась надъ предшествующей внѣшней стѣной. Нижняя стѣна, самая большая, равнялась стѣнѣ, аѳинскаго Акрополя. Зубцы этой первой стѣны были бѣлые, второй — черные, затѣмъ слѣдующіе пурпурные, голубые, свѣтло-красные — очевидно, изъ глазированнаго кирпича, — а двѣ послѣднія были — одна посеребренная, другая позолоченная. За этой послѣдней стоялъ дворецъ Дейока, абсолютно отдѣленный отъ остальнаго міра, въ томъ таинственномъ отчужденіи, которымъ окружало себя большинство азіатскихъ властителей, желая дать народу представленіе о своей божественной недоступности. Отъ этого мидійскаго двора персы заимствовали, кромѣ одежды и длинной мантии, весь придворный этикетъ. Мидійцамъ же образцомъ въ этомъ отношеніи послужила Ниневія.

Но мидійское могущество было недолговременно; оно продолжалось всего 128 лѣтъ, въ теченіе которыхъ на мидійскомъ престолѣ смѣнилось четыре царя: *Дейокъ*, *Фраортъ*, *Киаксаръ* и *Астиагъ*. Послѣдній отличался изысканностью восточныхъ деспотовъ и греколюбіемъ. Онъ самъ, повидимому, одѣвался какъ женщина, бѣлился, румянился, подводилъ глаза и брови, носилъ парикъ и украшалъ себя драгоценностями. Поэтому его побѣду надъ Лидійскимъ царемъ *Аліатомъ* слѣдуетъ, очевидно, приписать его полководцамъ. Астиагъ взялъ себѣ въ жены дочь покореннаго лидійскаго царя и отъ нея имѣлъ двухъ дочерей *Мандану* и *Амиитису*. Сынъ первой изъ нихъ, отданной замужъ за знатнаго перса, *Киръ*, сдѣлался великимъ завоевателемъ. Съ нимъ вступаетъ на историческую арену новый могучій факторъ, *Персія*. Персы были народъ отнюдь не похожій на привыкшихъ къ роскоши и изысканности мидянъ. Они пили только воду, были умѣренны въ пищѣ, носили платье изъ кожи, и Киръ нетрудно было поднять ихъ противъ всѣми презираемаго и ненавидимаго Астиага, который былъ побѣжденъ безъ труда.

Киръ, основатель династіи Ахеменидовъ, является самымъ могущественнымъ ея представителемъ. Это — фигура болѣе грандіозная, чѣмъ могущественнѣйшіе фараоны Мемфиса и Фивъ, чѣмъ воинственные цари Ассиріи и Вавилоніи. Киръ, завоевавъ Бактрію, уничтожилъ лидійское царство, но не убилъ и не замучилъ послѣдняго царя Лидіи, *Креза*, (какъ это дѣлали въ подобныхъ случаяхъ его предки и потомки), овладѣлъ Вавилономъ и проникъ въ Туранъ, такъ что «копье персидскаго царя» господствовало отъ Инда до береговъ Персидскаго залива. Столицей этого громаднаго царства былъ *Вавилонъ*, а не Суза или Экбатана, такъ какъ Киръ понималъ значеніе Вавилона, какъ центра громаднаго государства, надъ которымъ онъ царствовалъ.

Киръ вполне заслуживаетъ тѣ похвалы, которыми осыпали его не только его собственный народъ, видѣвшій въ немъ для себя отца, но и покоренные народы. Онъ лично остался вѣренъ своему въ высшей степени простому образу жизни; но, какъ властитель милліоновъ онъ сознавалъ, что господствовать надъ невѣжественными народами можно было только двумя способами: или внушая страхъ безграничной жестокостью, или удивленіе баснословнымъ внѣшнимъ блескомъ и великолѣпьемъ. При публичныхъ жертвоприношеніяхъ corteжъ царя состоялъ изъ многихъ тысячъ человекъ. Шествіе подвигалось между тысячами рядами воиновъ; во главѣ шествія жрецы вели священныхъ животныхъ для жертвоприношенія, за ними шли кони, посвященные богу солнца, затѣмъ ѣхала запряженная четырьмя бѣлыми конями великолѣпная колесница Агура-Махды; вслѣдъ за нею шествовали носители священнаго огня, а позади нихъ, на роскошной колесницѣ ѣхалъ самъ царь, по бокамъ колесницы шли копье-

носпы; далѣ вели великолѣпныхъ коней царя; шествиѣ замыкала цѣлая армія до 40,000 коннаго войска.

Киръ былъ не похожъ на другихъ азіатскихъ деспотовъ: онъ былъ великодушнѣе къ побѣжденнымъ врагамъ, сострадателенъ къ чужому несчастью и искренно желалъ добра своему народу. Онъ вывелъ своихъ персовъ изъ полудикаго состоянія, развили способности своего народа, внушилъ ему мужество и беззапятную храбрость. И странное дѣло: простая, скромная личность этого могущественнѣйшаго владыки Азіи, его строгая нравственность, справедливое управленіе не дали развиться вымыслу, и никакая легенда не окружаетъ этого великаго царя-героя. Все въ его жизни и въ его управленіи ясно и правдоподобно: его царство не создано демоническихъ силъ, а твореніе желѣзной воли человѣка въ союзѣ со здравомыслиемъ, простымъ и сильнымъ народомъ. Только вокругъ рожденія и дѣтства образовались сказанія; о смерти его никому въ точности не извѣстно. По Ктесію, Киръ палъ въ битвѣ съ массагетами отъ руки царицы ихъ—Томирисы; по Ксенофону же, онъ умеръ естественной смертью въ Персіи. Соединяя оба эти разногласія, позволительно составить такое предположеніе, что Киръ умеръ на родинѣ отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ съ туранцами. Киръ царствовалъ отъ 559 до 529 г. до Р. Х.

Двухсотлѣтнее владычество Ахеменидовъ имѣетъ большое значеніе для общихъ культурныхъ условій, вслѣдствіе сильнаго столкновенія *азиатскаго міра съ эллинскимъ*. Западъ и Востокъ пришли въ соприкосновеніе, и міровоззрѣніе восточныхъ и западныхъ народовъ значительно расширилось. Азія и Европа помѣнялись ролями. Какъ прежде вліяніе азіатской культуры распространилось на западъ, такъ теперь, съ побѣдами *Александра Великаго*, эллинская культура и эллинскій духъ проникли въ древнія государства азіатскихъ деспотовъ.

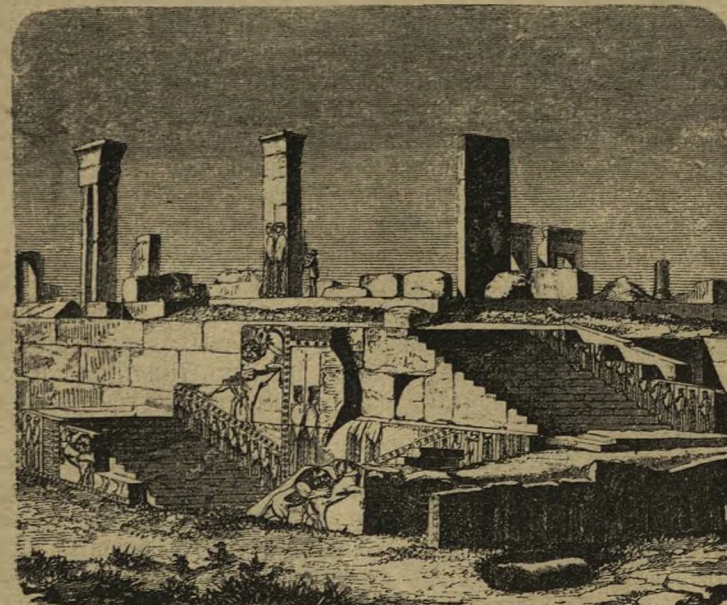
Но это случилось уже гораздо позже. При смерти же Кира царство его было отлично организовано какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Громадное, хорошо организованное персидское войско покорило почти весь тогдашній міръ и приносило изъ своихъ походовъ несметныя богатства на родину. Цари персидскіе украшали свои дворцы въ Сузѣ, Персеполѣ и Экбатанѣ образцами чужеземнаго искусства, которое развивалось здѣсь далѣе подъ вліяніемъ ассирио-вавилонскихъ художественныхъ произведеній.

Преемникомъ Кира былъ его сынъ *Камбизъ* (Камбуджа). Онъ еще болѣе расширилъ свое царство, завладѣвъ Финнікей, Кипромъ и Египтомъ, но онъ не обладалъ государственнымъ умомъ своего отца и не понималъ, что эти пріобрѣтенія были бесполезны для Персіи, такъ какъ нарушали ея единство. Убіеніе брата его *Смердиса* (Бартин) было совершенно ненужнымъ. Послѣ покоренія Египта, Камбизъ тотчасъ же надвѣлся на свою голову корону фараоновъ. Киръ никогда не сдѣлалъ бы этого изъ политическаго такта, Камбизъ же задумывалъ еще подчинить себѣ Абиссинію, соорудить флотъ противъ Карфагена. Но это предпріятіе уже переходитъ за предѣлы возможнаго и достижимаго. Кромѣ того, долгое отсутствіе царя принесло большой вредъ единству и могуществу его царства. Покоренные Киромъ народы только ждали случая, чтобы разрушить зданіе, построенное великимъ царемъ. И вотъ, посреди приготовленій къ дальнему походу, до Камбиза доходитъ извѣстіе о томъ, что на родинѣ появился лже-Смердисъ, т. е., выдававшій себя за убитаго брата самозванецъ *Гаумати*. Камбизъ спѣшилъ домой, но по дорогѣ, получивъ еще какое-то тревожное извѣстіе, не находитъ ничего лучшаго, какъ лишить себя жизни.

Наслѣдникъ его престола, *Дарій I* (521—485), поневолѣ долженъ

былъ продолжать завоеванія, такъ какъ тотчасъ же увидѣть, что отказаться отъ начатыхъ Камбизомъ предпріятій и сойти съ начертаннаго имъ пути не такъ-то легко. Поэтому-то онъ и рѣшился завоевать эллинское царство. Планъ этотъ вовсе не былъ столь безумнымъ, какъ это могло бы показаться на первый взглядъ. Греческія колоніи на малоазійскомъ берегу и такъ уже были подвластны Персіи, и планъ завоевать Грецію для объединенія ея съ береговыми странами напрашивался самъ собой. Съ другой стороны, Дарій рассчитывалъ въ то же время покорить жившихъ на сѣверѣ отъ Чернаго моря скифовъ, которые постоянно беспокоили его границы.

Но на этотъ разъ гроза, висѣвшая надъ Греціей, еще не разразилась. Дарій, перейдя Босфоръ, хотѣлъ, прежде всего, нанести смертельный ударъ скивамъ; но ударъ чуть не обратился противъ него самого и во всякомъ случаѣ пролетѣлъ мимо. Скифы на своихъ быстрыхъ степныхъ коняхъ заманивали персовъ все далѣе и далѣе въ безлюдныя и безплодныя равнины и не многого не хватило, чтобы все персидское войско не погибло въ степяхъ. Дарій вернулся домой ни съ чѣмъ и въ теченіе цѣлаго ряда годовъ занимался только организаціей своего царства. Онъ раздѣлилъ его на «сатрапіи», которыми управляли облеченные почти неограниченной властью «сатрапы», (намѣстники или генералъ-губернаторы), большую часть туземные князья этихъ нѣкогда завоеванныхъ странъ. Дарій установилъ единство монетной системы и организовалъ почту, которая, впрочемъ, существовала и правильно функционировала уже при Кирѣ, который и былъ первымъ учредителемъ *государственной почты* на Востокѣ. Отъ этой мирной дѣятельности Дарій былъ отвлеченъ возстаніемъ греческихъ колоній въ Малой Азіи. Дарій во второй разъ перешелъ Босфоръ; но побѣда *Мильтиады* на Марафонскомъ полѣ (490 до Р. Х.) снова отбросила Дарія въ Азію. Въ третій разъ персы пришли въ Грецію уже подъ предводительствомъ преемника Дарія, сына его *Ксеркса I* (485—463).

Развалины дворца Ксеркса въ Персеполѣ.

Ксерксъ, вѣровавшій въ одно первичное всеобъемлющее божество, въ грѣхопаденіе ангеловъ и первыхъ людей, въ пришествіе Мессіи и въ

воскресение мертвых для страшного суда, Ксерксъ, который въ воспоминаніе о пророкѣ Хомѣ устанавливаетъ нѣчто въ родѣ причащенія подобными видами, несомнѣнно могъ сказать по отношенію къ статуямъ греческихъ боговъ приписываемыя ему историками слова: «все это идолы нечестивые, сшибите имъ головы и сожгите ихъ храмы!» О грандіозности замысла Ксеркса свидѣтельствуетъ то миллионное войско, которое перешло вмѣстѣ съ нимъ Геллеспонтъ. Онъ сознавалъ, что Греція отдѣляетъ его отъ Европы, и хотѣлъ уничтожить эту преграду. Недаромъ еще Дарій приказалъ сдѣлать топографическій снимокъ съ итальянскихъ береговъ и врядъ-ли онъ сдѣлалъ это ихъ чисто-научнаго любопытства.

Однако, и грандіозный планъ Ксеркса потерпѣлъ неудачу. *Саламинъ* (480), *Платея* (470) и, наконецъ, *Микале* рѣшили участь южной Европы. Она не досталась персамъ—азиатскій народъ былъ отброшенъ въ Азію. Весь античный міръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся наша цивилизація избѣгли вліянія восточной культуры. То, что слѣдуетъ за Ксерксомъ—не болѣе, какъ тѣнь Ахеменидовъ. Уже *Артаксерксъ I* (465—425) съ трудомъ могъ удержать царство отъ распада. Зато онъ привелъ въ порядокъ разстроенные предпріятіями Ксеркса финансы, отмѣнилъ многія злоупотребленія и учредилъ порядокъ въ государственномъ управленіи. Преемниковъ его можно пройти молчаніемъ. Послѣднимъ Ахеменидомъ былъ *Дарій III Кодаманъ* (336—330)—трагическая фигура въ кровавой драмѣ паденія персидскаго царства. За дѣянія своихъ предшественниковъ ему пришлось расплатиться цѣною своего царства и своей жизни. Юный македонскій герой, *Александръ*, въ своемъ побѣдоносномъ шествіи разрушалъ царства, какъ карточные домики. Въ трехъ кровопролитныхъ битвахъ (при Граникѣ, Иссъ и Гавгамелѣ) онъ уничтожилъ несмѣтныя полчища персовъ. Древнія столицы Востока открываютъ передъ нимъ ворота, и великолѣпный Персеполь, въ видѣ факела, освѣщаетъ своимъ пожаромъ роскошный пиръ Александра. Вообще, походъ Александра представляетъ собой грандіознѣйшую эпопею, которую когда-либо создавала исторія человечества, эпопею фантастическую, полную воинственнаго романтизма. Центральной фигурой этого удивительнаго триумфальнаго шествія является юный красавецъ въ серебряномъ шлемѣ и блестящемъ золотыми украшеніями панцырѣ. Онъ всегда первый въ битвѣ, послѣдній при отдыхѣ послѣ невѣроятныхъ усилій, заносчивый до безумія въ гнѣвѣ, щедрый до безразсудства при награжденіи за услугу. Вѣтреный или вѣрный, какъ найдетъ на него, тщеславный въ высшей степени, а между тѣмъ, простой въ своихъ личныхъ потребностяхъ, какъ послѣдній изъ своихъ солдатъ. Таковымъ представляется намъ, въ общихъ чертахъ, обликъ Александра.

Царство Ахеменидовъ не имѣло непосредственнаго вліянія на развитіе культуры человечества. Царство это расцвѣло и увяло на почвѣ Азіи, какъ нѣкая элементарная сила, безъ обычныхъ культуръ ступеней развитія. То, что разомъ создалъ одинъ человекъ (Киръ), то разомъ же какъ бы за одну ночь и погибло при его все еще могущественномъ походе, Кодаманѣ.

Тѣмъ не менѣе, этотъ большой отдѣлъ всемірной исторіи представляетъ собой громадный культурно-историческій интересъ, такъ какъ онъ служитъ подтвержденіемъ того основнаго принципа, что безъ правильной оцѣнки человѣческихъ правъ, безъ гуманности и безъ развитія индивидуальности путемъ государственныхъ учрежденій, основанныхъ на человѣческомъ достоинствѣ, не можетъ развиваться высокая духовная культура, — иными словами: азиатскій деспотизмъ здѣсь, какъ и въ другихъ позднѣйшихъ странахъ, не могъ выполнить задачу, удовлетворительное рѣшеніе которой лежитъ внѣ окружающей его стѣны изъ жѣлѣза и крови.

Геніальный умъ Кира могъ своею собственною силой замѣнить всѣ необходимыя факторы развитія государственной жизни, но не въ состояніи былъ направить національный духъ на другіе пути. Религія свѣта Заратустры, слишкомъ отвлеченная для массы, потеряла свое прежнее гуманное значеніе, а божественная сила утратила свое значеніе передъ немѣримымъ гигантскимъ самопфнѣемъ земныхъ властителей, непрестанно, на надписяхъ и изображеніяхъ на памятникахъ и скалахъ выставившихъ на видъ безвольной и неразвитой народной массѣ свое богоподобное могущество и свою безграничную власть.

Ассирійскій деспотизмъ такъ же, какъ и персидскій, ничего не оставилъ, кромѣ слѣдовъ крови, послѣ себя. Если кое-гдѣ въ исторіи Ахеменидовъ и проскальзываютъ свѣтлые лучи, то только по контрасту между мрачнымъ семитическимъ духомъ и болѣе свободнымъ духомъ арійцевъ. Замѣчательно, что греческіе писатели нерѣдко высказываютъ не только одобрителное сужденіе относительно нѣкоторыхъ учрежденій Ахеменидовъ, но и выражаютъ свое удивленіе имъ.

Большой вредъ государственному строю всѣхъ деспотическихъ государствъ Востока приносятъ гаремы. Почти все царствованіе династій Ахеменидовъ полно дворцовыхъ интригъ, убійствъ, отравленій, прощень алчныхъ или честолюбивыхъ женщинъ. Умный Дарій потому только возилъ за собой во время парадовъ свой гаремъ, чтобы отнять у этихъ «звѣздъ Востока» возможность интриговать во время его отсутствія. Великолѣпный поѣздъ гарема открывали роскошныя колесницы царицы—матери и царицы—супруги, прочія жены и женская свита слѣдовали верхами на чудныхъ коняхъ. Дѣти же со своими воспитателями и принадлежащая къ гарему прислуга ѣхали въ носилахъ, которыя несли мулы. Шествіе замыкала охрана изъ конныхъ стрѣлковъ.

Сокровища и драгоценности гарема были неисчислимы, роскошь, какою окружали себя эти повелительницы гарема, была неопишима; но зато ничто не могло также сравниться съ ними въ искусствѣ вести интриги и составлять заговоры. Для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей эти женщины не останавливались ни передъ чѣмъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нравственность должна была падать все болѣе и болѣе. Ужасная злодѣйства *Паризакисъ*, сестры супруги Дарія II, даже на Востокѣ являются чѣмъ-то неслыханнымъ. И цѣлыми десятилетиями женщины гарема бывали руководительницами самыхъ позорныхъ дѣяній.

По этому поводу мы должны коснуться одной весьма важной области, а именно: *правовыхъ отношеній*, о которыхъ памятники, относящіеся къ эпохѣ Ахеменидовъ, даютъ намъ достаточно подробныя и опредѣленные свѣдѣнія. Верховная судебная власть находилась въ рукахъ царя, который держалъ свой судъ въ Персеполісѣ. Кромѣ того, функционировалъ еще, такъ называемый, царскій судъ изъ семи членовъ, который сопровождалъ царя во всѣхъ его походахъ. Судъ считался неподкупнымъ и безпристрастнымъ, но отличался невѣроятной жестокостью наказаній. Провинившимся отрѣзывали какую-нибудь часть тѣла, поджаривали на угольяхъ, зарывали живыми въ землю, раздавливали голову между

Изображеніе персидскаго царя. Рельефъ изъ Муграба.

двухъ камней, пилили, сажали на колъ, выкалывали глаза, вливали расплавленный свинецъ въ уши, выставляли на съѣденіе насѣкомымъ или совершали надъ ними еще многія тому подобныя звѣрства. Расходы на громадный штатъ и роскошь двора покрывались *податями*.

Подати же (по свидѣтельству Геродота) давали государству сравнительно съ тогдашней стоимостью денегъ несравненно большую сумму

Персидскіе чиновники, придворные и т. д.

Персидское войско.

дохода, чѣмъ въ настоящее время любая изъ великихъ державъ. Большую часть этихъ суммъ поглощало содержаніе двора и *войска*. Кромѣ персидскихъ войскъ, содержались еще за высокую плату цѣлыя арміи наемниковъ. Какое невообразимо пестрое зрѣлище представляло собой подобное войско можно судить по геродотову описанію войска Ксеркса. Ассирійцы съ утыканными острыми палицами, бактрійцы съ обоюдо-острыми топорами, индійцы съ лукомъ и стрѣлами, одѣтые въ звѣриныя шкуры афганцы, татуированные нубійцы въ пантеровыхъ шкурахъ, армяне и фригійцы со сплетенными изъ ремней шлемами на головахъ, еракійцы въ пестрыхъ плащахъ и въ лисьихъ шапкахъ, съ метательнымъ копьемъ и ножомъ, халибы съ рогатыми шлемами, саргаты съ арканами, арабы на верблюдахъ, ликійцы, киликійцы, табарены, макроны, саспиры, мары, колхи, паритане, всевозможные народы въ невообразимо разнообразныхъ одѣяніяхъ. Все это представляло собой такое зрѣлище, какъ будто всѣ народы земли сошлись сюда, чтобы составить кортежъ «повелителя міра».

Надписи Дарія составлены на *трехъ языкахъ*: на вавилонскомъ, мидо-скиѣскомъ и персидскомъ и изображены клинообразными письменами. Извѣстно, что прочтеніе персидскаго текста послужило основой для изученія всѣхъ клинообразныхъ надписей. По этой надписи прочитаны были и обѣ другія.

Персы, принявъ отъ ассиро-вавилонянъ ихъ политическое наслѣдіе, переняли въ то же время и *искусство* покоренныхъ семитическихъ народовъ; но, разумѣется, это искусство все-таки подверглось ихъ собственному древнеарійскому вліянію, въ особенности въ архитектурѣ, которая принимаетъ болѣе легкія и граціозныя формы въ сравненіи съ тяжеловѣснымъ формализмомъ искусства, стоящаго въ тѣсной связи съ египетскимъ. Въ изображеніи фигуръ замѣчается то, что у

Могила Кира.

фасе, а бокомъ, но глазъ все еще посаженъ прямо. Тѣла животныхъ, хотя по силѣ мускуловъ и напоминаютъ ассирійскіе образцы, однако, трактованы уже съ большимъ чувствомъ мѣры и въ анатомическомъ отношеніи съ болѣею точностью. Въ болѣе позднее время замѣтно неоспоримое вліяніе эллинскаго искусства. Обѣ архитектурѣ древнихъ персовъ даютъ намъ понятіе нѣкоторыя развалины храмовъ и высѣченныя въ скалѣ гробницы царей. Древнѣйшая постройка Ахеменидовъ—это, такъ называемая, «гробница Кира»: на семи громадныхъ ступеняхъ пирамиды стоитъ небольшой домъ съ покатою крышею. Вся постройка исполнена изъ бѣлаго мрамора въ несомнѣнно вавилонскомъ стилѣ. Памятникъ находится на мѣстѣ Пасаргадѣ, гдѣ Киръ одержалъ побѣду надъ мидянами и стряхнулъ съ себя ихъ иго. Позднѣйшіе цари здѣсь получали какъ бы посвященіе. Они надѣвали на себя въ высшей степени простое платье Кира и выпивали чашу молока въ воспоминаніе о простой жизни персовъ. Небольшой склепъ, находящійся въ вышеупомянутомъ домикѣ, заключалъ въ себѣ гробницу съ золотымъ гробомъ Кира, столъ съ кубками, множество ковровъ, оружія и всякихъ драгоценностей, но уже Александръ нашелъ склепъ ограбленнымъ. Прежде мавзолей былъ окруженъ паркомъ, теперь здѣсь совершенная пустыня.

Въ скалѣ Накшъ и Рустемъ (близъ Персеполиса) высѣчены гробницы еще четырехъ другихъ Ахеменидовъ. На краю равнины, простирающейся близъ устья Мургаба, лежитъ громадная дворцовая терраса. О грандіозности ея построекъ свидѣлствуютъ еще высокія тонкія колонны съ кистеобразными капителями, рельефы на стѣнахъ, громадная лѣстница съ такими низкими и широкими ступенями, что по нимъ могли безъ труда подниматься лошади, и фигуры животныхъ—большую частью львы и быки. Къ сожалѣнію, и здѣсь все тѣ же условныя изображенія царя, борющагося со звѣремъ Аримана—чудовищемъ съ рогатою головою, спиною покрытою перьями, львиными лапами и хвостомъ скорпіона. Историческихъ изображеній, какія мы находимъ въ ниневійскихъ дворцахъ и представляющихъ собой цѣнное дополненіе къ историческимъ документамъ, въ Персеполисѣ совершенно не встрѣчается.

Царь въ борьбѣ со «звѣремъ Аримана».

Тѣмъ не менѣе, изъ сравненія персидскаго искусства съ ассирійскимъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: персидское уступаетъ ассирійскому въ богатствѣ историческихъ мотивовъ, зато по отношенію къ истиннѣ и техническому выполненію первое далеко опередило послѣднее. То, что въ ассирійскихъ изображеніяхъ еще неестественно, слабо, безпомощно по выполненію, то въ рукахъ персидскихъ мастеровъ сдѣлало несомнѣнные успѣхи. Этотъ процессъ развитія искусства можетъ быть представленъ тремя наглядными примѣрами. На египетскихъ изображеніяхъ рука не закрывается въ кулакъ. Аммонъ вовсе не держитъ свой бичъ: онъ лежитъ на поверхности его протянутой руки или виситъ надъ нею въ пространствѣ. На ассирійскихъ изображеніяхъ рука хотя и закрывается, но сдѣлана очень грубо. Совершенно иначе трактуютъ руку персы—рисунокъ и моделировка художественны и близки къ природѣ.

Сасаниды.

Изъ исторіи извѣстно, что тотчасъ по смерти Александра громадное азіатское царство его распалось: съ одной стороны, туземные мелкіе владѣтели успѣли сбросить съ себя македонское иго и освободиться, съ другой стороны, полководцы Александра принялись рвать на части владѣнія своего умершаго повелителя. Во время всѣхъ этихъ смутъ сатрапы Бактріи Диосотъ воспользовался царствовавшимъ беспорядкомъ и сдѣлался полновластнымъ государемъ Бактріи. Въ это же время царь Парей Арсакъ задумалъ освободить Иранъ отъ чужеземнаго владычества и возстановить монархію Ахеменидовъ.

Паряне были въ высшей степени воинственнымъ, закаленнымъ въ бояхъ народомъ, не отступавшимъ ни передъ какими опасностями и затрудненіями въ войнѣ. Этотъ полудикій народъ, покорилъ бактрійскаго сатрапа и, завладѣвъ Бактріей, пришелъ въ столкновеніе съ изощренными въ военномъ искусствѣ римлянами. И вотъ, случилось нѣчто совершенно неожиданное: все военное искусство римлянъ, покорившихъ почти весь извѣстный въ то время міръ, оказалось безсильнымъ противъ искусства паряней. Несмѣтные, одѣтые въ металлическіе панцири полчища этихъ всадниковъ и летящіе безъ промаха стрѣлы паряней, пронизывавшія свою цѣль насквозь или крючьями вонзавшіяся въ тѣло, истребляли цѣлыя арміи римлянъ. Страна была залита потоками крови и слезъ, неслыханныя избіенія, пожары, грабежи и прочіе спутники войны превратили цвѣтущія страны въ пустыни. И каковъ былъ конецъ этой продолжавшейся три столѣтія борьбы? Побѣдителями остались паряно.

Персидскіе всадники въ панцирѣхъ вѣмевъ Сасанидовъ. Персидская поэма, *Шахъ-Намэ* почти ни слова не говоритъ о владычествѣ парянской династіи, которое продолжалось, однако, вдвое больше противъ царствованія Ахеменидовъ, и довольствуется только замѣчаніемъ, что эта эпоха не оставила слѣдовъ послѣ себя. Это умолчаніе можно объяснить только тѣмъ, что парянскіе цари не были національно—персидской династіей.

Всѣ парянскіе цари носили имя Арсакъ съ прибавленіемъ своего собственнаго имени. Послѣднимъ царемъ этой династіи въ Персін былъ *Арсакъ XXXI Артабанъ IV*, съ нимъ окончилось господство паряней.

Персидская колесница (съ серпами) въ сраженіи.

благодаря пробужденію персидскаго національнаго духа. Одинъ изъ персидскихъ князей, *Ардеширъ I Папеканъ*, овладѣлъ персидскимъ престоломъ и началъ собою династію *Сасанидовъ*. Съ воцареніемъ Ардешира, Парей исчезаетъ изъ исторіи, а слава Персін достигаетъ новаго расцвѣта. Изъ выдающихся царей династіи Сасанидовъ слѣдуетъ назвать *Шапура I*, побѣдившаго римскаго императора Валеріана. Онъ долго держалъ его въ плѣну и, наконецъ, умертвилъ. Изъ послѣдующихъ царей наиболѣе замѣчательнымъ былъ *Шапуръ II*, царствовавшій 70 лѣтъ. По особенной популярности

Персидская придворная стража.

Персидскіе придворные.

пользовался прославившійся въ стихахъ и прозѣ царь *Варахранъ I*, сдѣлавшійся чѣмъ-то вродѣ народнаго героя. Про него ходило множество разсказовъ и анекдотовъ. Его любовныя приключенія, вся его беззаботная, наполненная удовольствіями жизнь отразилась въ литературѣ того времени. Варахранъ страстно любилъ охоту, и эта страсть сдѣлалась его погибелью. Однажды, преслѣдуя дикую козу въ глубокой долинѣ, простирающейся между Непаганью и Ширасомъ, Варахранъ вмѣстѣ съ конемъ слетѣлъ въ пропасть и исчезъ безъ слѣда. Изъ сочиненій одного армянскаго писателя Элиши, мы узнаемъ кое-что о семейномъ бытѣ персидскихъ вельможъ. Жены сатраповъ и другія знатныя женщины, пишетъ онъ, въ отсутствіи своихъ мужей облакались въ глубокій трауръ. Онѣ спали вмѣстѣ со своими служанками на землѣ, подставлявъ подъ себя коричневый матъ и подложивъ черную подушку подъ голову. Имъ не подавалось отличнаго отъ другихъ кушанья, какъ это въ обычаѣ у знатныхъ. Никто (передъ тѣлою) не поли-

валъ имъ руки водой, женщины не подавали имъ тонкихъ полотенецъ (для вытиранья), онѣ не употребляли мыла и (благовоннаго) масла въ знакъ веселья; передъ ними не стояли драгоценные сосуды или роскошные кубки, у воротъ не стояли слуги, вводящіе гостей, и знатныя лица не приглашались въ домъ. Балдахины и постели молодыхъ женъ были покрыты пылью, ихъ прелестные сады высыхали и цвѣты блекли, виноградныя кисти были оборваны; ихъ драгоценныя украшенія и все ихъ имущество конфисковывалось, такъ что у нихъ не было даже ни одного драгоценнаго камня, чтобы украсить свое чело».

Самымъ выдающимся царемъ династїи Сасанидовъ былъ *Хозру Нуршиванъ*. Персидскіе писатели говорятъ о немъ, что это былъ государь, который ставилъ величіе и благоденствіе своего государства выше всѣхъ

Царь Хозрой и Ширинъ.

личныхъ своихъ интересовъ. Онъ устранилъ нищенство, приучилъ людей къ труду, выдавалъ вспомошествованіе изъ своихъ частныхъ средствъ, дарилъ крестьянамъ зерно на обмененіе и т. д. Нуршиванъ покровительствовалъ также наукамъ. Греческіе ученые встрѣчали радушный приемъ при его дворѣ, и сочиненія ихъ переводились на персидскій языкъ (соч. Аристотеля и Платона). Впослѣдствіи эти сочиненія были переведены на арабскій языкъ въ эпоху сасанидскаго халифата, такъ что персидскимъ князьямъ мы обязаны тѣмъ, что сохранилось драгоценное наслѣдіе классической учености. Правда, что многое изъ этихъ работъ потеряно, но многое также и спасено было позднѣйшими послѣдователями зороастризма, парсами. Сюда принадлежитъ прежде всего переводъ Авесты на языкъ пелеви. Врачу Нуширвана, *Барзуда*, мы обязаны переводомъ сборника индійскихъ сказокъ «Калилава Димна». Это такая литературная сокровищница, которой въ теченіе столѣтїя всѣ цивилизованные народы пользовались, какъ источникомъ фантазіи для своихъ сказокъ, басенъ и повѣстей. Немногимъ, вѣроятно, извѣстно, что наши дѣти въ своихъ сказкахъ и побасенкахъ читаютъ произведенія индійской фантазіи или что драматическіе мотивы Шекспира и Гете возникли подъ пальмами Индостана. Династія Сасанидовъ угасла въ 651 г. до Р. Х.

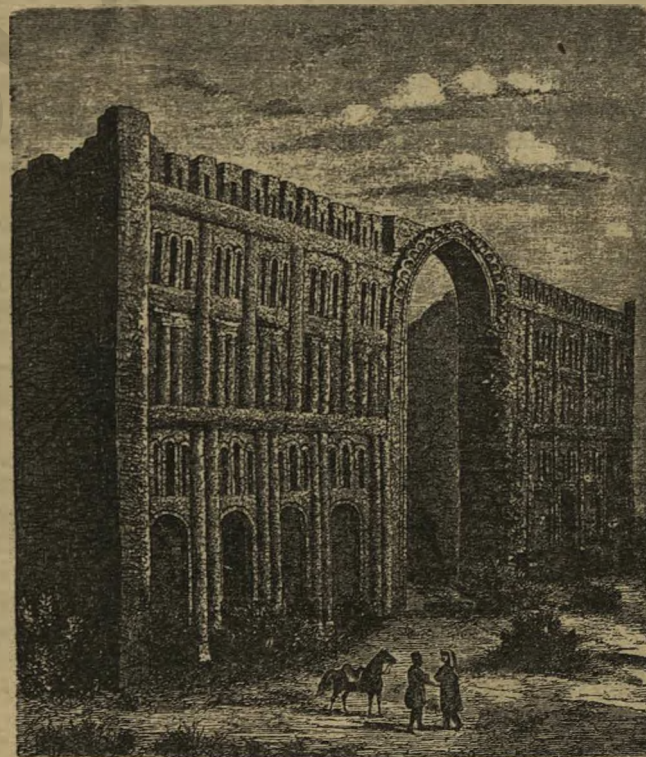
Духовно-культурное наслѣдіе Сасанидовъ выразилось въ произведеніяхъ литературы языка пелеви. Это средне-персидское нарѣчіе, письма котораго представляютъ собой подражаніе арамейскимъ. Въ послѣднее же время было высказано предположеніе, что письма пелеви есть только развитіе древнѣйшаго персидскаго письма, еще болѣе древняго, чѣмъ клинообразныя письма.

Дошедшія до насъ письма до магометанскаго періода персовъ суть (кромѣ клинообразныхъ писемъ) надписи Сасанидовъ, надписи на языкъ пелеви и надписи Авесты. Всѣ три рода писемъ имѣютъ одинъ основной типъ, но въ Авестѣ главныя выраженія яснѣе, чѣмъ въ другихъ. Благодаря монетамъ Сасанидовъ мы можемъ прослѣдить развитіе сасанидскихъ писемъ почти въ продолженіе шести столѣтїй. Древнѣйшія монеты имѣютъ тѣ же письма, что и надписи; позднѣйшія показываютъ сходство съ книжными письмами пелеви и съ зендскими. Такъ какъ Сасаниды сдѣлали маздѣанизмъ государственной религіей, то они, по всей вѣроятности,

не употребляли другого письма, какъ только то, которое употребляли жрецы.

Сасаниды старались о томъ, чтобы сохранить историческія и мифическія преданія, что для нихъ не представляло особенной трудности, такъ какъ персы, несмотря на долгое владычество парянъ, остались свободными отъ иностраннаго вліянія, сохранили свою самобытность, приверженность къ своему языку, къ своимъ преданіямъ и къ своему прошлому. Кромѣ свѣтской литературы, о которой мы уже упоминали, на языкъ пелеви особенно замѣчательны религіозныя писанія, среди которыхъ выдѣляются двѣ книги *Вурдегисъ* и *Динкардъ*. Основной тонъ первой изъ нихъ — зороастрическій дуализмъ и вѣра въ демоновъ. Содержаніе первой составляетъ смѣшеніе мифическихъ сказаній и космогоническихъ ученій. Описаніе сотворенія міра черезъ чуръ фантастично.

Динкардъ сестъ сочиненіе, въ которомъ подробнымъ образомъ объясняется маздѣанизмъ: въ то же время въ немъ на ряду съ религіозными вопросами трактуются и вопросы гражданской жизни и различныя моральныя темы. Особенный культурно-историческій интересъ имѣетъ вопросъ о бракѣ, главнымъ образомъ, о бракѣ между родными. Въ исторіи Ирана на

Развалины дворца Сасанидовъ при Ктезифонѣ. Большая средняя арка въ послѣднее время обрушилась.

каждомъ шагѣ встрѣчаются браки между братьями и сестрами, даже между отцомъ и дочерью. Этотъ обычай, вѣроятно, утвердился вслѣдствіе того, что ахемениды, вступая на престолъ, обыкновенно принимали въ свое владѣніе весь гаремъ своего предшественника цѣлкомъ, съ женами и дочерьми. Кромѣ того, въ основѣ этихъ браковъ лежатъ и мифическія сказанія. Однако, браки между близкими родственниками (хетодатъ), по всей вѣроятности,

имѣли цѣлью сохраненіе чистоты расы. Довозательствомъ тому, что обычай этихъ браковъ держался очень долго, служитъ то, что еще около середины IV ст. нашей эры армянскій епископъ *Нарсесъ* строго запрещалъ такіе браки сатрапамъ.

Сасаниды оставили послѣ себя *архитектурные* и *скульптурные* памятники. Изъ нихъ послѣдніе имѣютъ наибольшій культурно-историческій интересъ, какъ напр., рельефы въ скалѣ ахеменидскихъ гробницъ въ Персеполисѣ, представляющіе собой сасанидскихъ всадниковъ въ фантастическомъ вооруженіи. Изображенныя на этихъ скульптурахъ сцены представляютъ собой турниры; замѣчательнъ одинъ рельефъ, представляющій торжество Тапура надъ римскимъ императоромъ Валеріаномъ. Въ *Фирузабадѣ* (на югѣ отъ Шираза) существуетъ еще цѣлый дворецъ Сасанидовъ съ тремя яйцеобразными куполами. На западѣ отъ Шираза, въ ущельѣ Козерунъ, лежитъ разбитая колоссальная статуя Шапура—единственная статуя, найденная въ Персіи. Затѣмъ въ Сузистанѣ находится знаменитое сооруженіе Шапура—плотина, регулировавшая орошеніе полей и снабжавшая города. Говорятъ, что надъ этой постройкой работало много плѣнныхъ римлянъ, между ними самъ императоръ Валеріанъ.

Но самой блестящей изъ резиденцій Сасанидовъ былъ *Ктезифонъ* (ниже нынѣшняго Багдада) на лѣвомъ берегу Тигра. Когда арабы послѣ битвы при Кадезіи проникли во дворецъ, они были поражены никогда невиданнымъ великолѣпіемъ. Уже на полѣ битвы они захватили большую драгоценность: имперское знамя, такъ называемый, «кожаный фартукъ кузнеца Каве» (о немъ мы говорили раньше). Фартукъ этотъ съ теченіемъ времени приобрѣлъ огромные размѣры. Онъ имѣлъ 22 до футовъ въ длину и 15 въ ширину и былъ богато украшенъ драгоценными камнями. Знамя это съ многими другими предметами добычи было отслано халифу Омару.

Разсказы лѣтописцевъ о добычѣ, взятой арабами въ царскомъ дворцѣ, показываютъ, до какой уточенной роскоши дошли персы. Побѣдители нашли навьюченного верблюда съ одѣянными поспѣшно бѣжавшаго царя *Издигерда*. Въ одномъ изъ ящиковъ находились парадныя платья его, затканныя и вышитыя золотомъ и украшенныя драгоценными каменными, затѣмъ царскую корону и печать. Вооруженіе царя состояло изъ драгоценнаго панциря, шлема, наручниковъ и ножницъ—все изъ золота. Одинъ предметъ добычи особенно поражающъ своей роскошью и красотой. Это былъ бѣлый парчевый коверъ въ 100 локтей длины и 60 локтей ширины. Зеленая кайма была заткана цвѣтами, листья которыхъ были вышиты золотомъ, а лепестки цвѣтовъ составлены изъ изумрудовъ, рубиновъ, берилловъ, бирюзы и топазовъ. Этотъ роскошный коверъ Сасаниды употребляли зимой, чтобы онъ напоминалъ имъ весенніе цвѣты. Омаръ, получивъ эту драгоценность, разрѣзалъ коверъ на куски и раздарилъ ихъ своимъ вѣрнымъ приверженцамъ. Часть, доставшаяся одному только Али, стоила 10,000 кусковъ серебра.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Арменія и Малая Азія.

Обширное пространство, занимаемое плоскогорьемъ Арменіи съ прилегающимъ къ нему полуостровомъ Малой Азіи и побережьемъ Понта Эвксинскаго (Чернаго моря), было въ самыя древнія времена заселено преимущественно народами арійскаго племени, тогда какъ южныя и западныя береговыя страны занимали народы семитической расы или даже просто семиты. Относительно *ликійцевъ* на основаніи ихъ письменныхъ памятни-

ковъ не существуетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это было арійское племя, родственное фригійцамъ и армянамъ, тогда какъ происхожденіе *карійцевъ* не совсѣмъ достоверно. Къ арійскому племени принадлежали, по видимому, и *мизійцы*. *Кападокійцы*, которыхъ древніе народы называли «сирійцами», жившіе между фригійцами и армянами до береговъ Чернаго моря, были семитами. *Лидійцевъ* тоже считали семитами, но ихъ скорѣе слѣдуетъ причислить къ арійскимъ народамъ, испытавшимъ на себѣ семитическое (финикійское) вліяніе.

Но самымъ значительнымъ изъ всѣхъ народовъ Малой Азіи являются, безспорно, *армяне*. Они безъ сомнѣнія принадлежатъ къ иранской группѣ (бактрійцы, миды, персы). Отдѣленные отъ другихъ народовъ съ юга и востока естественными преградами, армяне развились почти самостоятельно. Въ исторіи они не играли выдающейся роли. Ихъ доисторическое прошлое, какъ у всѣхъ культурныхъ народовъ, окружено сказаніями и мифами. По преданію, родоначальникомъ армянъ былъ *Хаикъ*, внукъ Іафета, хотя въ библейскихъ родословныхъ спискахъ такого имени вовсе не встрѣчается. По имени Хаика армяне называли свою страну—*Хайастанъ*. По преданію же, Хаикъ со своимъ родомъ—тремястами гигантами—отправляется въ Вавилонъ, убиваетъ царя Бѣла и возвращается въ свою страну. Здѣсь онъ поселяется въ равнинѣ Даронъ. Но *Арменахъ*, внукъ Хаика, беретъ свой посохъ, переходитъ черезъ горы и спускается въ равнину, со всѣхъ сторонъ окруженную горами: то была, очевидно, долина Аракса, на югѣ которой возвышается Арагатъ. Здѣсь онъ основалъ поселеніе, которое по имени своего старшаго сына, назвалъ *Арагасъ*. Второй сынъ его *Армасиръ* построилъ свой городъ на Араксѣ «большой рѣкѣ». Третій городъ, *Арай* («прекрасный»), былъ завоеванъ царицей Семирамидой. Въ IX в. до Р. Х. здѣсь существовало царство *Урарту*, которому были подвластны многія мелкія княжества. Единаго же царства, Арменіи, не существовало. Урарту было царство, населенное *алародійцами*, и армяне пришли сюда съ запада, но всей вѣроятности, во времена владычества послѣднихъ царей ассирійскихъ, на что указываютъ надписи *Саргона* (721—704), упоминающія имя армянъ. Въ ахеменидскихъ надписяхъ имя Урарту уже больше не встрѣчается; его замѣнило имя *Армина*. Алародійцы, бывшіе, какъ предполагаютъ, одного племени съ грузинами, были оттѣснены армянами къ сѣверу. Армяне же, овладѣвшіе страной, стали называться *Хай*, т. е., «господа». Впослѣдствіи Арменія подпала подъ власть мидянъ; ее покорилъ мидійскій царь *Киаксаръ*. При покореніи мидянъ Киромъ, существенную помощь послѣднему оказалъ армянскій князь *Тигранъ*. При Камбизѣ армяне и мидяне возмутились; но *Дарій I* кровавымъ образомъ подавилъ возстаніе. Тѣмъ не менѣе, Арменія занимала привилегированное положеніе среди другихъ подвластныхъ Персіи странъ, такъ какъ сатрапія въ этой странѣ была наследственной и сатрапами были армянскіе князья, пользовавшіеся почетомъ наравнѣ съ вассалами царя. Впослѣдствіи паряне утвердили въ Арменіи арсакидскую династію и армяне приняли маздаизмъ. Такимъ образомъ, въ Арменіи, одна за другой, господствовали три религіи: *алародій-*

Тигранъ, царь Арменіи.

скал съ главнымъ богомъ *Халдія* (составлявшимъ триаду съ богами неба и солнца), затѣмъ *армянская* и, наконецъ, *маздіанская*. Главнымъ армянскимъ божествомъ былъ *Багамаштувъ*. Но болѣе всего почиталась семитская богиня *Анаидъ*, и это обстоятельство наводитъ на мысль, что многія божества изъ другихъ странъ были приняты въ армянскую религію. Такъ, богиня *Астаниъ*, по всей вѣроятности, сродни ассирійской «Истаръ». Чисто ассирійскаго происхожденія богъ войны *Баршамъ* и богъ мудрости жрецовъ—*Тиръ*. Главными божествами были *Аревъ*—солнце и *Лузинъ*—луна, которымъ специально поклонялись въ Армавирѣ. Въ Багаванѣ, провинціи Араратѣ, находился знаменитый храмъ огня и тамъ же поклонялись богу *Аманору*, управлявшему временами года и способствовавшему всякому плодородію. У армянъ такъ же, какъ и у персовъ, были добрые и злые гении, что послужило подготовкой къ принятію махдіаннзма. У армянъ были также герои-полубоги, какъ, напримѣръ, *Вахагъ* (перс. Веретрагна), сынъ царя Тиграна, также одного изъ любимыхъ героевъ армянскихъ сказаній.

Вахагъ имѣлъ свой храмъ въ Аштишатѣ, на р. Евфратѣ. Этотъ храмъ былъ наполненъ золотой и серебряной утварью. Цари приносили жертвы полубогу. Въ Иберіи (Грузіи) стоялъ его идолъ, которому также приносили жертвы. На арену исторіи Арменія выступаетъ при Арсакидахъ. Никогда Арменія не достигала такого могущества, какъ при царѣ *Тигранѣ*. Нѣкоторыя парянскія области и сѣверная Месопотамія должны были признать надъ собой гласенство Арменіи. Средоточіемъ своего царства Тигранъ сдѣлалъ поистинный имъ и украшенный великолѣпными зданіями городъ *Тигранокерту*, который онъ населилъ, болѣею частью, греками, жившими въ завоеванныхъ имъ селевкидскихъ городахъ. Тигранокерта лежала, какъ полагаютъ, между Мушемъ и Діарбекиромъ на правомъ берегу Тигра.

Такимъ образомъ, Арменія представляла собой 'для римлянъ болѣе опасную державу, нежели царство понтійскаго царя *Митридата*. Но имъ пришлось считаться съ обоими, такъ какъ властители того и другого царства состояли въ дружескихъ и родственныхъ отношеніяхъ между собой. Тигранъ былъ зятемъ понтійскаго царя. Это было то время, когда между Западомъ и Востокомъ готовилось страшное столкновеніе. Однако, сцена, на которой суждено было разыгратъ кровавой драмѣ, лежала не здѣсь, а гораздо дальше на сѣверѣ.

Митридатъ представлялъ собой удивительную смѣсь величія души и подлости. Въ немъ коварство и хитрость грека соединялись съ суровостью римлянина и деспотизмомъ восточныхъ властителей. Онъ былъ привыченъ ко всѣмъ лишениямъ, какъ Марій, въ политикѣ былъ проицателемъ, какъ Ганнибалъ, образованъ, какъ Сципіонъ — онъ говорилъ на 22 языкахъ. Смотря по обстоятельствамъ онъ могъ быть мягокъ или страшенъ, жестокъ и отлично умѣлъ пользоваться обстоятельствами и временемъ. Царство его простиралось на всѣ берега Чернаго моря, отъ Пафлагоніи до Кавказа, отъ Кавказа до Крыма. Митридатъ, воспользовавшись смутами въ Малой Азій, захватилъ въ свою власть и эту страну. Но здѣсь онъ пришелъ въ столкновеніе съ римлянами, противъ которыхъ онъ сражался сначала одинъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, Тиграномъ. Однако, хотя римскій полководецъ, консулъ *Лукуллъ*, имѣлъ только три легіона (15.000 чел.) противъ 40.000 пѣшаго и 4.000 коннаго войска Митридата, послѣдній потерпѣлъ окончательное пораженіе. Въ паническомъ страхѣ онъ приказалъ перерѣзать всѣхъ женщинъ гарема, а самъ бѣжалъ. Но теперь выступилъ Тигранъ со своимъ войскомъ въ 150.000 пѣхоты и 55.000 всадниковъ. Тигранъ смѣялся надъ маленькимъ войскомъ римлянъ и говорилъ: «для посольства ихъ слишкомъ много, а для войска слишкомъ мало». И все-таки римляне, благодаря своей военной тактикѣ и римскому военному искусству,

побѣдили. Столица Тигранокерта сдѣлалась добычей римлянъ. Городъ былъ разграбленъ, жителей же перевели снова на старыя мѣста. Тигранъ былъ въ отчаяніи; но Митридатъ не упалъ духомъ. Онъ собралъ новое понтійско-армянское войско. Но теперь ему пришлось сражаться не съ Лукулломъ, а съ *Помпеемъ*. Митридатъ снова былъ разбитъ и бѣжалъ въ Крымъ. Все Закавказье попало въ руки Помпея. Теперь границы римскаго владѣчества доходили до береговъ Каспійскаго моря. Арменія сдѣлалась вассальнымъ владѣніемъ Рима. Вся карта Малой Азій была передѣлана. Побѣдитель, вернувшись въ Римъ, отпраздновалъ такой триумфъ, который еще никогда не видѣли римляне до тѣхъ поръ... Митридатъ убѣдившись, что безумный планъ его пройти черезъ юго-восточную Европу въ Италію, не можетъ быть выполненъ, такъ какъ озлобленное пораженіями войско отказалось слѣдовать за нимъ и видя себя всѣми покинутымъ, отравилъ своихъ дочерей, женъ и весь свой гаремъ и приказалъ одному кельтскому наемнику убить его самого.

Всѣ эти событія происходили въ странѣ, гдѣ внѣшняя культура приобрѣла громадное значеніе. Въ то время, какъ римляне разоряли до нищеты богатые западныя провинціи Малой Азій, въ восточныхъ, наоборотъ, царила самая необузданная роскошь. Вспомнимъ только *Антиоха Епифана* съ его роскошными пирами и *дафнійскими играми*,—процессіи, въ которыхъ впереди шло цѣлое войско различныхъ народовъ, составлявшихъ обширное царство: мизяне, кликійцы, оракійцы, галаты, македоняне, мидійцы—все это въ пурпурныхъ одеждахъ и въ золотыхъ украшеніяхъ. Затѣмъ ѣхали колесницы, запряженные четырьмя и шестью лошадьми, колесницы со слонами, боевые слоны, юноши въ вѣнкахъ изъ золота, посольства и, наконецъ, посвященные изображенія боговъ, демоновъ и полубоговъ. Здѣсь, такъ же, какъ и въ Александріи, изъ золотыхъ сосудовъ лились ароматы.

Правда, что искусства въ собственномъ смыслѣ здѣсь не было, а было только невѣроятное изобиліе золота и умѣлое хвастовство драгоценностями.

Неудивительно поэтому, что римляне собрали въ Понтѣ и Арменіи несмѣтные богатства. Такъ, напр., въ сокровищницѣ Митридата они нашли 2000 ониксовыхъ сосудовъ съ золотымъ краемъ, вырѣзанныя изъ оникса портретныя головки, которыя такъ понравились въ Римѣ, что изъ нихъ составляли коллекціи. Въ триумфальномъ шествіи Помпея фигурировали: серебряная статуя Фарнака изъ Понта, серебряныя и золотыя колесницы Митридата, золотые сосуды, золотые идола боговъ, тридцать коронъ изъ жемчуга.

До сихъ поръ оружіе римлянъ всегда было побѣдоноснымъ въ Малой Азій; но вотъ, паряне, раздраженные вызывающимъ образомъ дѣйствій представителей римской власти, выступили противъ римлянъ и нанесли тяжелый ударъ римлянамъ: предводитель ихъ, *Крассъ*, былъ убитъ. Хотя 14 лѣтъ спустя паряне, въ свою очередь, испытали почти столь же страшное пораженіе, они съ тѣхъ поръ сохраняли въ глазахъ римлянъ репутацію желѣзныхъ всадниковъ Востока и внушали имъ страхъ. Къ этому присоединились еще при третьемъ триумвиратѣ споры изъ-за первенства между *Октавіаномъ* и *Маркомъ Антоніемъ*, постоянно отвлекавшіе римскія войска отъ памѣченной на Востокъ цѣли. Смута и интриги подкапывали и оба царства: парянское и армянское. Почти каждый изъ парянскихъ царей былъ или отцеубійцей или братоубійцей. Авантюристы и авантюристки распоряжались престоломъ. Такъ, напримѣръ, одна римская рабыня, по имени Муза, сдѣлалась супругой парянскаго царя *Фраорта II* (37—2 до Р. Х.). Послѣдній, чтобы избавиться отъ своихъ четырехъ сыновей отъ перваго брака, отослалъ ихъ въ Римъ, гдѣ они жили при дворѣ *Августа*. Подозрѣваютъ, что

Муза, имѣвшая сына отъ Фраорта, заставила его отравить стараго отца послѣ чего сынъ римской рабыни вступилъ на престолъ арсакидовъ. Въ честь Музы, какъ царицы—матери, была отчеканена монета, гдѣ она изображена съ украшенной жемчугами короной на головѣ. Надпись на монетѣ гласитъ: «Монета небесной богини Музы, царицы».

Долгое время еще Армения оставалась центромъ римской политической жизни въ Передней Азіи. Цари ея мѣнялись иногда по волѣ римскихъ консуловъ и полководцевъ. Такъ, римскій полководецъ *Корбулонъ* (въ царствованіе Нерона) смѣстилъ царя *Тиридата*—брата царствовавшего въ это время парянского царя *Юлаиаса I* и возвелъ на престолъ *Тирана*. Но вскорѣ послѣ того паряне разбили римлянъ и Тиридатъ былъ восстановленъ на престолѣ. Тогда Корбулонъ уговорилъ Тиридата отправиться въ Римъ, чтобы изъ рукъ самого цезаря получить царскую корону. Тиридатъ согласился и отправился въ Римъ (66 по Р. X.) съ такой помпой и такимъ великолѣпіемъ, который напоминаютъ эпоху Ахеменидовъ. Свиту армянскаго царя составляли 3000 парянскихъ всадниковъ. Расходы, которые, разумѣется, несло государство, достигали въ теченіе девяти мѣсяцевъ, пока царь былъ въ дорогѣ, 200,000 динаріевъ (130,000 руб.) въ день. Весь путь до границы Италіи царь совершилъ верхомъ на лошади; рядомъ съ нимъ, также верхомъ, ѣхала его супруга. Когда во время великихъ празднествъ въ Римѣ по случаю передачи царской короны Тиридату, Неронъ явился на арену въ числѣ состязателей въ ѣздѣ на колесницѣ и въ игрѣ на арфѣ, Арсакидъ нашелъ это унижительнымъ, хвалилъ Корбулона и говорилъ, что удивляется, какъ Корбулонъ можетъ подчиняться такому чело-вѣку, какъ Неронъ. Послѣднему Тиридатъ въ глаза сдѣлалъ ироническое замѣчаніе: «Ты имѣешь въ лицѣ Корбулона весьма податливаго слугу». Но Неронъ не понималъ ироніи и принялъ ее за лесть. Онъ осыпалъ Тиридата подарками, общая стоимость которыхъ равнялась 50 милл. динаріевъ (7 милл. рублей).

Однако, преемникъ Тиридата, *Экседаръ*, уже не ѣздилъ въ Римъ за инвеститурой, хотя римское оружіе все-таки имѣло рѣшающее значеніе. Окончательно покорилъ Армению и Парюю *Траянъ*. Армения сдѣлалась римской провинціей; паряне же еще разъ собрали силы для сопротивленія Риму, и снова погибло отъ парянскаго оружія нѣсколько римскихъ легіоновъ. Въ это время Траянъ умеръ въ Виліи (117 г.).

Преемникъ его, *Адрианъ*, прекратилъ всѣ завоеванія и только *Антонинъ Пій* снова послалъ на Востокъ сильное войско, которое вторично разрушило Ктезифонъ. Но на этотъ разъ римлянъ встрѣтилъ непріятель болѣе сильный, чѣмъ паряне—чума. Почти все римское войско погибло отъ ужасной эпидеміи, которая къ тому же занесена была въ Италію (163 по Р. X.). Но тридцать два года спустя *Севръ* творилъ жестокую расправу въ Ктезифонѣ. Всѣ мужчины были убиты, 100.000 душъ—женщинъ и дѣтей было увезено въ плѣнъ. Но въ римскомъ войскѣ снова разразилась эпидемія. Парянское царство существовало еще нѣсколько столѣтій. Ему положили конецъ не римляне, а персы (226 по Р. X.).

Армению покорилъ первый изъ Сасанидовъ, *Ардеширъ I* и она сдѣлалась сасанидскою сатрапіей. Тѣмъ не менѣе, новую основу культурному развитію Армении положилъ все-таки одинъ изъ потомковъ Арсакидовъ. Одинъ Арсахидъ, по имени *Анакъ* измѣнительнымъ образомъ умертвилъ армянскаго царя *Хозроя*, чтобы захватить престолъ. Но тотчасъ же послѣ убійства Хозроя, самъ Анакъ и его семья были убиты, спасся только его младшій сынъ. Онъ выросъ въ Кесаріи Каппадокійской и вернулся на родину просвѣтителемъ Армении. Это былъ *святитель Григорій*, проповѣды-

вавшій армянамъ *христианство*. Ему удалось обратить царя *Тиридата*, но самъ онъ умеръ мученической смертью.

Во времена этого апостола и даже гораздо позднѣе Армения не имѣла своихъ письменъ. Языкъ же армянскій, принадлежащій къ иранской вѣтви индогерманскихъ языковъ, несмотря на постоянное соприкосновеніе, сохранилъ свою самобытность. Изъ надписей на скалахъ близъ озера Вана мы видимъ, что клинообразное письмо проникло и въ Армению. Позднѣе употреблялись сасанидскіе письменные знаки; но ни эти знаки, ни греческій алфавитъ не соответствовали армянскому языку съ его своеобразной группировкой согласныхъ.

Собственные письма армяне получили отъ *Мезропа*, ученаго армянина, жившаго въ V вѣкѣ. Это изобрѣтеніе относится къ 406 по Р. X. Мезропъ можетъ считаться также основателемъ армянской литературы, такъ какъ онъ перевелъ Св. Писаніе на армянскій языкъ. Ученики его продолжали начатое имъ дѣло. Большое значеніе для духовной жизни армянскаго народа имѣло то обстоятельство, что изобрѣтеніе письма и начало литературной дѣятельности совпали съ установленіемъ христіанскаго богослуженія. Этимъ дано было направленіе духовной жизни Армении, которая вполнѣ сохранила свои древніе языки и свое своеобразное, чисто національное письмо, несмотря на всѣ бури, перенесенныя страной въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія. Одинъ изъ учениковъ Мезропа *Горіонъ* написалъ первую исторію Армении. Большое значеніе имѣлъ для армянской литературы *Моисей Хоренскій*, жившій, какъ говорятъ, 120 лѣтъ (370—490). Главное произведеніе его есть исторія Армении въ четырехъ томахъ, изъ которыхъ, впрочемъ, сохранилось только три. Онъ начинается съ доисторическихъ, полныхъ сказаній временъ и доходитъ до паденія династіи Арсакидовъ. На міровоззрѣніе этого историка имѣло вліяніе то, что онъ учился въ Александріи и побывалъ въ Римѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время стали сомнѣваться въ томъ, что эти сочиненія принадлежатъ Моисею Хоренскому; ихъ приписываютъ другому писателю, жившему 150 лѣтъ послѣ него и присвоившему себѣ его имя; къ тому-же, «Исторія Армении» не всегда отличается достовѣрностью фактовъ. Разсказъ изобилуетъ фантастическими подробностями или посторонними элементами, совсѣмъ не падающими къ дѣлу. Зато изложеніе въ высшей степени увлекательно и языкъ отличается чистотой и изяществомъ слога. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе исполнило свое назначеніе въ томъ смыслѣ, что пробудило въ народѣ интересъ къ своему историческому прошлому.

Лучшимъ качествомъ армянскаго народа можетъ считаться та безпримѣрная сила сопротивленія, которую онъ всегда противопоставлялъ всѣмъ невзгодамъ и гоненіямъ. И теперь еще, какъ и полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, народъ этотъ борется за свою вѣру и за свое духовное достоинство съ фанатиками могометанами—съ грабителями и поджигателями—и терпѣливо выноситъ такое мученичество, какого не испытывалъ, пожалуй, ни одинъ народъ на землѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Древніе народы Малой Азіи.

На почвѣ Малой Азіи многое, принадлежащее къ до-эллинской эпохѣ, остается неизслѣдованнымъ. Относительно западныхъ береговъ, омываемыхъ Эгейскимъ моремъ, мы знаемъ гораздо болѣе. Древнѣйшіе мифы эллиновъ—походъ Аргонавтовъ и борьба за Иліонъ—связаны съ этими бе-

регами. Гораздо важнѣе, впрочемъ, вопросъ объ этнологическомъ положеніи народовъ Малой Азіи. Извѣстно, что эти страны (Фригія, Лидія, Карія, Ликія, Писидія, Пафлагонія, Кападокія и др.) оказываютъ, главнымъ образомъ, мѣстные культурныя вліянія. Вся цѣпь этихъ народовъ (эрако-иллирійская группа) принадлежала, по всей вѣроятности, къ одному племени и къ одному циклу культуры.

Самый западный изъ этихъ народовъ, *венеты*, воздвигли храмъ эракійскому Диомеду; но культъ этотъ былъ занесенъ изъ Пафлагоніи, откуда, по всей вѣроятности, пришли и сами венеты. Страбонъ полагаетъ, что венеты, вслѣдствіе начатаго кимерійцами передвиженія народовъ изъ Малой Азіи черезъ Эракію и Иллирію, перешли къ сѣвернымъ и сѣверо-западнымъ берегамъ Адриі. Доказательствомъ тому служатъ ихъ знаменитое въ древности умѣнье воспитывать отличныхъ коней, ихъ близкое родство съ эракійскими *сигимерами* и ихъ языкъ. Кимерійцы, предшественники скивовъ, жили на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ Тавриидѣ (Крымъ) и были вытѣснены скивами въ VIII ст. до Р. X.

Кимерійцы перешли тогда на малоазійскій берегъ Чернаго моря и завладѣли Лидіей, гдѣ властвовали сто лѣтъ, пока не были изгнаны царемъ *Аліарномъ*. Скивы же, какъ говорятъ, преслѣдуя кимерійцевъ, наводнили своими ордами всю Малую Азію.

Но прежде, чѣмъ говорить о народахъ Передней Азіи, мы должны представить себѣ жизнь народовъ тѣхъ удивительныхъ, богато одаренныхъ береговъ Эгейскаго моря, откуда обитатели ихъ—*Этруски*—были впослѣдствіи далеко заброшены на западъ. Родоначальникомъ ихъ считается *Пелопсъ*. Этруски же были сродни тѣмъ *тирренцамъ*, которые, происходя изъ Лидіи, долгое время скитались по берегамъ греческихъ морей и, наконецъ, поселились далеко на западъ, въ Лигурии, гдѣ и основали гавань *Пизу*. Имя это по-лидійски означаетъ «гавань». Лидійское или азіатское происхожденіе этрусковъ подтверждается всѣми древними писателями.

Но еще раньше, чѣмъ лидійскіе тирренцы, появились на лигурийскомъ берегу *пелазги*, (семитическіе выселенцы) и этрусскій городъ *Кортона* своими толстыми циклопическими стѣнами напоминаетъ нелазгійскія постройки. Этруская космогонія имѣетъ многія черты сходства съ халдейско-вавилонской. Азіатской чертой характера этрусковъ была ихъ любовь къ роскоши. Изъ Азіи же происходитъ этрусско-римскій боевой значокъ—орелъ. Широкая свобода, которой пользовались у этрусковъ женщины, также напоминаетъ положеніе женщины въ Лидіи. Въ главномъ городѣ Этрурии, *Церѣ*, найдены были круглые щиты, украшенные сказочными чудовищами, рядами шариковъ, волнистымъ узоромъ, подобные тому щиту Ахиллеса, который описываетъ Гомеръ. Гробница въ *Церѣ* была наполнена бронзовой утварью финикійскаго стиля. Между золотыми вещами былъ панцирь съ крылатыми человѣческими фигурами и двуглавыми химерами, похожими на украшенія щита Артемиды Эфесской.

Вообще многое, что мы видимъ въ южной Европѣ—лидійскія колонны Спарты, тирренскіе трубачи Аргоса, шумные обычаи культа лидійцевъ, олимпійскія процессіи, бичеванія элейскихъ эфебовъ на могилѣ *Пелопса*, жертвоприношенія собакъ въ Спартѣ, циклопическія постройки

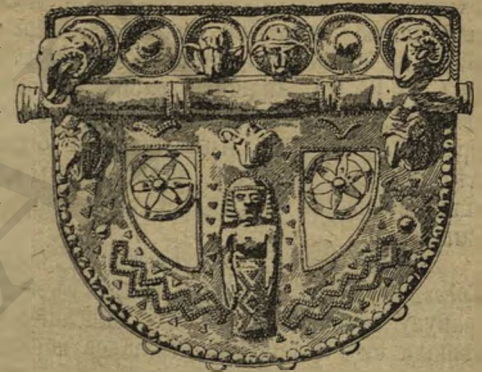
и надгробныя пирамиды, совершенно чуждыя эллинскому духу,—принадлежитъ къ сѣверной части того культурнаго бруга, который простирается отъ передней Азіи на всю южную Европу, а съ другой стороны замыкается черезъ сѣверную Африку финикійцами.

Это вліяніе арійскихъ и семитическихъ элементовъ составляетъ основу культуры народовъ Малой Азіи. Повидимому, сначала арійское, а потомъ *фригійское* населеніе Малой Азіи, такъ сказать, пропиталось семитическими элементами. Между родственными по языку армянами и фригійцами втиснулись *кападокійцы*—(семиты). *Карійцы* тоже считаютъ семитами. Они сначала жили съ *лелеми* и финикійцами на островахъ, но венеты и греки оттѣснили ихъ на материкъ. *Лидійцевъ* отождествляютъ съ упоминаемымъ въ Библии племенемъ *Лудъ*. Что касается языка лидійцевъ, то его уже во времена Страбона не существовало. Языкъ *митійцевъ* въ сѣверо-западной части Малой Азіи представлялъ собой смѣшеніе фригійскаго и лидійскаго. Относительно *микійцевъ*, жившихъ въ юго-западномъ углу Малой Азіи, мы, по сохранившимся памятникамъ, знаемъ, что это было арійское племя, родственное фригійцамъ.

Итакъ, *фригійцы* должны служить намъ исходной точкой для опредѣленія этническихъ и культурныхъ условій Малой Азіи. Въ древности они считались самымъ древнимъ народомъ. Изъ древнихъ царей ихъ преданіе сохранило только два имени: *Мидасъ* и *Гордій*. Во Фригіи сохранилось воспоминаніе о другомъ, болѣе древнемъ мифическомъ Мидасѣ, прикосновеніе котораго обращало въ золото всякій предметъ. Другой, болѣе поздній Мидасъ, не могъ пережить стремительнаго нападенія кимерійцевъ и лишилъ себя жизни. Съ Гордіемъ связано знаменитое преданіе объ узлѣ на древней колесницѣ на Гордіумѣ; на этомъ узлѣ изъ мочалы, которой было привязано къ колесницѣ дышло, не видно было концовъ. Между тѣмъ, существовало предсказаніе, что тотъ, кто развяжетъ узелъ, сдѣлается владителемъ Азіи. Рассказываютъ, что *Александръ Великій* не сталъ ломать себѣ голову надъ развязываніемъ узла, а разрубилъ его мечомъ и завладѣлъ всей Азіей. Городъ Мидаса назывался *Мидеионъ*. По ни отъ того, ни отъ другого не осталось иныхъ слѣдовъ, кромѣ *царскихъ могилъ*, высѣченныхъ въ пещерахъ. Такія могилы въ скалахъ распространены по всей Малой Азіи. Во Фригіи самыя замѣчательныя—могила Мидаса и еще двѣ царскихъ могилы съ орнаментомъ, напоминающимъ асирійскіе образцы. Вообще, во Фригіи замѣтно вліяніе Ниневии и Вавилона, но отнюдь не семитское.

О фригійской музыкѣ мы знаемъ, что культъ ихъ бога *Аттеса* требовалъ игры на *флейтѣ* и на *арфѣ*, причемъ пѣли печальныя пѣсни о смерти Аттеса, мнѣ о которомъ напоминаетъ мнѣ о финикійскомъ *Адонисѣ* и о египетскомъ *Озирисѣ*. У эракійцевъ, ближайшихъ родственниковъ фригійцевъ, распространенъ былъ культъ *Кибелы*, которая, въ сопровожденіи шумныхъ корибантовъ, ищетъ своего супруга Аттеса, точно такъ же, какъ *Пиза* у египтянъ ищетъ *Озириса*.

У *лидійцевъ* была въ употребленіи двухъ-октавная арфа «пектисъ» или «барбидосъ», о которой говоритъ Пиндаръ и на которой играла *Сафо*.

Принадлежности лидійскаго убора.

Лидійская скульптура.

Главный городъ лидійцевъ былъ *Сарды*, который греки представляютъ образцомъ блеска и великолѣпія. Имена властителей ранняго періода не сохранились. Позднѣе же, вѣроятно, выходецъ изъ Ассиріи, *Аиронъ*, основалъ новую династію; послѣдній царь этой династіи, *Кандивалъ* былъ убитъ по проискамъ жены своей *Гинесомъ*, который и занялъ его мѣсто. (687 до Р. Х.). Лидійцы грабили Іоническіе острова и привозили оттуда несмѣтные сокровища. Они будто бы первые стали чеканить золотыя и серебряныя монеты. Имъ знакомы были правильные вѣсы и мѣры. Послѣдніе были, очевидно, заимствованы изъ Вавилоніи. Лидійцы поддерживали сношенія съ Мидіей. Ихъ царь *Аліаттъ* завоевалъ Фригію и Кападокію.

Наслѣдникомъ могущества и богатства Аліатта сдѣлался сынъ его, *Крезъ*, богатство котораго вошло въ поговорку. Его подарки дельфійскому оракулу превосходятъ всякое описаніе. Однако, всѣ эти сокровища не помѣшали ему потерпѣть страшное пораженіе отъ царя персидскаго, Кира, который взялъ Сарды, но пощадилъ жизнь Креза и сдѣлалъ его своимъ другомъ.

Такимъ образомъ, окончилось лидійское царство (547 до Р. Х.). Паденіе этого могучаго государства произвело сильное впечатлѣніе на малоазійскіе народы. Появленіе новаго завоевателя заставило всѣхъ опасаться общаго разгрома. Началась упорная, непрерывная борьба между восточными странами и народами восточныхъ береговъ Средиземнаго моря, и хотя греческій элементъ остался побѣдителемъ, тѣмъ не менѣе, все новыя и новыя народы являлись на сцену: за персами (Ахеменидами)—паряне, за ними снова персы (Сасаниды), затѣмъ арабы и, наконецъ, дикія орды урало-алтайскихъ народовъ. Имъ навстрѣчу шли греки, римляне, византійцы, войска западныхъ крестоносцевъ.

Городъ Сарды былъ разрушенъ не персами, а возмущившимся въ эпоху персидскаго владычества іонійцами, и на его мѣстѣ нѣтъ ничего, кромѣ громаднхъ кургановъ. Цѣпь лидійскихъ кургановъ широкимъ полукругомъ окаймляетъ съ юга долину Гигейскаго озера. Самый высокій изъ нихъ—курганъ Аліатта, 70 метровъ вышины. Этотъ типъ могилъ далеко распространился изъ сѣверной Малой Азіи въ европейскія и азіатскія страны. Такъ называемыя, могилы героев на берегу моря близъ Трои принадлежатъ къ тому же типу. Это курганы *Ахиллеса* и *Патрокла*.

Кромѣ кургановъ по всей Малой Азіи распространены пещерныя гробницы съ высѣченнымъ рельефнымъ фасадомъ и порталомъ, а также памятники въ видѣ саркофаговъ. Однако, пещерныя могилы принадлежатъ не къ греческому, а къ семитическому типу. Изъ этихъ пещерныхъ гробницъ самыя красивыя ликійскія. Эллины считали ликійцевъ «варварами», т. е., народомъ не греческаго происхожденія. Ликійцы имѣли свой языкъ и свои письмена. Они строили себѣ жилища изъ дерева и въ своихъ пещерныхъ гробницахъ въ наружной скульптурной отдѣлкѣ подражали этимъ деревяннымъ постройкамъ. Хотя ликійцы и заимствовали свою культуру у болѣе древнихъ фригійцевъ, но они развили ее самостоятельно и въ орнаментациі ихъ замѣчается большой шагъ впередъ противъ ихъ образцовъ. Въ алійской мѣстности долины Ксанта, со снѣжными вершинами и сосновыми лѣсами, встрѣчаются множество греческихъ и ликійскихъ построекъ; пещерныя гробницы, саркофаги и дѣлые городки.

Этническимъ и культурнымъ соединительнымъ звеномъ между Азіей и Европой являются *карійцы*. Первоначальная родина ихъ юго-западная часть Малой Азіи. Карійцы занимались съ большимъ успѣхомъ морскими разбоями. Принадлежатъ ли они къ семитскому племени или только семи-

тилизированы рѣшить трудно. Въ культурно-историческомъ отношеніи карійцы относятся къ *микенскому циклу культуры* и потому ими слѣдуетъ заняться въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Понто-скиѣы.

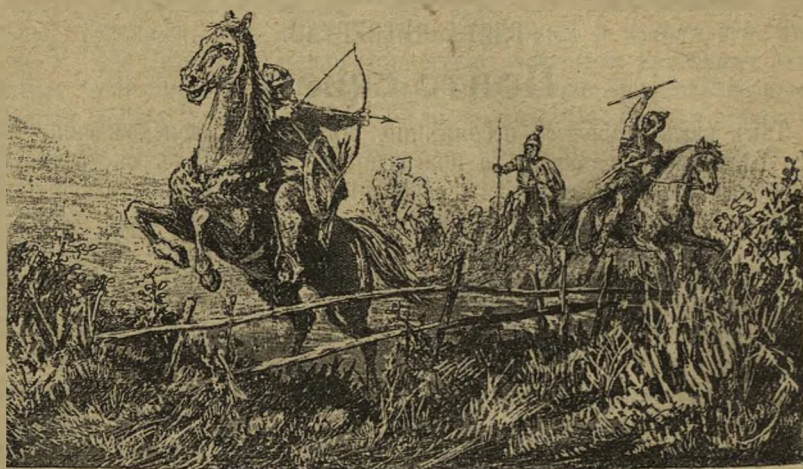
Такъ какъ *паряне*—несомнѣнно, иранскаго происхожденія,—были одного племени со *скиѣами*, то присоединеніе послѣднихъ къ урало-алтайской группѣ народовъ не имѣетъ основанія. Это произошло только потому, что древніе писатели подъ именемъ «скиѣовъ» подразумѣвали всѣхъ варварскихъ народовъ, не входившихъ въ кругъ античной цивилизаціи и область населенія которыхъ простиралась отъ устьевъ Дуная до высокихъ равнинъ Средней Азіи. Область же эта такъ обширна и границы ея такъ неопредѣленны, что въ ней, разумѣется, могли встрѣчаться и смѣшиваться какъ арійскіе такъ и верхне-азіатскіе, урало-алтайскіе элементы*).

Геродотъ называетъ скиѣами жившихъ у Понта Эвксинскаго *сколоты* и говоритъ, что персы называли ихъ *саками*. Скиѣы, которые вѣроятно, уже въ VIII до Р. Х. пришли на оставленные кимерійцами мѣста на сѣверѣ отъ Чернаго моря, были вытѣснены *савроматами* (сарматами), народомъ мидійскаго происхожденія. Сарматами въслѣдствіи стали называть всѣхъ степныхъ кочевниковъ по эту и по ту сторону Каспійскаго моря, но это были несомнѣнно скиѣы. Въ царствованіи мидійскаго царя *Киксара* скиѣы вторглись въ страну и скиѣскія орды наводили всю Переднюю Азію. Въ Мидіи же, какъ мы уже говорили, они скоро были частью истреблены, частью удалены. Нѣсколько другихъ дикихъ племенъ, называемыхъ въ древне-иранскихъ памятникахъ «каспійцами», принадлежали безъ сомнѣнія также къ скиѣскому племени. У нихъ всѣхъ былъ въ обычаѣ каннибализмъ. Такъ, объ одномъ изъ этихъ племенъ *дербикрахъ*, Страбонъ рассказываетъ, что они убивали стариковъ, пережившихъ 70 лѣтъ, и ближайшіе родственники съѣдали ихъ мясо. Старыхъ женщинъ они не ѣли, а вѣшали и зарывали въ землю. О *масагетахъ* также рассказываютъ, что они считали особымъ лакомствомъ блюдо изъ бараньяго мяса, перемѣшаннаго съ человѣческимъ. Нѣкоторые «каспійскіе» народы хотя и не ѣли своихъ стариковъ, но морили ихъ голодомъ. На этническое родство скиѣовъ съ иранцами указываетъ сходство религіи, въ особенности поклоненіе огню и, вообще, культъ природы. Многіе обычаи скиѣовъ дали поводъ причислить ихъ къ типично-варварскимъ верхне-азіатскимъ народамъ. Такъ, Геродотъ рассказываетъ, что они скальпировали побѣжденных непріятелей, пили вино изъ череповъ, обдѣланныхъ въ серебро, пзготовляли себѣ одежды и чепраки изъ человѣческой кожи. То же самое рассказываютъ о гуннахъ, мадьярахъ и другихъ народахъ урало-алтайскаго племени.

Несмотря на эти варварскіе нравы, одинъ изъ народовъ скиѣскаго племени, *сколоты*, жившій на сѣверѣ отъ Чернаго моря до Днѣпровскихъ пороговъ, достигъ извѣстной степени культурнаго развитія. На востокѣ отъ нихъ жили савроматы, по имени которыхъ римляне всю южную Русь называли «Сарматіей». Къ одному циклу народовъ со скиѣами и сарматами принадлежали *аланы*, которые жили на сѣверѣ отъ Кавказа или на самомъ Кавказѣ, въ мѣстахъ, гдѣ теперь живутъ *осетины*, по всей вѣроятности ихъ, потомки. Къ скиѣскому племени принадлежатъ и сарматскій народъ *роксоланы*.

*) Есть основаніе думать, что славяне—новгородцы, чуль,—назывались греками скиѣтай (скиѣы). Объ этомъ см. В. Биттеръ: «На Рубежѣ Столѣтій». Т. I. Очеркъ успѣховъ археологіи. Ред.

Въ культурѣ понто-скивовъ замѣчается вліяніе сосѣднихъ народовъ. Передней Азіи, въ особенности лидійцевъ въ культѣ богини Анагидъ, и финикійцевъ въ культѣ таврической богини, которой приносили человѣческія

Скивъ, преслѣдуемый римскими всадниками.

жертвы въ Лаодиисѣ въ Ливанскихъ горахъ. Вспомнимъ при этомъ, что въ Спартѣ Артемидѣ приносили человѣческія жертвы, которыя были внослѣдствіи замѣнены бичеваніемъ юношей до пролитія крови.

Изъ этого мы можемъ заключить, что скивская культура въ Тавридѣ развила подъ эллинскимъ вліяніемъ ранняго періода. Это было «Боефорское царство» съ главнымъ городомъ Пантикапеей (нынѣ Керчь), прославившееся благодаря своему царю *Митридату Великому*. Раскопки кургановъ поблизости Днѣпровскихъ пороговъ и Екатеринослава обнаружили сокрытыя въ нихъ скиво-греческія сокровища: кинжалы съ золотыми рукоятками или золотыми лезвиями, украшенныя изображеніями крылатыхъ ассирійскихъ быковъ и крылатыхъ людей. По всей вѣроятности, многое изъ всего найденнаго было принесено скивами со своего стремительнаго похода по Малой Азіи, гдѣ они дошли до границъ Египта. Во всякомъ случаѣ, подобныя находки въ странѣ, доступной съ моря, могутъ всегда навести на ложныя заключенія. Изъ іонической колоніи *Милета* уже съ VIII в. до Р. Х. ходили торговые корабли по всѣмъ морямъ и на берегахъ Чернаго моря возникло много колоній. Первыми были *Абидосъ* и *Ламтсакъ* на Геллеспонтѣ, затѣмъ слѣдовали *Кизикъ* на Пропонтидѣ (Мраморномъ морѣ), *Синопъ*, отнятый у ассирійцевъ, *Трапезунтъ*, *Ольвия*, *Пантикапеея*. Милетцы привозили скивамъ, главнымъ образомъ, шерстяныя ткани, за которыя получали медь, хлѣбъ, мѣхъ и рабовъ. Однако, еще раньше милетцевъ сюда приходили карійцы и финикійцы, а слѣдовательно, понятно, что изъ найденныхъ въ раскопкахъ предметовъ нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о ихъ собственной культурѣ. Въ курганѣ *Куль-Обо* найденъ былъ деревянный, нѣкогда раскрашенный саркофагъ съ двумя отдѣленіями: въ одномъ лежалъ скелетъ, въ другомъ царское оружіе. Отъ платья ничего не осталось; но весь скелетъ былъ покрытъ золотыми листиками, которые указываютъ на связь съ Лидіей и Фригіей, гдѣ цари носили платье, усыпанное золотыми листиками. На скелетѣ было, кромѣ того, сплетенное изъ золотыхъ нитей ожерелье и браслеты, частью изъ золота, частью изъ электрона (смѣсь золота съ одной пятой серебра). Изъ оружія, кромѣ зазржавленнаго меча съ золотой рукояткой, здѣсь находился очень маленькій

массивный золотой щитъ, покрытый чешуйчатымъ орнаментомъ съ головами медузъ. У стѣны кучка пыли, покрытая золотыми лепестками, показываетъ то мѣсто, гдѣ повѣшено было царское платье. Два золотыхъ обруча надъ головой скелета указываютъ на то, что на немъ надѣта была извѣстная шапочка скивскихъ царей, отъ которой, конечно, ничего не осталось. Рядомъ съ саркофагомъ, на полу, лежалъ скелетъ женщины, также украшенный золотыми цѣпочками и браслетами. Это напоминаетъ ужасный скивскій обычай хоронить вмѣстѣ съ царемъ коней, слугъ и женъ.

Итакъ, мы видимъ, что скивскіе курганы принадлежатъ къ одному культурному циклу съ лидійскими. Далѣе, въ *Этрурии* мы находимъ такой же типъ кургановъ: это указываетъ на то, что родиной этрусковъ, тирренцевъ, была Индія. Но къ этрускамъ мы еще вернемся, когда займемся культурнымъ цикломъ народовъ Средиземнаго побережья.

Китайцы.

Китайцы представляютъ собой совсѣмъ своеобразное явленіе. Этотъ народъ монгольской расы выработалъ у себя значительную культуру, совершенно не похожую на культуры другихъ народовъ. При этомъ, китайцы достигли значительнаго развитія въ несравненно болѣе раннія времена, чѣмъ греки и римляне, которые, однако, ничего не знали объ этомъ народѣ и его обычаяхъ.

Исторія Китая, — по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству самихъ китайцевъ — начинается за 5,000 лѣтъ до нашей эры. Къ началу достовѣрнаго періода ея исторіи — за 2300 лѣтъ до Р. Х. — мы встрѣчаемъ тамъ уже вполне сформировавшійся государственный организмъ.

Теперь мы видимъ, что эта своеобразная культура, достигши высокой степени развитія, какъ бы окостенѣла и окаменѣла; но, какимъ образомъ Китай дошелъ до этого окаменѣнія — это для насъ такая же загадка, какъ и его прежнее развитіе. Извѣстный ученый *Фр. Мюллеръ* такимъ образомъ объясняетъ, до извѣстной степени, причины этого застоя. «Вѣчайшее культурное царство монгольскаго племени, говоритъ онъ, обязано патриархальному устройству (слѣпому почитанію старины) своими особенностями: непримѣрной законченностью въ частностяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, застоємъ, мѣшающимъ всякому движенію впередъ». Уже раньше Конфуція (Кон-фу-цзе, религиозный реформаторъ, или скорѣе философъ-моралистъ, жившій около 500 лѣтъ до Р. Х.) у китайцевъ были философы, приписывавшіе сотвореніе вселенной всемогущему существу, которое они называли *Тао* (Разумъ). «Оно безтѣлесно, неизмѣримо, не имѣетъ ни начала, ни конца; оно наполняетъ небо, землю и всѣ части пространства. Его безконечная тонкость дѣлаетъ его неуловимымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ два начала: великое и малое, свѣтъ и тьму, слабость и силу. Свѣтило получило отъ него свой блескъ, горы — высоту, пропасти — глубину. Этотъ Разумъ имѣетъ основаніе въ самомъ себѣ, онъ составляетъ внутреннюю природу и сущность вещей; онъ — владыка, руководящій движеніями вселенной».

На этой же основѣ возникло и ученіе Кон-фу-цзе, но только оно стремится къ болѣе матеріальной пользѣ. Это собственно не религія, а собраніе законовъ нравственности и изреченій.

Платъ говоритъ о китайцахъ, что они не пришлый народъ, а первобытные жители страны и не принесли съ собой культуру, и не получили ея извнѣ, а развились изъ дикарей. Они всегда были мирными земледѣльцами и ненавидѣли войну. Въ древнѣйшія времена частныхъ рабовъ не было, и существовали только государственные рабы, т. е., преступники,

присужденные на нѣкоторое время исполнять общественныя работы. Частное рабство явилось лишь при 5-ой династии Ганъ, когда послѣ раззорительныхъ войнъ родителямъ позволено было продавать своихъ дѣтей.

Въ древнемъ Китаѣ не существовало частной земельной собственности, а всѣ земли составляли собственность государства. Извѣстный участокъ отдавался въ пользованіе каждой семьѣ съ тѣмъ, чтобы эта семья или платила подать или же обрабатывала такой же участокъ государственной земли для содержанія чиновниковъ. Только около 600 до Р. Х. введено частное землевладѣніе.

Правительство считало своимъ долгомъ наблюдать за всѣмъ, даже за частной жизнью гражданъ и всѣмъ распоряжаться. Поэтому уже за тысячи лѣтъ до нашей эры въ Китаѣ существовала полиція, которая могла-бы привести въ изумленіе современнаго полицейста. За тысячи лѣтъ уже существовала паспортная система и безъ паспорта нельзя было пройти за городскія ворота. Мало того, въ городахъ отдѣльные кварталы города запирались на ночь воротами, а если какой-либо обыватель переселялся въ другой кварталъ, то его сопровождалъ конный конвой, и передавалъ его новому начальству.

Уже 4000 лѣтъ тому назадъ земледѣліе было значительно развито въ Китаѣ, для орошенія проведены были каналы. И тогда уже воздѣлывалось тутовое дерево, разводился шелковичный червь и выдѣлывался шелкъ. Изъ риса приготовлялся крѣпкій напитокъ; но чай, какъ напитокъ, еще не употреблялся.

Правленіе Китая было вполне автократическое; но существовать родъ отвѣтственности министровъ и даже до извѣстной степени право сопротивленія произволу правителей. Послѣдній императоръ первой династии былъ изгнанъ, а послѣдній второй династии былъ казненъ. Мифологии не существовало, но вслѣдствіе ограниченности знаній не было, разумѣется, недостатка въ суевѣріяхъ разнаго рода. Жрецовъ въ Китаѣ не было. Глава семьи творилъ молитву; императоръ приносилъ жертву небу, горамъ и рѣкамъ. Впослѣдствіи съ религіей Кон-фу-цзе присоединился буддизмъ, занесенный изъ Индіи. Обогащеніе государей явилось позднѣе и существовало только условно. Дэвисъ приводитъ сравненіе одного китайскаго писателя съ рыбой: «Вода можетъ существовать безъ рыбы, рыба же не можетъ существовать безъ воды». Одинъ императоръ древнихъ временъ самъ говоритъ: «Государь—это превосходный корабль, плавающий по водѣ; но вода можетъ и разбить его».

Въ продолженіе тысячелѣтій царствуетъ почти полнѣйшій застои въ государственномъ строѣ, судопроизводствѣ, промышленности и идеяхъ. Система слѣпного подчиненія развилась до чрезвычайныхъ размѣровъ. Малѣйшее неповиновеніе приказаніямъ свыше карается самымъ строгимъ образомъ. Убийство, грабежъ, воровство—не самыя тяжкія преступленія; строго наказываютъ за нарушеніе морали, благочестія и почитанія родительской власти, такъ какъ такія дѣйствія совершаютъ не подъ давленіемъ вѣншихъ причинъ, а по внутренней испорченности. Для вынужденія сознанія прибѣгаютъ къ пыткамъ; содержаніе заключенныхъ безчеловѣчно, наказанія жестоки, напр., отъ 10 до 100 ударовъ бамбука, ссылки на вѣчныя времена, каторжныя работы, смерть—обычныя наказанія. Обезглавленіе—обыкновенная смертная казнь; за тяжкія преступленія—непочтеніе къ родителямъ и государю изрѣзываютъ виновнаго на куски. Дворянства въ Китаѣ нѣтъ, управляютъ, такъ называемые, «ученые», рабство же въ дѣйствительности проникаетъ во всѣ слои общества. Въ народѣ нѣтъ высокихъ и благородныхъ стремленій. Допускается многоженство, женщина—рабыня и бросаніе ново-

рожденныхъ младенцевъ на произволъ судьбы считается національнымъ «обычаемъ».

Въ наукѣ китайцы не идутъ дальше того, что изобрѣли ихъ умные предки. Поэзія и искусство, какъ мы ихъ понимаемъ, не существуютъ—принципъ матеріальной пользы вездѣ на первомъ планѣ. Даже *Лешель*, усердно оспаривавшій мнѣніе, что въ Китаѣ въ новѣйшее время не произошло никакихъ перемѣнъ, принужденъ согласиться, что *болыіе* успѣхи въ развитіи Китая дѣлалъ только въ старину. Онъ самъ, болыіой защитникъ китайской культуры, говоритъ: «Мы всюду замѣчаемъ, что китайцы не въ состояніи были подняться выше извѣстной ступени духовнаго развитія. Они самостоятельно изобрѣли свое собственное письмо, но дошли только до знаковъ для словъ, а не для звуковъ; давно уже они были знакомы съ печатаніемъ при помощи пластинокъ, но они оставили подвижныя литеры, которыми такъ рано начали было пользоваться; они открыли свойство магнитной иглы указывать на сѣверъ, но не употребляли ее въ качествѣ компаса. Они знакомы были съ порохомъ, но никогда не изобрѣли огнестрѣльнаго оружія; они изобрѣли счеты, но не дошли до значенія цифръ по ихъ мѣсту; они въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ наблюдали астрономическія явленія, но понятіе о зодіакѣ было принесено имъ извнѣ».

До самаго послѣдняго времени Китаѣ упорно противился всякимъ, даже самымъ очевиднымъ матеріальнымъ улучшеніямъ. Теперь же это большое инертное, почти мертвое, тѣло какъ будто начинаетъ шевелиться. Въ этомъ трудолюбивомъ и способномъ народѣ уже начинается социальная революція, заставляющая ожидать въ будущемъ большихъ преобразованій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арійцы-индусы.

Классическая страна древней Индіи, *Ариаварта*, что значитъ «сборный пунктъ арійцевъ» лежала на тѣхъ могучихъ пяти рѣкахъ, (Пятирѣчье—Пенджабъ), которыя сбѣгаютъ со снѣжныхъ вершинъ гигантскихъ горъ Гималай и всѣ питаютъ величайшую рѣку Индіи, *Индъ*. Тамъ, гдѣ источникъ его ключемъ бьетъ изъ-подъ земли, возвышается божественная гора *Калиаса* и богъ *Кувера* сторожитъ свои несмѣтныя сокровища. Весь этотъ міръ съ одѣтыми снѣгомъ и льдомъ вершинами, съ бездонными пропастями и гдлыми пространствами высокихъ плоскогорій окутанъ, какъ алмазной сѣтью, таинственнымъ покрываломъ древнихъ сказаній и мифовъ.

Страна и теперь причисляется къ наиболѣе плодороднымъ на землѣ. Сюда, черезъ проходы Гиндукуша и черезъ Хайбарскій проходъ, по которому Кабулъ течетъ въ благословенную долину Индостана, врывались въ Индію всѣ ея завоеватели. Здѣсь же протекаетъ наименѣе значительная изъ рѣкъ *Саравасти*, сдѣлавшаяся, однако, священной рѣкой индусовъ гораздо ранѣе Ганга, о которомъ въ древнихъ гимнахъ почти не упоминается.

Арійцы, придя въ эту область небесныхъ водъ, встрѣтили здѣсь темнокожихъ первобытныхъ жителей, полу-людей, полу-звѣрей. Слово *аріа* означаетъ благородный, достойный почитанія; непріятель же въ покоренной странѣ долженъ былъ естественнымъ образомъ, представлять собой противоположность пришельцамъ. Поэтому ихъ стали называть *даса* или *ракшаса*, т.-е., злые, презрѣнные. Это покоренное племя удалилось въ горы

и стало время от времени совершать разбойничьи набѣги на пришельцевъ. Когда ракшасы, съ помощью арійскихъ боговъ, были побѣждены арійцами, они должны были приносить имъ изъ горъ громадныхъ тяжести золота и драгоценныхъ камней. Высокимъ, стройнымъ арійцамъ, съ голубыми глазами и волнистыми волосами, были, разумѣется, противны плосконосые, темнокожіе и приземистые туземцы. Тѣмъ не менѣе, побѣдители стали мало-по-малу смѣшиваться съ побѣжденными; но вскорѣ этому смѣшенію былъ положенъ конецъ путемъ организаціи кастъ.

Ведійскій періодъ.

Въ младенческомъ возрастѣ народовъ жрецы всегда играли роль нянекъ, воспитывающихъ этихъ дѣтей, душа которыхъ ищетъ опоры въ высшемъ существѣ, въ сверхъ-человѣческой силѣ, рассказывая имъ фантастическія сказки о богахъ. Жрецъ въ глазахъ народа есть ясновидящій, которому извѣстно многое, что простымъ смертнымъ недоступно. Жрецъ зажигаетъ огонь на алтарѣ и начинаетъ пѣть хвалу могучимъ покровителямъ міра и вершителямъ его судьбы. Такимъ образомъ, создаются гимны. Собраніе этихъ гимновъ, передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе называется—*Веда*. Къ гимнамъ вскорѣ присоединяются литургическія правила и благочестивыя размышленія. Часть Веды, содержащая въ себѣ гимны божеству (ригъ) называется *Ригведа*, часть содержащая просто праздничныя пѣсни называется *Самаведа*. Третья часть называется *Йджурведа*, содержащая правила и формы жертвоприношеній. Къ этимъ тремъ безъ сомнѣнія, древнѣйшимъ книгамъ присоединена впоследствии менѣе древняя—*Атраведа*.

Изученіе Ведъ (слово *веда* означаетъ «знаніе») есть первая обязанность жрецовъ-брамановъ. По мнѣнію индійскихъ ученыхъ, Веды существуютъ 4,000 лѣтъ. Онѣ написаны на *санскритскомъ* языкѣ. Это мертвый языкъ, знакомый лишь ученымъ, но для европейскихъ изслѣдователей это былъ единственный источникъ, изъ котораго они черпали данныя для знакомства съ древне-индійскомъ міромъ, тѣмъ болѣе, что санскритская литература отличается богатствомъ и разнообразіемъ произведеній.

Ведійскіе міры полны необычайно роскошнаго фантастическаго вымысла. Первый могущественный и древнѣйшій богъ—это *Варуна* (тысячелѣтій), который въ золотомъ панцырѣ, сидя на золотой колесницѣ, ежедневно объѣзжаетъ міръ. Все существующее есть проявленіе его силы, его мудрости, его всевѣдѣнія. Другія божества сначала были только варіаціями Варуны, а потомъ сдѣлались самостоятельными богами. Атрибуты божества изображаются съ дѣтской наивностью: боги представлены тысячеглазыми, многоголовыми, со множествомъ рукъ и ногъ, но и самые атрибуты боговъ дѣлаются богами: такъ, напр., безконечность—богиня *Адити*—мать боговъ. Дѣти ея—*Варуна*, *Митра*, богъ солнца и *Ариаманъ*—добрый покровитель семейнаго счастья и супружества. Число боговъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Являются: *Аgni*—богъ огня и *Индра*—самый прославленный и популярный изъ всѣхъ индійскихъ боговъ. Даже Митра отступаетъ передъ нимъ. *Сурја* (Индра — Солнце) выѣзжаетъ на своей колесницѣ изъ нѣдръ *Ушаса* (утренняя зоря) и совершаетъ свой путь по небу съ супругой своей *Суварной*. Между индійскими богинями выше всѣхъ стоитъ богиня красоты, индійская Афродита *Лакшми*; какъ богиня счастья, она называется *Зри*. Она такъ же, какъ и Афродита, вышла изъ моря. Ее окружаютъ *Апсары*—существа, созданныя изъ водяныхъ испареній и серебрянаго свѣта, служащія олицетвореніемъ всего воздушнаго, ароматнаго, соотканнаго изъ водяной зыби, прозрачнаго облака, снѣжной бѣлизны и ды-

ханія цвѣтовъ: духи, воды, лѣса и т. д.; они не принадлежатъ ни къ смертнымъ, ни къ безсмертнымъ.

Но выше всѣхъ боговъ стоитъ *Сива*, единый, вѣчный, который самъ не сотворенъ и ничего не творитъ. Онъ не имѣетъ ни качествъ, ни атрибутовъ. Одна изъ женъ его называется *Парвати*. *Индра* же, богъ, управляющій судьбой людей, вмѣшивающійся въ ихъ дѣла и одаренный чело-вѣческими чувствами. Онъ носитъ черты эллинскаго Зевса и германскаго Тора. Въ моментъ рожденія онъ затмѣняетъ своего отца; изъ груди матери онъ пьетъ не молоко, а «сому» — питье, которое смертные приносятъ въ жертву богамъ, тотъ опьяняющій напитокъ, который играетъ такую важную роль въ браманскомъ богослуженіи. *Индра* пьетъ его такъ много, что дѣлается самымъ сильнымъ и воинственнымъ изъ боговъ. Въ такомъ состояніи онъ непобѣдимъ. По красотѣ онъ является олицетвореніемъ безоблачнаго голубого неба; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ неистовствуетъ и гремитъ въ своемъ золотомъ вооруженіи и на своей золотой колесницѣ, запряженной золотогривыми конями, какъ богъ грозы, онъ носится по воздуху, готовый сразиться съ богомъ облаковъ *Вриштрой*, который не даетъ благодѣтельнаго дождя людямъ.

Индра наполняетъ водою изсякшіе ручьи, оживляетъ опаленную зноемъ природу, заставляетъ цвѣсти растенія — въ этомъ смыслѣ онъ является олицетвореніемъ силъ природы. Но *Индра* проявляетъ себя также и, какъ покровитель человѣка, помогаетъ ему въ битвахъ и сражается за избранный свой народъ, какъ вѣчно юный герой. Въ своемъ небесномъ жилищѣ онъ ведетъ жизнь полную наслажденій, окруженный небесными дѣвами апсарами, чаранами и др. Понятно, что это представленіе о раѣ *Индры* явилось вслѣдствіе того, что уже въ ведійскомъ періодѣ были въ Индіи вельможи, жрецы, цари, которые вели жизнь полную роскоши и нѣги и имѣли многочисленныя гаремы. Апсары, *Индры*, по всей вѣроятности, были не что иное, какъ одалиски. Впрочемъ, и по другимъ свидѣтельствамъ намъ извѣстно, что въ ведійскомъ періодѣ были продажныя женщины, что были дома, гдѣ пили и играли въ кости.

Брама (Мага, Нирвана, Тантра) — всеобъемлющій — былъ первоначально не олицетвореніе божества, а мировая душа атма—брама. Онъ самъ не имѣетъ облика, но принимаетъ всевозможные виды и соединяетъ въ себѣ и силу, и матерію—однимъ словомъ, это нѣчто въ родѣ абсолютнаго пантеизма. Не имѣя личныхъ свойствъ, Брама принадлежитъ не къ міеологіи, а къ философіи. Въ Ведѣ Брама еще не существуетъ, — тамъ мировая душа называется *Пуруша*. Но такъ какъ о Пурушѣ сказано, что онъ есть то, «чѣмъ онъ сталъ и чѣмъ еще долженъ стать», то онъ является какъ бы предшественникомъ Браммы, чѣмъ-то въ родѣ его Мессіи. Брама есть «вѣчный, невидимый, котораго понять можетъ только разумъ». У Браммы три имени: *Омъ*, *Татъ* и *Сатъ*... *Омъ* означаетъ вѣчную славу, *Татъ* — вѣчное пребываніе всего сущаго въ богѣ, *Сатъ* — вселенная, какъ откровеніе божественнаго духа. Но съ теченіемъ времени Брама также сдѣлался олицетвореннымъ богомъ, высшимъ существомъ, царящимъ въ небесахъ, недоступнымъ, несмотря на свое соприкосновеніе съ жрецами. Передъ новымъ владыкой, Брамой, всѣ другія божества индійскаго неба спускаются на степень второстепенныхъ боговъ. Но Брама слишкомъ отвлеченное понятіе для толпы, онъ слишкомъ чуждъ для нея и народъ предпочитаетъ интересоваться дѣяніями и интимной жизнью *Индры* и другихъ боговъ, между которыми слѣдуетъ назвать еще *Ганесу* съ головою слона, *Сканду*, бѣдшаго верхомъ на павлинѣ, *Магадеву*—позднѣйшее воплощеніе *Сивы*, и братьевъ *Яма* и *Ману*. Последній, какъ первый царь, есть родоначальникъ всѣхъ царскихъ родовъ на землѣ.

Самый популярный из боговъ, настоящий народный богъ—это *Вишну-Кришна*, принимающий всевозможныя формы и вмѣшивающийся во всѣ человеческія дѣла. Супруга его—*Лакшми*, богиня красоты, которой, впрочемъ, нѣрѣдко приходилось дѣлиться съ прекрасными смертными сердцемъ своего супруга. Но Лакшми все болѣе и болѣе отступаетъ передъ супругой Сивы *Парвати*, точно такъ же, какъ и Вишнѣ пришлось уступить первое мѣсто въ почитаніи народа Сивѣ, какъ злему и страшному истребителю всего живого. Всѣми этими богами мы далеко еще не исчерпали міоэологію индусовъ; но назвать ихъ всѣхъ невозможно.

Магадэва.

И передъ этимъ народомъ внезапно открылась страна, полная невиданныхъ чудесъ. Подобно волшебной сказкѣ окружилъ его этотъ невиданный міръ гигантскихъ дѣвственныхъ лѣсовъ съ его чудовищными животными, яркими роскошными цвѣтами, птицами съ пестрыми перьями, бабочками, похожими на летающіе цвѣты, страшными тиграми, пантерами, змѣями—все это утѣшало и плѣняло человѣка, будило его чувство, разжигало воображеніе, которое создавало образы боговъ и богинь и изобрѣтало невѣроятныя приключенія. Такимъ образомъ, создалась обширная міоэологическая система, которой вскорѣ овладѣли жрецы и сдѣлались главнымъ и верховнымъ религіознымъ и свѣтскимъ авторитетомъ; князья же были только исполнителями ихъ воли. Первые цари соединяли еще въ себѣ духовную и свѣтскую власть; но затѣмъ власти раздѣлились, и тогда образовалась та *кастовая система*, которая заставила Индію на цѣлыя тысячелѣтія застыть въ недвижныхъ формахъ: *браманы*—якобы вѣщатели воли боговъ, фактически же законодатели и толкователи законовъ, представляющіе собой высшее образованіе и, слѣдовательно, высшую духовную власть; *кшатрии* (князья и воины)—представители государственной власти, окруженные почетомъ и блескомъ; *ваисьи*—каста купцовъ и ремесленниковъ и, наконецъ, *судры*—презираемая народная масса, которая была не-арійскаго происхожденія.

Какъ простой пастушескій народъ, арійцы видѣли все свое богатство въ *стадахъ рогатого скота*. Кромѣ того, они разводили коней, буйволовъ, овецъ и козъ. Вся жизнь ихъ вращается около этихъ благъ, они же составляютъ, главнымъ образомъ, еодержаніе культа, такъ какъ боговъ молятъ о хорошихъ пастбищахъ, о дождѣ, объ изобиліи молока. Они занимались также и *земледѣліемъ*, какъ это показываетъ поклоненіе богинѣ *Ситѣ* (сохѣ). Понятно, что у народа столь первобытнаго развитія не могло быть великолѣпныхъ построекъ. *Дома*, состоящіе изъ деревянныхъ столбовъ съ цыновочными стѣнами, имѣютъ покатыя крыши, и это указываетъ на то, что народъ этотъ прежде жилъ на сѣверѣ. Внутри жилища былъ *очагъ*, а у очага сидѣніе для «дорогого гостя», т. е., бога *Агни* и скамьи или подушки для присутствующихъ.

Кромѣ скотоводства и земледѣлія, древніе индусы занимались *охотой*, служившей также и для защиты отъ дикихъ звѣрей. Они любили собираться на открытыхъ полянахъ для состязаній и борьбы, для игры и пооекъ. Все это обычай, которые мы позднѣе встрѣтимъ у германцевъ. Женщину индусы почитали не только, какъ хозяйку дома, но и, какъ «госпожу» (патни), какъ мать она называется «госпожей въ домѣ отца». Пастухами могли быть только мужчины, такъ какъ стада приходилось охранять отъ дикихъ звѣрей, зато домашній уходъ за скотомъ лежалъ исключительно на женщинахъ. Женщины же готовили пищу, которая состояла изъ молока съ толокномъ или изъ вареной на молокѣ ячменной или рисовой каши, пироговъ, замѣшанныхъ на маслѣ, блиновъ и т. д. Древнеиндусская хозяйка гордилась своимъ поварскимъ искусствомъ и любила устраивать пиры и угощенія въ своемъ домѣ. Индусы умѣли пряхъ и ткать, при чемъ матеріаломъ служили какъ растительное волокно, такъ и овечья шерсть.

Отъ обычая одѣваться въ звѣриныя шкуры на сѣверѣ остались у нихъ накидываемыя на плечи, какъ плащъ, шкуры оленя, антилопы, пантеры. Слово *платье* упоминается въ литературѣ, но, по всей вѣроятности, это была, особенно у женщинъ, рубашка, державшаяся на одномъ плечѣ и спускавшаяся съ другого плеча, такъ что одно плечо и одна грудь оставались непокрытыми. Однако, съ теченіемъ времени, особенно при княжескихъ дворахъ, все это измѣнилось, и стала вкореняться роскошь, главнымъ образомъ, въ видѣ *драгоценныхъ украшеній*, при чемъ строго была опредѣлена сумма ихъ цѣнности по сословіямъ. Украшенія эти состояли изъ ожерелій, браслетовъ, серегъ, головныхъ уборовъ, цѣпочекъ изъ золота, жемчуга и драгоценныхъ камней. Матери такъ же, какъ и теперь, старались принарядить своихъ дочекъ, чтобы выставить на видъ ихъ красоту. Для этого, кромѣ того, употреблялись благовонныя мази и дорогія пестрыя одежды, которыя надѣвались, главнымъ образомъ, для игры и танцевъ, такъ что можно сказать, что и въ тѣ времена существовала уже забота о бальномъ туалетѣ.

Хотя многоженство уже въ раннія времена было въ обычаѣ у богатыхъ и знатныхъ, однако, моногамическій бракъ несомнѣнно преобладалъ въ болѣе раннія времена, пока браманы изъ эгоистическихъ цѣлей не понизили цѣнность женщины, какъ человѣка, и тѣмъ не подорвали прежнихъ чистыхъ нравовъ семейной жизни. *Бракосочетаніе* въ ведійскомъ періодѣ совершалось очень торжественно. Но всѣ обряды и обычаи носятъ не восточный, а чисто арійскій характеръ. Послѣ того, какъ женихъ и невѣста обошли вокругъ священнаго огня, бракъ ихъ считался заключеннымъ *на вѣки и нерасторжимымъ*. Впослѣдствіи это измѣнилось, въ особенности съ введеніемъ Ислама. Идеаломъ семейнаго счастья въ ведійскомъ періодѣ считалась любовь, согласіе между супругами, миръ у домашнего очага, дѣти. Относительно воспитанія дѣтей въ древнихъ пѣсняхъ мы не находимъ ничего положительнаго, хотя и встрѣчаются указанія на прекрасныя отношенія между дѣтьми и родителями. Въ тѣ счастливыя времена примѣръ отцовъ навѣрное былъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ для дѣтей. Сыновья служатъ опорой родителямъ въ превратностяхъ судьбы, въ старости. Но послѣдней не боялись и не гнушались, а наоборотъ, страстно желали долгой жизни.

Тѣмъ не менѣе, смерть не представлялась страшной и при торжественномъ погребеніи вдова не надѣвала траурнаго платья, а гости являлись въ праздничномъ нарядѣ. Жрецъ при произнесеніи надгробнаго слова увѣщевалъ вдову не печалиться о мужѣ, такъ какъ онъ и въ иномъ мірѣ продолжаетъ защищать свой домашній очагъ отъ враговъ. Древніе индусы не сжигали умершихъ, они возвращали тѣла «матери землѣ». Послѣ по-

гребенія жизнь входила въ обычную колею; вдовѣ никто не препятствовалъ выходить замужъ, не было ни громкихъ жалобъ и рыданій, не было костровъ для сжиганія вдовы. Все это введено было впоследствии браминами, которые ввели еще многое относительно загробной жизни, чего не знали раньше. Древніе индусы не знали ни наказанія, ни награды послѣ смерти, ада не существовало, а была только «милая обитель», гдѣ блаженствовали праведники. Куда дѣвались тѣ, которыхъ сторожевые псы Ямы не пускали въ обитель, въ ведійскихъ книгахъ не говорится.

Эпическій періодъ.

Свѣдѣнія о развитіи индусской жизни послѣ ведійскаго періода вдругъ прекращаются и наступаетъ эпоха миѳическихъ сказаній и героевъ-полубоговъ. Письма тогда не было, преданіе сохранялось только изустно въ священныхъ пѣсняхъ и гимнахъ, которые въ теченіе многихъ столѣтій передавались изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію въ средѣ брамановъ. Такому заучиванію наизустъ священныхъ текстовъ нѣтъ ничего подобнаго въ жизни всѣхъ остальныхъ народовъ міра. Одна Ригведа содержитъ около 10.000 стиховъ, а каждый посвящавшій себя жреческой профессіи, долженъ былъ заучить всѣ ведійскія книги наизустъ!

Между древнимъ индо-арійскимъ періодомъ и позднѣйшимъ героическимъ періодомъ существуетъ громадный пробѣлъ въ тысячу лѣтъ, когда появляется громадный героическій эпосъ «Магабгарата», въ которомъ прославляются герои, боровшіеся за господство той или другой династіи. Названіе поэмы означаетъ: «великое сказаніе о Баратахъ». Это династія, о которой упоминается уже въ Ригведѣ. Бараты пришли изъ Ирана и поселились на верховьяхъ Ганга. Одинъ изъ ихъ позднѣйшихъ властителей носилъ имя *Куру*, а потому и вся занимаемая ими мѣстность называлась *Куру кишатра*, т. е., «поле Куру». Въ основѣ составляющихъ Магабгарату сказаній лежатъ, безъ сомнѣнія, историческіе факты; но полное отсутствіе хронологическихъ соображеній у индусовъ не позволяетъ даже приблизительно опредѣлить эпоху, когда разыгралась эта грандіозная трагедія между родственными племенами. Къ борьбѣ, начавшейся между двумя княжескими домами (сыновей Куру) за власть, мало-по-малу, присоединяются другіе князья и ихъ народы, и ожесточенная вражда принимаетъ, въ концѣ концовъ, чудовищные размѣры. Въ борьбѣ принимаютъ участіе герои, одаренные сверхъ-человѣческими свойствами и совершаютъ чудеса храбрости. Но надъ всѣми ими стоитъ еще болѣе могущественная власть, божественнаго происхожденія—жрецы, и рѣшеніе всѣхъ политическихъ и военныхъ вопросовъ находится въ рукахъ этой всемогущей касты. Правда, что по этому поводу нерѣдко возникаетъ борьба между родами браминовъ и княжескими домами кшатріевъ; но она никогда не заходитъ за предѣлы частныхъ столкновеній и не вліяетъ на общій ходъ событий. Каждое сословіе оставалось строго въ предѣлахъ своей власти и обязанностей и, такъ сказать, параллельными путями подвигалось къ власти.

«Магабгарата» подвергалась многимъ передѣлкамъ, но въ настоящемъ видѣ ея поэма была пересмотрѣна въ браманскомъ духѣ и навсегда установлена уже много столѣтій назадъ. Поэтому въ поэмѣ встрѣчаются странныя противорѣчія съ ведійскимъ закономъ въ области нравственности и брака. Такъ, мы находимъ здѣсь многомужіе (полиандрію), которое запрещено въ Ведѣ, которое противорѣчитъ также и позднѣйшимъ воззрѣніямъ браманизма. А между тѣмъ, сыновья Панда, внуки Куру, имѣютъ одну общую жену (Дравпади). Почему же браманы, редактировавшіе поэму, не выкинули эту некрасивую подробность? По всей вѣроятности потому, что это былъ остатокъ очень древней традиціи, восходящей до временъ глубокой древ-